

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет» (ПГУ)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Материалы III Всероссийской
научно-практической конференции

(г. Пенза, 18 апреля 2018 г.)

Под редакцией кандидата юридических наук,
доцента А. В. Александровой

Пенза
Издательство ПГУ
2018

УДК 342
А43

Р е ц е н з е н т

кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Теория и история государства и права»
Южного федерального университета, г. Ростов-на Дону
А. В. Серегин

А43 Актуальные проблемы современного конституционализма : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 18 апреля 2018 г.) / под ред. канд. юрид. наук, доц. А. В. Александровой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. – 214 с.

ISBN 978-5-907102-23-1

Даны материалы докладов и сообщений, представленных на конференции, организованной кафедрой «Государственно-правовые дисциплины» 18 апреля 2018 г. и посвященной актуальным проблемам современного конституционализма. Тематика статей достаточно широка: рассматриваются вопросы как российского, так и зарубежного конституционного права, ряд статей носит сравнительно-правовой характер.

Издание предназначено для обучающихся по направлениям подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» (бакалавриат), 40.04.01 «Юриспруденция» (магистратура «Конституционное право; муниципальное право»), а также всех интересующихся вопросами государства и права.

УДК 342

ISBN 978-5-907102-23-1

© Пензенский государственный
университет, 2018

Раздел I

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ И ИХ ЗАЩИТА

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН

Ю. А. Андреева

*магистрант юридического факультета
(научный руководитель: д.ю.н., профессор
О. В. Романовская),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Формулируется и раскрывается понятие права на охрану здоровья граждан. Исследуются правовые акты, закрепляющие данное право. Анализируется содержание понятия «права на охрану здоровья». Рассматриваются основные проблемы, связанные с реализацией данного права.

Ключевые слова: право, охрана здоровья, человек, современное государство, медицинская помощь.

Вопросы здоровья, его значения в жизни и деятельности человека ставились еще в древности в Египте, Греции, Риме, Индии, Китае и других государствах. Об этом свидетельствуют труды Аристотеля, Платона, и других древних философов [3].

В настоящее время, Конституция РФ включает в себя определенный перечень прав и обязанностей. Одним из важнейших прав, регламентируемых основополагающим законом нашей страны, является право на охрану здоровья граждан. Согласно части 1 статьи 41 Конституции РФ: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь [1]. Данное право относится к социальным правам.

Вопросам охраны здоровья и оказания медицинской помощи посвящены работы Е. Н. Савельевой, В. И. Стародубова, Г. А. Бученкова, А. В. Попова и других авторов.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны граждан в РФ», «здоровье – состояние физи-

ческого, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма». Когда человек здоров, он в полной мере может реализовать свои желания, умения, способности, обеспечить безопасность своей страны [2].

Поэтому охрана и защита данного блага являются одними из основных первостепенных задач современного государства.

Несмотря на гарантированность и закрепление данного права основным законом нашей страны, данное право часто нарушается и приводит к нарушению права на жизнь каждого человека, столкнувшегося с данного рода нарушениями.

Закрепление права на охрану здоровья Конституцией РФ означает и то, что иностранному гражданину другого государства, который находится на территории нашей страны гарантируется право на охрану здоровья, что подкрепляется международными договорами.

Согласно статье 18 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны граждан в РФ»: право на охрану здоровья обеспечивается охраной окружающей среды, созданием безопасных условий труда, благоприятных условий труда, быта, отдыха, воспитания и обучения граждан, производством и реализацией продуктов питания соответствующего качества, качественных, безопасных и доступных лекарственных препаратов, а также оказанием доступной и качественной медицинской помощи.[2]

Одним из элементов права на охрану здоровья является право на медицинскую помощь. Ранее действовавшие Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан закрепляли право на медико-социальную помощь [4, с. 10].

Право на осуществление медицинской деятельности является ключевым в системе организации здравоохранения, именно от него зависит, кто именно будет оказывать профессиональную медицинскую помощь [5, с. 39]. Права и обязанности медицинских работников содержатся в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Проблемы защиты нарушенных прав пациентов в России обусловлены состоянием здоровья населения, которое возможно оценить как кризисное. Стоит заметить, что в последнее десятилетие резко увеличилась инвалидизация населения. В России 12 млн

инвалидов, из них 1 млн – в результате врачебных ошибок. В Российской Федерации ежегодно имеет место около 1,5 млрд случаев обращения населения за медицинской помощью, миллионы пациентов госпитализируются в медицинские учреждения [6, с. 7].

Случаи врачебных ошибок известны давно. Последствиям оказания медицинской помощи, которые повлекли вред здоровью человека, посвящены ряд статей Уголовного Кодекса РФ. Например, статья 128, которая говорит о незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях [7].

В настоящее время в России защитой нарушенных прав пациентов занимается множество министерств и ведомств. Однако все нормы защиты данных прав содержатся в различного рода правовых актах, это осложняет практическое применение данных норм. Поэтому считаем целесообразным, систематизировать данные нормы в один единый правовой акт.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон № 323-ФЗ от 21.11.2011 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
3. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь граждан в Российской Федерации. – URL: <http://lawtheses.com/pravo-na-ohranu-zdorovya-i-meditsinskuyu-pomosch-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 30.04.2018).
4. Романовская, О. В. Право на охрану здоровья, право на медицинскую и социальную помощь: проблемы соотношения / О. В. Романовская // Социальное и пенсионное право. – 2015. – № 1. – С. 9–14.
5. Романовская, О. В. Особенности профессиональной деятельности медицинских работников в Российской Федерации / О. В. Романовская // Трудовое право в России и за рубежом. – 2013. – № 3. – С. 38–41.
6. Трошкина, О. Н. Актуальные проблемы защиты прав пациента в России в условиях глобализации / О. Н. Трошкина // Наука. Общество. Государство. – 2014. – № 3 (7).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ИЗ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ

О. Н. Безоян

*магистрант факультета магистратуры и аспирантуры
(научный руководитель: д.ю.н., профессор
Велиева Джамила Сейфадин кызы),
Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина,
г. Саратов*

Аннотация. Рассматриваются конституционно-правовые проблемы социальной защиты несовершеннолетних из многодетных семей. На примере Саратовской области анализируется законодательство о поддержке многодетных семей.

Ключевые слова: семья, меры социальной поддержки, многодетная семья, законодательство Российской Федерации.

Согласно Конституции Российской Федерации семья – это конституционно-правовая категория, основанная на браке, которая порождает взаимные личные и имущественные права и обязанности, направленная на создание семьи, рождение и воспитание ребенка [1].

Семья является необходимым условием в жизни каждого человека, а также играет важную роль в жизни общества и государства, в воспитании новых поколений, обеспечивает общественную стабильность и прогресс. Система норм и ценностей семьи выверена столетиями, поэтому стабильность и мощь государства основаны на нормах и ценностях семейного образа жизни.

Многодетная семья в основном испытывает те же проблемы, что и другие семьи, имеющие детей, но разница заключается лишь в том, что к общим проблемам добавляются и своеобразные, которые связаны с наличием большего по сравнению с обычными семьями числа детей. Необходимость особого социального обеспечения многодетных семей обусловлена не только тем, что многодетные родители несут большую нагрузку по сравнению с оставшимися родителями по содержанию и воспитанию детей, уходу и присмотру за ними, но и обладают из-за этих меньшими возможностями для получения средств существования за счет оплачиваемой работы вне дома.

Понятие многодетности не остается неизменным. Указом Президента РФ от 5 мая 1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей», принятым в целях проведения целенаправленной и адресной политики в условиях либерализации цен, субъектам РФ было предложено с учетом национальных и культурных особенностей в социально-экономическом и демографическом развитии региона определить категории семей, которые относятся к многодетным и нуждаются в дополнительной социальной поддержке. Согласно региональному законодательству многодетной именуется семья, имеющая трех и более детей в возрасте до 16 (18) лет.

Многодетным семьям предоставляется право на [3, ст. 4]:

1) бесплатное обеспечение детей в возрасте до шести лет лекарствами по рецептам врачей;

2) первоочередное получение бесплатных путевок в детские оздоровительные учреждения детям в возрасте от семи до четырнадцати лет из семей, имеющих среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, установленного в области;

3) получение один раз в год денежных средств в размере 1000 рублей на приобретение комплекта школьной одежды, спортивной одежды и обуви на каждого ребенка, обучающегося в образовательной организации, реализующей общеобразовательные программы начального общего, основного общего и среднего общего образования, являющиеся для данной организации основными, из семей, имеющих среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума, установленного в области (пункт с учетом изменений, внесенных Законом Саратовской области от 02.08.2007 № 149-ЗСО, см. предыдущую редакцию);

4) получение один раз в год денежных средств в размере 120 рублей на каждого члена многодетной семьи для посещения театров;

5) получение один раз в год денежных средств в размере 1000 рублей на детей из многодетных семей, имеющих среднедушевой доход ниже прожиточного минимума, установленного в области, посещающих занятия в физкультурно-спортивных сооружениях;

6) меру социальной поддержки по оплате коммунальных услуг в форме ежемесячной компенсации расходов на оплату жилого помещения и коммунальных услуг (далее – компенсация).

Зачастую с увеличением в семье детей растет и объем предоставляемых ей благ. Такой подход является продуктивным и может быть поддержан, поскольку чем больше у родителей детей, тем выше их иждивенческая нагрузка и соответственно меньше возможностей для удовлетворения потребностей детей. Исследования показывают о высоких рисках и глубине бедности многодетных семей, это вызвано за низким уровнем экономической активности трудоспособных членов.

Особенность конституционно-правового статуса ребенка заключается в том, что его права и законные интересы во многих случаях реализуются через законных представителей. Поэтому права ребенка следует рассматривать через призму охраны материнства, что в свою очередь тесно связано с государственной охраной и укреплением семьи.

Статья 38 Конституции Российской Федерации гласит о том, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства. Независимо от того в какой семье, где и когда родились дети им гарантируются равные права, а именно право на имя, на жилище, на получение квалифицированной медицинской помощи, на воспитание родителями или лицами их заменяющими, а при их отсутствии ребенок имеет право на государственное обеспечение.

Статья 43 Конституции Российской Федерации гласит о праве на образование, которое является самым основным и неотъемлемым правом ребенка, однако право выбора формы образования закреплено только за совершеннолетними гражданами (ст. 50 ФЗ «Об образовании») [2, ст. 43].

В законодательстве установлено, что после достижения детьми совершеннолетнего возраста статус многодетной семьи снимается, поэтому пропадают и все льготы.

Однако, если ребенок учится в вузе, то статус многодетной семьи сохранится до исполнения им двадцати трех летнего возраста.

Следует отметить, что некоторые федеральные льготы многодетным семьям касаются также и образования их детей, это объясняется тем что родители каждый год получают определенную сумму денег для покупки школьной формы и школьных принадлежностей, таких как тетради, альбомы, ручки и т.д.

Кроме того, дети из многодетных семей имеют право на бесплатное питание в школах или дошкольных учреждениях, могут также безвозмездно пользоваться транспортным средством.

В соответствии с положениями Конституции Российской Федерации формируется государственная политика Российской Федерации в области социальной поддержки граждан.

Согласно ст. 7 Конституции РФ: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Также в Конституции Российской Федерации установлено, что координация вопросов защиты семьи, материнства, отцовства и детства, социальная защита, включающая в себя социальное обеспечение, находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Таким образом все выше перечисленные гарантии реализуются через систему социальной защиты населения.

Однако хотелось бы акцентировать внимание на том, что одна из самых острых проблем в России является – демографическая проблема. И единственными решением данной проблемы являются: многодетные семьи и многодетные родители, которые нуждаются в повышенном внимании федеральной и региональной власти.

Положение семьи, уровень ее благополучия и стабильность являются важнейшими социальными индикаторами, которые определяют жизнестойкость нации, общества и государства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 : [в ред. от 07.03.2018] // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.

3. О мерах социальной поддержки многодетных семей в Саратовской области : Закон Саратовской области № 74-ЗСО от 01.08.2005 // СПС «Гарант». – URL: <http://base.garant.ru/45121170/> (дата обращения: 25.03.2018).

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СВОБОДУ СОБРАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Р. Н. Бичинов

*магистрант факультета магистратуры и аспирантуры
(научный руководитель: д.ю.н., профессор
Велиева Джамила Сейфаддин кызы),
Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина,
г. Саратов*

Аннотация. Рассматривается процесс развития права граждан на свободу собраний в современной России. Данное право рассматривается во взаимосвязи с существующими в его реализации проблемами. Анализируются факторы, способствующие возникновению затруднений в реализации этого права. Вносятся предложения, направленные на минимизацию и устранение проблем, существующих в данной сфере.

Ключевые слова: свобода собраний, политические права, конституционное право, демократия, конституция.

Исторически, на территории нашей страны сложилось так, что многие актуальные для населения проблемы решались с помощью народного собрания. Причем тематика таких проблем могла быть самой различной – от решения хозяйственных вопросов до объявления войны и установления мира [1, с. 34].

На современном этапе развития нашего государства отправной точкой становления права на свободу собраний становится 1993 год, когда данное право закрепляется в нормативно-правовом акте наивысшей силы – Конституции РФ.

Свобода собраний для граждан – это право на проведение митингов, шествий, пикетов и демонстраций.

Право на свободу собраний прописывается в статье 31 Конституции Российской Федерации 1993 года. Общеизвестно, что нормы Конституции РФ в большинстве своем являются декларативными, что характеризуется отсутствием тщательной детализации трех элементов нормы права (гипотезы, диспозиции, санкции). Соответственно, государство могло каждое проявление волеизъявления населения признавать за акт агрессии и подавить его жесткими мерами. Такой законодательный промах в вопросе реализации права на свободу собраний не мог и не должен был существовать в демократическом и правовом государстве, коим, согласно статье 1 основного закона [2, с. 40], является Российская Федера-

ция. Такая ситуация ставила под сомнение реальность фундаментальных положений основного закона страны.

Следующей вехой в развитии рассматриваемого права становится 2004 год – а именно, принятие Федерального Закона от 19 июля 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», в котором детализируются положения, установленные 31 статьей Конституции, а также устанавливается порядок организации и проведения различных видов собраний граждан.

Однако, как показали события на Болотной площади, происходившие в период с 2011 по 2013 гг., а также совсем недавние акции, прошедшие в марте 2017 года в некоторых городах России, причина затруднений в реализации рассматриваемого права заключается не столько с процессом организации и проведения собраний, сколько с отношением властных структур к таким акциям.

Следом за событиями на Болотной площади на законодательном уровне запускается процесс по внесению поправок в ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и Кодекс об административных правонарушениях РФ – так, ужесточаются санкции по статье 20.2 [3, с. 31].

Стоит сказать, что в соответствии со статьей 7 вышеназванного федерального закона, организаторы публичного мероприятия обязаны осуществить процедуру согласования с органами государственной власти [4, с. 18]. Однако муниципалитеты наделены правом обращения к организаторам мероприятия с целью предложения переноса места и времени проведения мероприятия. Причем такое предложение, согласно статье 5, должно быть мотивированным [4, с. 51] или, как гласит статья 12, обоснованным [4, с. 67].

В связи с оценочным характером данных положений, возникает серьезная проблема – какое предложение можно считать мотивированным и обоснованным. Возникает ситуация, при которой местные власти могут любую, по каким-либо причинам неудобную для них акцию, предложить перенести в другое место (безлюдное, на окраину и т.д.) либо перенести время ее проведения. Все это однозначно создает препятствия для реализации основной цели публичного мероприятия – привлечения общественного внимания.

Видится необходимым дополнение соответствующих статей ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» четкими критериями, которые ясно и недвусмысленно определяют, что можно считать мотивированным и обоснованным предложением переноса места и времени проведения публичного

мероприятия. И, в дополнение к этому, необходимо закрепить в КоАП РФ ответственность должностных лиц органов власти субъектов федерации и органов местного самоуправления за неправомерное препятствование в проведении публичного мероприятия.

Как известно, право на свободу собраний принадлежит к правам человека «первого поколения» (гражданским и политическим). Стоит отметить, что и митинг, и демонстрация, и шествие, и пикетирование – все это является формой прямого осуществления демократии, и, чрезвычайно важно, чтобы государство учитывало и разрешало любые проблемы, возникающие в процессе реализации этого фундаментального политического права человека и гражданина.

Библиографический список

1. Вернадский, Г. В. Золотой век Киевской Руси / Г. В. Вернадский. – М., 2012. – 399 с.
2. Конституция Российской Федерации 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 : [в ред. от 17.04.2017] // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 19. – Ст. 2278, 2281 ; 2017. – № 17. – Ст. 2460.
4. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : федер. закон № 54-ФЗ от 19.06.2004 : [в ред. от 03.07.2016] // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 25. – Ст. 2485 ; 2012. – № 6. – Ст. 621 ; 2016. – № 27. – Ст. 4160.

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ В СФЕРЕ ТРУДА

И. И. Бухминов

*магистрант юридического факультета
(научный руководитель: В. А. Катомина, к.ю.н., доцент),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Проводится сравнительно-правовой анализ Конституции РФ и конституций зарубежных стран на предмет использования категорий «свобода труда» и «право на труд». Данные понятия закреп-

ляются либо в качестве принципов правового регулирования, либо субъективных свобод и прав. В зависимости от этого конституционного установления исследуется гарантирование судебной защиты трудовых прав личности.

Ключевые слова: свобода труда, право на труд, судебная защита, Конституционный Суд РФ.

Конституция РФ, являясь основным законом государства, в ст. 7 и 37 заложила основы для трудового законодательства. Хотя в юридической литературе бытует мнение о том, что в Конституции РФ не содержится четкой формулировки о закреплении права на труд, а, следовательно, Основной закон страны не учреждает право на труд, как гарантированное государством право на трудоустройство [2, с. 92].

Характеризуя право на труд, необходимо затронуть проблему соотношения данного термина с понятием «свобода труда». По данному вопросу в науке конституционного права сложилось два подхода. Согласно одному из них свобода труда – это конституционное право, представляющее собой возможность для реализации своих способностей к трудовой деятельности без какого-либо принуждения. Иными словами, каждый человек делает для себя выбор: трудиться либо нет. Данной позиции придерживается В. В. Глазырин, подчеркивающий, что в Конституции РФ не содержится юридической обязанности граждан трудиться [5, с. 34], а значит, свобода труда подразумевает как право на труд, так и право не заниматься трудовой деятельностью.

Вместе с тем свобода труда не предполагает отказ государства от гарантирования в сфере труда. Россия, будучи социальным государством, обязана предпринимать ряд мер, направленных на обеспечение и защиту социально-экономических прав, к числу которых относится право на труд.

Другие конституционалисты рассматривают понятие «свобода труда» в качестве основополагающего конституционного принципа, регулирующего широкий круг трудовых отношений, в т.ч. и право на труд. Последнее выступает субъективным правом, одним из элементов правового статуса личности [7, с. 412]. Поэтому исследуемые понятия соотносятся между собой как целое и часть.

Неоднозначность соотношения категорий «свобода труда» и «право на труд» сказывается на отсутствии четкой классификации конституционных прав в сфере труда. В частности, Т. А. Сошникова относит к таковым право на свободное использование своих

способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию; право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены; право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда; право на защиту от безработицы; право на индивидуальные и коллективные трудовые споры; право на забастовку; право на отдых [6, с. 9].

В. А. Бережной к выше перечисленным правам добавляет право на фиксированное рабочее время продолжительностью не более установленного законом максимума; право на ежегодный оплачиваемый отпуск [3, с. 26].

Если обратиться к сравнительно-правовому анализу конституционного законодательства зарубежных стран, то можно прийти к выводу о том, что понятия «свобода труда» и «право на труд» могут не совпадать и даже отрицать друг друга. Так, в преамбуле Конституции Французской Республики 1946 г. как части Конституции Франции 1958 г. содержатся нормы о «праве на получение занятия» и «обязанности трудиться». Правда обязанность трудиться имеет не столько правовой оттенок, сколько нравственное значение, подчеркивающее необходимость, важность и социальную полезность для человека и государства заниматься трудовой деятельностью. Поэтому обязанность трудиться, выступая моральной обязанностью, не предусматривает наступление юридической ответственности за ее неисполнение.

В свою очередь, в конституционном законодательстве зарубежных стран категории «свобода труда» и «право на труд» могут получить конституционное закрепление как в качестве принципов правового регулирования (например, Союзная Конституция Швейцарской Конфедерации 1999 г.), так и в качестве субъективного права (например, в Конституции Испании 1978 г.).

Теперь обратимся к анализу возможности защиты исследуемых понятий. Конституция РФ, провозглашая права в сфере труда, предусматривает возможность их защиты в судебном порядке, в т.ч. посредством конституционного правосудия. В настоящее время можно выделить следующие направления деятельности Конституционного Суда РФ в сфере труда:

а) рассмотрение дел по жалобам работников, выступающих стороной трудовых отношений;

б) рассмотрение дел по запросам о соответствии Основному закону РФ норм законодательства о труде;

в) рассмотрение дел по запросам судов по вопросам применения норм трудового законодательства;

г) толкование норм трудового законодательства [4, с. 13–20].

В последние годы влияние деятельности Конституционного Суда РФ на правоотношения в сфере труда выражается в принятии постановлений от 07.12.2017 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвертой и одиннадцатой статьи 1331 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. С. Григорьевой, О. Л. Дейдей, Н. А. Капуриной и И. Я. Кураш», от 5 апреля 2013 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца четвертого части первой статьи 6 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Архангельского областного Собрания депутатов» и др.

В зарубежных странах далеко не всегда Конституцией предоставляется возможность судебной защиты в реализации свободы труда и права на труд. Примером может служить Союзная Конституция Швейцарской Конфедерации 1999 г., в п.4 ст. 41 которой указано, что из социальных целей (к числу которых относится свобода труда и право на труд) не могут выводиться никакие непосредственные претензии на государственные услуги. Иными словами, основной закон не гарантирует человеку реализацию права на труд.

Другой пример. Абзац 1 ст. 43 Конституции Аргентинской Республики 1994 г. устанавливает, что конституционные права, установленные Конституцией, договором или законом, могут быть защищены, в т.ч. и в судебном порядке. Однако в других абзацах этой же статьи в качестве объектов защиты не указаны свобода труда и право на труд. Из чего можно сделать вывод о том, что и в этой стране граждане лишены возможности защиты прав в сфере труда.

Вместе с тем следует отметить, что ни закрепление в Конституции РФ широкого перечня прав в сфере труда, ни возможность государственной защиты трудовых прав не исключают нарушений прав граждан на труд. Так, по-прежнему являются весьма распространенными нарушения трудовых прав женщин и лиц с семейными обязанностями, пенсионеров по возрасту и др. Поэтому представляется весьма целесообразным предложение А. С. Авакьяна, считающим необходимым оказывать поддержку трудовых прав

некоторым категориям населения на конституционном уровне. В частности, ученый предлагает закрепить в Конституции РФ гарантии для женщин, а именно проведение государственной политики по обеспечению женского равноправия, повышению заботы о работающих женщинах, о матерях и т.д. [1, с. 509].

Библиографический список

1. Андреева, Г. Н. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. / Г. Н. Андреева, С. А. Авакьян. – М. : Юрист, 2005. – Т. 1. – 719 с.
2. Анишина, В. И. Свобода труда или право на труд? / В. И. Анишина, Ю. Г. Попонов // Журнал российского права. – 2007. – № 4. – С. 86–96.
3. Бережной, В. А. Конституционные принципы и права в сфере труда и их защита в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Бережной В. А. – М., 2007. – 182 с.
4. Ершова, Е. П. Юридическая природа правовых позиций Конституционного Суда РФ / Е. П. Ершова // Трудовое право. – 2004. – № 11. – С. 13–20.
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. Л. А. Окуньков. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Бек, 1996. – 635 с.
6. Сошникова, Т. А. Правовой механизм защиты конституционных прав и свобод в сфере труда : дис. ... д-ра юрид. наук / Сошникова Т. А. – М., 2005. – 405 с.
7. Федин, В. В. Соотношение принципа свободы труда и права на труд / В. В. Федин // Lex Russica. Научные труды МГЮА. – 2004. – № 2. – С. 411–435.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

С. М. Володин

*магистрант юридического факультета
(научный руководитель: д.ю.н., профессор О. В. Романовская),
Пензенский государственный университет, г. Пенза*

Аннотация. Формулируется и раскрывается понятие конституционных гарантий экономических прав и свобод личности, проводится их классификация. Указывается на недостатки механизма реализации кон-

ституционных гарантий экономических прав и свобод на современном этапе развития государства и гражданского общества. Обозначаются возможные пути совершенствования механизма реализации конституционных гарантий экономических прав и свобод.

Ключевые слова: конституционные гарантии, экономические права и свободы, механизм реализации конституционных гарантий экономических прав и свобод.

На современном этапе развития общества и государства возрастает актуальность совершенствования конституционных основ регулирования процессов, происходящих в экономической жизни государства.

Такие конституционные принципы рыночной экономики, закрепленные в Конституции Российской Федерации [1], как единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности образуют основы экономического строя современной России. Однако провозглашенные в Конституции, в законах права и свободы не могут быть реализованы без соответствующих гарантий.

В конституционной теории есть различные точки зрения относительно понятия конституционных гарантий. С одной стороны, конституционные гарантии рассматриваются как мера обеспечения возможности реализации индивидом принадлежащих ему прав и свобод. С другой стороны, конституционные гарантии можно определить как совокупность факторов, направленных на фактическую реализацию индивидами конституционных прав и свобод, как устранение возможных препятствий их осуществления и защите. Согласно третьей точке зрения, которая представляется нам наиболее точной, конституционные гарантии представляют собой правовые средства, обеспечивающие реализацию того или иного права человека [2, с. 523].

В настоящее время в Российской Федерации сформирован общеправовой институт гарантий экономических прав и свобод, представляющий собой сложную структурную единицу.

Конституционные гарантии экономических прав и свобод условно подразделяются на две группы: относящиеся к основам конституционного строя и относящиеся к правам и свободам человека и гражданина [3, с. 20].

Кроме того, в состав правового механизма обеспечения экономических прав и свобод входят и международные механизмы

обеспечения прав. Так, Е. А. Еремеева указывает, что «каждому виду правовых гарантий соответствует определенный механизм защиты прав и свобод, а именно: международный, национальный, региональный и местный» [5, с. 19]. Все уровни гарантий обеспечения экономических прав и свобод человека логично взаимосвязаны и тесно переплетены в правовых нормах, имеющих различную юридическую силу, установленных разными по статусу и полномочиям органами, исходными началами которых стали основные принципы и нормы международного права.

Однако, нельзя не отметить, что структура механизма реализации конституционных гарантий экономических прав и свобод в настоящее время не достаточно совершенна. Не созданы благоприятные условия реализации экономических прав и свобод человека и гражданина [6]. Длющийся экономический кризис подрывает основы их обеспечения. Не способствует этому и низкая правовая культура должностных лиц и граждан. На практике складывается ситуация, при которой субъекты экономической деятельности зачастую игнорируют правовые нормы, противоречащие их интересам. Все это снижает эффективность экономического механизма государства в целом [4, с. 61].

В связи с этим, основной задачей российской юридической науки, по нашему мнению, должны стать разработка и внедрение в правоприменительную практику действенных правовых гарантий, направленных на обеспечение экономических прав и свобод индивида, предотвращение и сдерживание злоупотреблений властью со стороны государства.

Однако обеспечение и защита экономических прав и свобод во многом зависит не только от деятельности государственных и правозащитных органов, но и от активности самого гражданского общества.

Назначение гарантий состоит в том, чтобы создать в государстве обстановку, при которой провозглашенные права и свободы становятся реально осуществимыми для каждого гражданина страны, поскольку права и свободы человека и гражданина лишаются реального содержания при отсутствии гарантий, способствующих их реализации. Наличие развитой системы гарантий прав и свобод человека и гражданина, в том числе экономических прав и свобод, создает в обществе уверенность, что нет права без возможности его осуществления [7, с. 8].

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 445.
2. Баглай, М. В. Конституционное право зарубежных стран : учеб. для вузов / М. В. Баглай ; под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. – М. : Норма, 2011. – 534 с.
3. Гвоздева, О. М. Гарантии конституционных социально-экономических прав граждан Российской Федерации: теория и практика / О. М. Гвоздева // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – № 3. – С. 18–22.
4. Гусева, А. Л. Механизм защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в РФ : к постановке проблемы / А. Л. Гусева // Грамота. – 2010. – № 1 (5). – С. 60–62.
5. Еремеева, Е. А. Механизм защиты прав и свобод человека и гражданина: понятие, структура, непосредственное действие / Е. А. Еремеева // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 2. – С. 18–23.
6. Романовская, О. В. Конституционно-правовые основы государственно-частного партнерства / О. В. Романовская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3. – С. 40–50.
7. Федорин, В. П. Гарантии конституционных прав и свобод человека и гражданина : учеб. пособие / В. П. Федорин. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП. – 2009. – 103 с.

МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ И ИНУЮ НЕ ЗАПРЕЩЕННУЮ ЗАКОНОМ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

К. С. Володина

*аспирант юридического факультета,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Формулируется и раскрывается понятие механизма защиты прав и свобод человека и гражданина, рассматриваются основные виды судебной и внесудебной защиты права на предприниматель-

скую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность. Указывается на недостатки механизма защиты конституционного права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, обозначаются возможные пути совершенствования.

Ключевые слова: механизм защиты, конституция, право, предпринимательская деятельность.

Эффективный механизм защиты прав и свобод человека и гражданина на современном этапе развития российского государства и общества приобретает особую актуальность.

Механизм защиты прав и свобод человека и гражданина является предметом исследования многих ученых-правоведов. Так, О. А. Снежко в своих работах указывает, что конституционный механизм защиты прав и свобод представляет собой систему органов и средств, закрепленных в Конституции Российской Федерации, которые обеспечивают наиболее полную и эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина [5, с. 107].

Е. А. Еремеева, продолжая рассмотрение такого подхода, уточняет, что механизм защиты прав и свобод человека и гражданина в узком смысле представляет собой совокупность применяемых гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина, где каждому виду гарантий соответствует определенный механизм защиты [1, с. 52].

Механизма защиты конституционного права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность представляет собой разновидность механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в целом.

Гусева А. Л. определяет механизм защиты конституционного права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность как систему конституционно-правовых норм, государственных органов, общественных организаций и объединений, а также правовых средств, с помощью которых осуществляется деятельность по защите и восстановлению нарушенного права, посредством чего достигается его эффективная реализация [2, с. 61]. Мы считаем, что данное определение полно и всесторонне отражает сущность механизма защиты конституционного права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность.

Учитывая особенности осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, ис-

ходя из регламентированной законом деятельности компетентных органов по защите прав предпринимателей, учеными выделяются судебные и внесудебные формы защиты прав предпринимателей.

Приоритетное место в механизме защиты права на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность занимает судебная защита. Это объясняется ролью судебной защиты как наиболее универсального способа защиты, известного широкому кругу общественности [6, с. 118].

Правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности осуществляется в Российской Федерации арбитражными судами. Однако нельзя не отметить роль Конституционного суда Российской Федерации в механизме защиты права на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, поскольку именно конституционное правосудие выступает важнейшим правовым механизмом поддержания баланса интересов, соответствия нормотворческой и правоприменительной практики в экономической сфере конституционным принципам и высшим правовым ценностям российского общества и государства.

Анализ работы Конституционного Суда России свидетельствует, что его решения активно и позитивно влияют на правоприменительную практику, охрану прав и свобод человека и гражданина в экономической сфере [3, с. 69].

К внесудебным формам защиты прав предпринимателей относится деятельность органов прокуратуры, федеральной антимонопольной службы, уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и других.

Отметим, что роль федеральной антимонопольной службы в защите права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность в России, в трудах ученых-правоведов по конституционному праву рассматривается довольно редко. Однако, как показывает практика, именно этот внесудебный способ защиты конституционных прав субъектов предпринимательской деятельности в некоторых случаях оказывается даже более эффективным, чем судебный [4, с. 56].

Принятые в последние годы меры по совершенствованию правового обеспечения и защиты субъектов предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, безусловно, имеют важное значение для реализации конституционного права на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность в Российской Федерации. Однако,

структура механизма защиты на сегодняшний день по-прежнему несовершенна, и для эффективного функционирования института предпринимательства необходимо дальнейшее развитие законодательной базы, регулирующей и учитывающей специфику предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

При этом совершенствование законодательной базы и правового регулирования предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности должно осуществляться через систему нормативных актов прямого действия, что позволит создать условия, способствующие свободе предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и устранению излишнего вмешательства государства в деятельность реализующих его субъектов.

Предоставление равных условий всем субъектам предпринимательской деятельности доступа на экономический рынок, устранение административных барьеров, регламентация контролирующих функций государства, должны стать главными составляющими законотворческой деятельности, направленной на активизацию субъектов предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности в стране и на совершенствование механизма обеспечения и, как следствие, механизма защиты конституционного права граждан на предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность.

Библиографический список

1. Управление общественным сектором : учеб. пособие / сост. Я. С. Ясницкая, Е. А. Еремеева. – Казань : Изд-во КГУ. – 2017. – 68 с.
2. Гусева, А. Л. Механизм защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина РФ: к постановке проблемы / А. Л. Гусева // Грамота. – 2010. – № 1 (5). – С. 60–62.
3. Колесникова, Е. В. Защита Конституционным судом России права на предпринимательскую деятельность: некоторые вопросы теории и практики / Е. В. Колесникова, И. Н. Плотникова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 3 (86). – С. 64–69.
4. Плотникова, И. Н. Антимонопольные службы как субъекты защиты конституционного права на предпринимательскую деятельность в Российской Федерации / И. Н. Плотникова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 6 (113). – С. 55–59.

5. Снежко, О. А. Конституционно-правовая природа защиты прав граждан / О. А. Снежко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2007. – № 1. – С. 104–113.

6. Храмушкин, В. В. Единство судебной системы как условие эффективной защиты конституционных прав субъектов предпринимательской деятельности (на примере Арбитражных судов) / В. В. Храмушкин // Экономика, управление право: инновационное решение проблем : сб. ст. победителей VII Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов, 2017. – С. 117–119.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. В. Воротинов

*магистрант юридического факультета
(научный руководитель: д.ю.н., д.и.н., профессор В. В. Гошуляк),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Рассматриваются нормы федеральных и региональных законов, закрепляющих конституционное право на образование в Российской Федерации. Исследованы различные точки зрения ученых по поводу содержания понятия «право на образование». Показан механизм реализации права на образование в федеральном и региональном контексте.

Ключевые слова: конституционное право, право на образование, федерализм, федеральный закон, субъект РФ, реализация права.

Одним из перспективных направлений в юридической науке и практике современной России является реализация права на образование. Конституция РФ в статье 43 определяет, что каждый имеет право на образование. На территории государства гарантируются общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях [1]. Заслуживает внимания позиция Т. В. Корчагиной о том, что в ст. 43 Конституции, как и в ст. 26 Всеобщей декларации прав человека, для характеристики субъекта права на об-

разование используется именно термин «каждый». Это означает, что действие названной нормы распространяется как на граждан РФ, так и на иностранных граждан и лиц без гражданства. Авторы Конституции исходили из того, что в современном мире право на образование обоснованно рассматривается как одно из фундаментальных естественных основных прав человека [2, с. 264].

Механизм реализации конституционного права на образование определяются Федеральным законом «Об образовании» [3, с. 58]. Так, согласно статье 4, основными задачами правового регулирования отношений в сфере образования являются:

1) обеспечение и защита конституционного права граждан Российской Федерации на образование;

2) создание правовых, экономических и финансовых условий для свободного функционирования и развития системы образования Российской Федерации;

3) создание правовых гарантий для согласования интересов участников отношений в сфере образования;

4) определение правового положения участников отношений в сфере образования;

5) создание условий для получения образования в Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства;

6) разграничение полномочий в сфере образования между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления [4].

Многочисленные дополнения и изменения, вносившиеся в Федеральный закон об образовании, привели его содержание в части закрепления гарантий реализации права на образование в полное соответствие с Конституцией Российской Федерации [5, с. 150]. По мнению Е.А. Каштановой, в ряде случаев расширив тот гарантирующий перечень, который содержит в себе ст. 43 Основного Закона. Этот процесс – процесс трансформации доконституционного законодательного акта в законодательный акт, воспроизводящий конституционную модель права на образование, можно оценивать как процесс конституционализации правового порядка в сфере образования [6, с. 25].

На основании статьи 72 Конституции РФ, общие вопросы сферы образования относятся к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов [7, с. 150]. Это предполагает

наличие собственной законодательной базы в субъектах России по вопросам образования, а также требует сочетания единства принципиальных подходов в правовом регулировании и разграничении полномочий федеральных и региональных органов государственной власти в масштабах страны с разнообразием конкретных решений субъектов Федерации, направленных на реализацию и развитие этих общих начал. Согласованность действий исполнительных органов государственной власти РФ и ее субъектов в решении приоритетных задач, направленных на совершенствование условий, необходимых для постоянного повышения уровня образования, достигается также возложением на Правительство РФ конституционной обязанности обеспечивать проведение единой государственной политики в сфере образования [8, с. 10].

На территории Пензенской области действует региональный закон об образовании, который обеспечивает реализацию права на образование в конкретном субъекте страны [9], что характерно для двухуровневой системы законодательства федеративной России [10, с. 61]. В нем регламентируются полномочия органов государственной власти Пензенской области (Законодательного Собрания, Правительства Пензенской области, иных исполнительных органов власти, которые осуществляют функции и полномочия учредителя государственных образовательных организаций Пензенской области), определяются организационные, правовые и экономические основы развития образования на территории названного субъекта РФ [11, с. 34].

В юридической науке активно ведутся дискуссии по поводу содержания права на образование. Например, М. А. Задорина определяет структуру права на образование следующим образом: право на общее образование, право на профессиональное образование, право на дополнительное образование и право на профессиональное обучение [12, с. 19]. Право на образование, по мнению Т. Э. Петросяна, заключается в возможности получения на недискриминационной основе доступа к образованию определенного содержания, уровня и качества в определенное время и в границах определенной (разумной) территориальной удаленности места получения образования от места жительства [13, с. 22].

Следует отметить, что сегодня существует ряд проблем, препятствующих реализации конституционного права на образование. Среди них: нарушения требований физической доступности образования; необоснованные отказы в принятии в образовательное

учреждение; не соответствующие законодательству положения локальных актов о приеме и отчислении из соответствующих учреждений; невыполнение мероприятий, обеспечивающих вход-выход и передвижение маломобильных групп детей (отсутствие пандусов, расширенных дверных проемов и пр.); недоступность информации об образовательных организациях и др. [13, с. 19].

Таким образом, в настоящее время конституционное право на образование нашло свое закрепление как на федеральном (всероссийском) уровне, так и на уровне субъектов РФ. Это имеет важное значение для укрепления и развития федерализма в России, поскольку означает сохранение предмета для диалога и поля для постоянного взаимодействия Федерации и ее субъектов в области обеспечения и защиты права на образование. Важно отметить, что для устранения проблем реализации конституционного права на образование необходима более слаженная работа всех ветвей государственной власти, их взаимодействие с населением по данному вопросу.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Корчагина, Т. В. Конституционные и международно-правовые основы права на образование / Т. В. Корчагина // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика : материалы ежегод. Междунар. науч. конф. памяти проф. Феликса Михайловича Рудинского. – Рязань, 2016. – С. 264–265.
3. Гуляков, А. Д. Правотворческая политика в условиях федеративного государства (на примере Российской Федерации) / А. Д. Гуляков // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 4. – С. 56–67.
4. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 : [в ред. от 07.03.2018] // Российская газета. – 2012. – 31 декабря. – № 5976.
5. Гуляков, А. Д. Федерализм как государственно-правовая доктрина / А. Д. Гуляков // Правовые доктрины современности : монография. – Тамбов ; Костанай, 2018. – С. 147–169.
6. Каштанова, Е. А. О гарантии реализации права на образование / Е. А. Каштанова // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – № 2. – С. 24–28.
7. Федерализм : учеб. словарь / А. Д. Гуляков, А. Ю. Саломатин, Н. В. Макеева, Е. В. Наквакина, Ж. А. Миряева ; под ред. А. Д. Гулякова. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2016. – 198 с.

8. Гуляков, А. Д. Генезис российской модели федерализма / А. Д. Гуляков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 5–16.

9. Об образовании в Пензенской области : закон Пензенской обл. № 2413-ЗПО от 04.07.2013 : [в ред. от 20.12.2017] // Пензенские губернские ведомости. – 2013. – № 78.

10. Гуляков, А. Д. Правотворческая политика в условиях федеративного государства (на примере Российской Федерации) / А. Д. Гуляков // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 4. – С. 56–67.

11. Гуляков, А. Д. Факторы развития федерализма в контексте российского и германского государственного строительства / А. Д. Гуляков // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. – 2015. – № 3 (22). – С. 29–38.

12. Задорина, М. А. Конституционное право на среднее профессиональное образование в Российской Федерации: определение понятия / М. А. Задорина // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 2. – С. 18–26.

13. Косова, О. Ю. Об обязанности родителя обеспечить получение ребенком образования / О. Ю. Косова // Семейное и жилищное право. – 2016. – № 4. – С. 18–21.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ

А. Д. Герасимов

*магистрант факультета магистратуры и аспирантуры
(научный руководитель: д.ю.н., профессор
Велиева Джамила Сейфаддин кызы),
Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина,
г. Саратов*

Аннотация. Рассматриваются проблемы реализации конституционного права на обращение; анализируются нормы законодательства об обращениях; делается вывод о необходимости повышения ответственности должностных лиц при работе с обращениями граждан.

Ключевые слова: право на обращение, конституционные права, реализация прав.

Институт обращения граждан является важнейшей составной частью правового статуса человека и гражданина любого развитого демократического правового государства и по своей сути оказыва-

ет влияние на деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления. Через обращения граждане и их объединения оказывают свое воздействие на разрешение общественно значимых вопросов; посредством института обращений удовлетворяются различные взаимосвязанные интересы граждан: к охране (защите) нарушенных прав и свобод, свободному выражению мнения; участию в управлении делами государства и общества [1, с. 15].

Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» регулирует правоотношения, связанные с реализацией конституционного права граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, а также устанавливает порядок рассмотрения обращений граждан должностными лицами указанных органов.

Спецификой правоотношений, являющихся предметом правового регулирования норм Закона об обращениях, выступает их двойственная природа. С одной стороны, обращения граждан – это реализация их права, предоставленного Конституцией РФ (область регулирования конституционного права). С другой стороны, вопросы приема и рассмотрения обращений граждан лежат в сфере административно-правового регулирования [2].

На практике возникают проблемы, когда граждане в целях решения спорных вопросов, возникающих в процессе их взаимодействия с юридическими лицами, обращаются в государственные органы или органы местного самоуправления, к должностным лицам с целью получения информации о деятельности юридического лица или за помощью в получении ответов от юридического лица. Такими юридическими лицами чаще всего являются управляющие организации, ТСЖ; значительное число обращений граждан связано с нарушениями их прав при исполнении соответствующими контрагентами взятых на себя договорных обязательств в сфере правоотношений, связанных со строительством (приобретением в собственность) различных объектов недвижимости, к числу которых в первую очередь относится жилье в многоквартирных домах. Вместе с тем органы власти не обладают тем объемом полномочий, который бы позволил оказывать помощь при получении ответа на их обращения к юридическим лицам.

Данная ситуация свидетельствует, с одной стороны, о необходимости повышенного внимания уполномоченных органов тематике обращений, пусть и относящихся к деятельности иных

адресатов, но одновременно указывающих на проблемы, имеющиеся в определенных сферах, с другой стороны, об отсутствии нормативного регулирования механизма обращения граждан к юридическим лицам и их обязанности дать ответ, а также четкого определения сроков предоставления данных ответов. Зачастую государственные органы и органы местного самоуправления не могут получить от юридических лиц информацию, необходимую для обобщения, анализа и разрешения существующих проблем в определенных сферах жизнедеятельности, оказания помощи гражданам.

В то же время в рамках Закона об обращениях нельзя урегулировать вопрос о возможности обращения граждан к юридическим лицам для получения информации, не относящейся к служебной или коммерческой тайне. В противном случае данная норма будет противоречить ст. 33 Конституции РФ, которая, говоря, что граждане могут обращаться только в государственные органы и органы местного самоуправления, ничего не упоминает про юридических лиц, являющихся самостоятельными хозяйствующими субъектами.

Часть 2 ст.12 Закона об обращениях содержит норму о том, что в исключительных случаях руководитель государственного органа или органа местного самоуправления, должностное лицо либо уполномоченное лицо вправе продлить срок рассмотрения обращения не более чем на 30 дней, уведомив гражданина, направившего обращение, при этом нормативно не определены те случаи, которые могут быть отнесены к числу исключительных, что на практике может привести к необоснованному затягиванию времени рассмотрения поступающих обращений.

Важно также обратить внимание на необходимость устранения неопределенности в содержании сведений: следует закрепить, какие из них могут быть распространены при ответе на обращение, а какие нет (в связи с наличием в УК РФ (ст. 140), а также КоАП РФ (ст. 5.39) ответственности за отказ в предоставлении гражданину информации). В законе об обращениях указано, что при рассмотрении обращения гражданин имеет право знакомиться с документами и материалами, касающимися рассмотрения обращения, если это не затрагивает права, свободы и законные интересы других лиц и если в указанных документах и материалах не содержатся сведения, составляющие государственную или военную или иную охраняемую федеральным законом тайну.

Граждане, реализуя право на обращение, действуют свободно и добровольно. Однако это не означает предоставление абсолютной свободы. Одним из ограничителей выступают права и свободы других лиц. Так, в соответствии с Конституцией РФ каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23); сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ч. 1 ст. 24). С этим конституционным полномочием корреспондируют обязанности государственных гражданских и муниципальных служащих не разглашать сведения, касающиеся частной жизни и здоровья граждан или затрагивающие их честь и достоинство.

Еще один сложный вопрос, требующий решения, – повторные обращения. На основании ч. 5 ст. 11 Закона об обращениях "в случае, если в письменном обращении гражданина содержится вопрос, на который ему многократно давались письменные ответы по существу в связи с ранее направляемыми обращениями, и при этом в обращении не приводятся новые доводы или обстоятельства, руководитель государственного органа или органа местного самоуправления, должностное лицо либо уполномоченное на то лицо вправе принять решение о безосновательности очередного обращения и прекращении переписки с гражданином по данному вопросу при условии, что указанное обращение и ранее направляемые обращения направлялись в один и тот же государственный орган, орган местного самоуправления или одному и тому же должностному лицу. О данном решении уведомляется гражданин, направивший обращение". В то же время повторные обращения не всегда являются признаком злоупотребления правом, они также могут свидетельствовать о недостаточно качественном решении проблемы, изложенной в ранее направленном обращении. В таком случае является недопустимым прекращение переписки.

Таким образом, в правовом регулировании механизма реализации института обращений в органы местного самоуправления существуют проблемы, затрудняющие обеспечение возможности участия граждан в управлении делами государства. Устранение многих проблем теоретического и практического характера должно достигаться путем изучения правовой природы конституционного права на обращения и понимания особой значимости, важности данного права, изменения сложившихся предубеждений относительно эффективности данной формы оказания воздействия

на решения и функционирование органов местного самоуправления. Обращения граждан, являющиеся необходимым элементом обратной связи между гражданами и формируемыми ими органами местного самоуправления, требуют повышения ответственности должностных лиц и результативности работы органов местного самоуправления по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. Румянцева, В. Г. Институт обращений граждан в органы государственной и местной власти: понятие, сущность, содержание / В. Г. Румянцева, В. В. Им // История государства и права. – 2008. – № 4. – С. 15–18.
2. Смушкин, А. Б. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : Комментарий к федер. закону № 59-ФЗ от 02.05.2006 / А. Б. Смушкин // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.03.2018).
3. Васильева, С. В. Право граждан и организаций на обращение: нормативная модель и практика реализации / С. В. Васильева // Законодательство и экономика. – 2015. – № 5. – С. 20–22.

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ГОСУДАРСТВОМ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Р. В. Граф

*аспирант кафедры конституционного и международного права,
Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина,
г. Саратов*

Аннотация. Речь идет о правах и свободах человека как высшей ценности для государства, о законодательных гарантиях соблюдения и защиты прав граждан, в том числе о возмещении государством вреда, причиненного гражданину.

Ключевые слова: институт возмещения; права гражданина; конституционно-правовой характер.

Одна из характеристик современной России как правового и социального государства, как гаранта качественной жизни своих поданных граждан – это «конституционное право на возмещение вреда государством» [1, с. 20].

Указанное в ст. 53 Конституции Российской Федерации вышеупомянутое право на возмещение является особым конституционным правом гражданина, потому что дает уверенность в защищенности и является одним из основных прав и свобод личности. Институт возмещения – это целая система, в которой государство выступает «страховым агентом» перед многонациональным народом РФ, а государственная казна является источником.

Конституционно-правовая ответственность одна из ветвей этого института, в которой важную роль играет публично-правовой аспект.

Возмещение вреда государством реализуется посредством применения мер конституционно-правовой ответственности, поскольку носит публично-правовой характер.

Действующее законодательство Российской Федерации не устанавливает какого-либо списка незаконных деяний государственных органов и соответственно их должностных лиц, в сфере государственной службы и управления, которые могли бы порождать обязанность государства возместить вред гражданину (физическому лицу) или юридическому лицу. В силу этого любые действия, а также бездействие, при условии их совершения соответствующим государственным органом (его должностным лицом) при исполнении органом своей компетенции (исполнении должностных обязанностей) могут быть основанием возмещения вреда государства.[4] Исходя из чего к незаконному действию (или бездействию) могут быть отнесены, например, неисполнение судебного акта службой судебных приставов в порядке, установленном законодательством об исполнительном производстве, незаконный отказ в возбуждении уголовного дела.

Гражданское законодательство особенно выделяет случаи ответственности государства за причинение вреда при отправлении правосудия. Особенностью является причиненный вред именно при отправлении правосудия, который подлежит возмещению только в случаях, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу.

Ответственность органов за вред, причиненный незаконными действиями, имеет определенные характеристики:

1. Закон включил в состав причинителей вреда только правоохранительные и судебные органы.

2. Потерпевшим может быть только гражданин.

3. Совершенно точно определен перечень действий, причиняющих вред:

- незаконное осуждение,
- незаконное привлечение к уголовной ответственности,
- незаконное заключения под стражу или подписки о невыезде как меры пресечения,
- незаконный арест или исправительные работы в качестве наложения административного взыскания.

4. Незаконность действий правоохранительных органов, причинивших вред гражданину, должна быть доказана вступившим в силу оправдательным приговором, прекращением уголовного или административного дела по реабилитирующим потерпевшего основаниям.

5. Независимо от вины должностных лиц: органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, (кроме случаев причинения вреда при осуществлении правосудия, где условием ответственности служит установленная вступившим в силу приговором вина судьи), ответственность правоохранительных органов выражается в возмещении вреда в полном объеме.

Для того, что бы осуществить законное право на получение компенсации причиненного вреда действиями (бездействиями) органов публичной власти и их должностных лиц, необходимо с заявлением о признании незаконным действий (бездействий) обратиться в суд в порядке предусмотренным главой 25 ГПК РФ «Производство по делам об оспаривании решений, действий (бездействий) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих», а в последствии выигрыша первого дела обратиться в порядке искового судопроизводства с иском о возмещении вреда.

Практика рассмотрения соответствующих дел об оспаривании решений органов государственной власти, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих хорошо раскрыта в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 2.

Одной из проблем правосудия является непоследовательность законодателя в вопросах ответственности государства за вред, причиненный при отправлении правосудия, на которую необходимо обратить особое внимание. Так, государство признает

себя ответственным за вред, причиненный правосудием по уголовным делам, в частности, в п. 1 ст. 1070 ГК РФ устанавливается ответственность государства за незаконное уголовное преследование независимо от вины судьи [2, с.160].

Можно рассмотреть, что во всех остальных случаях причинения вреда при отправлении правосудия (в том числе и по гражданским делам) ответственность государства, предусмотренная в п. 2 ст. 1070 ГК, напрямую связана с уголовно наказуемым деянием судьи. По моему мнению, целесообразность установления данного правила, не согласующегося с конституционным принципом ответственности государства за вред, причиненный при отправлении правосудия, вызывает сомнения.

Существующие на сегодняшний день правовые каркасы принципа возмещения вреда, причиненного, в частности, при отправлении правосудия, уже закрепили принцип ограниченной ответственности государства в случае причинения вреда при отправлении правосудия по уголовным делам. Признание презумпции невиновности государства при отправлении правосудия будет являться необоснованным ограничением ответственности государства, которое нарушает конституционные права граждан и юридических лиц на доступ к правосудию и на компенсацию причиненного ущерба (ст. 52, 53 Конституции РФ).

Когда законодатель определяет исполнение требований ст. 53 Конституции РФ порядок возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействиями) органов судебной власти и их должностных лиц, он обязан учитывать также конституционные положения, относящиеся к осуществлению правосудия,

Охрана прав и свобод человека выступает главной практической задачей всех государственных органов. В последние годы в России проводится существенное реформирование правовой, социальной, экономической сфер жизнедеятельности общества, направленное на их усовершенствование и улучшение. Но в то же время существующие негативные явления, которые хорошо просматриваются в низком уровне жизни, отображаются в криминализации общества, коррумпированности власти на местах и допускаемых ею нарушениях в отношении прав граждан. Всё перечисленное приводит к выводу о недостаточном и неэффективном применении мер. В итоге это подрывает авторитет власти, порожд-

дает недоверие своих поданных граждан к ней, ведет к изменению самого главного- изменению социального назначения государства, и нарушению им же гарантированного правового статуса как личности в отдельности, так и социума в целом. Современному государству необходимо наиболее точно работать над системой возмещения вреда.

Для достижения цели в динамичном увеличении результатов работы правосудия, в этой сфере первостепенно необходимо наладить деятельность по части добросовестного исполнения своих служебных обязанностей. Не в зависимости от чина и класса виновных, необходимо в обязательном порядке передавать материалы в следственные органы для уголовно-правовой оценки действий (бездействий). На системной основе осуществлять контроль за разрешением материалов, направленных в порядке, предусмотренном п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. – 2009. – № 7 (4831).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (посл. ред.). – URL: <http://internet.garant.ru/#/basesearch/2> (дата обращения: 23.07.2018).
3. Бойцова, Л. В. Ответственность государства и судей за вред, причиненный гражданам при отправлении правосудия / Л. В. Бойцова // Журнал российского права. – 2001. – № 9. – С. 19–24.
4. Мисник, Г. А. Возмещение экологического вреда в Российском праве / Г. А. Мисник. – М. : Проспект, 2006.
5. Подопригора, А. А. Реабилитация в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук / Подопригора А. А. – Ростов н/Д, 2004.
6. Болдырев, В. А. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина : учеб. пособие / В. А. Болдырев. – Омск : Омская академия МВД России, 2006. – 108 с.
7. Эбзеев, Т. З. К проблеме минимизации коллизий конституционных ценностей, международных и национальных правовых норм / Т. З. Эбзеев // Юридический мир. – 2017. – № 2. – С. 40–42.
8. О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон № 116-ФЗ от 23.05.2018 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301 ; 1996. – № 5. – Ст. 410.

ГАРАНТИИ И ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Г. Д. Гуськов, Д. О. Джумадурдыев

*магистранты юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент, В. Б. Вершинин),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Рассматриваются общие вопросы, связанные с гарантиями и защитой конституционных прав личности. Дается характеристика государственным конституционным гарантиям прав человека. Рассматриваются базовые конституционно-правовые свойства защиты прав.

Ключевые слова: конституционные гарантии, защита конституционных прав, защита, права и свободы.

Конституция РФ закрепляет перечень прав и свобод человека и гражданина в качестве основ конституционного строя, придавая им высшую юридическую силу и наделяя их прямым действием. Глава 2 Конституции России, посвящена правам и свободам человека и гражданина. Многие положения из этой главы являются новеллами в истории развития российского конституционализма.

В настоящее время, сложилась устойчивая классификация прав и свобод, которая условно делит права человека на соответствующие группы: личные (гражданские), социально-экономические, политические, культурные. Такая классификация, в целом, устраивает большинство научного сообщества и не вызывает резкой критики. Однако, указанная классификация все чаще дополняется новой группой прав – экологическими правами. Это объясняется неуклонным развитием научно-технического прогресса, а также постоянным ростом промышленного производства, побочными эффектами которых является ухудшение экологической обстановки и загрязнение окружающей среды.

В общем смысле, права личности – «это отраженные в законодательстве ее правовые притязания по отношению к другим гражданам, государству, его органам, должностным лицам, основывающиеся на принятом в данном обществе гуманистическом понимании права. А свободы личности – это закрепленные в пра-

вах личности возможности ее поведения. Защита прав и свобод личности означает защиту ее способности реализовать свои права, закрепленные в законодательстве» [6, с. 295].

Установление гарантий прав и свобод человека и гражданина является неперенным атрибутом любого правового и демократического государства, к которым причисляется Российская Федерация. В Конституции РФ значимое место отведено комплексу гарантий прав и свобод человека и гражданина. Так, в статье 17 Конституции РФ, говорится о том, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ.

Гарантии – это система социально-экономических, политических, нравственных, юридических, организационных предпосылок, условий, средств и способов, создающих равные возможности личности для осуществления своих прав, свобод и интересов [3, с. 213].

Необходимо отметить, что гарантии работают не сами по себе, а в комплексе, в тесной взаимосвязи между собой. Отдельно взятая гарантия не способна обеспечить необходимый результат [1, с. 7]. Упомянув о каком-либо праве, принадлежащем человеку, подразумевается определенный ряд специфических гарантий, которые обеспечивают фактическое осуществление субъективного права.

В настоящее время, есть различные подходы относительно определения способов классификации гарантий, «осуществления и охраны основных прав и свобод, исполнения обязанностей человека и гражданина» [1, с. 7].

Конституция РФ закрепила ряд особых статей, которые устанавливают гарантии реализации прав и свобод человека и гражданина, их можно подразделить на: 1) общеправовые (право на защиту; право на судебную и международную защиту; право на самозащиту и др.); 2) специальные конституционные гарантии правосудия (презумпция невиновности; право на квалифицированную юридическую помощь; недопустимость двойного наказания за одно и то же деяние и др.).

Характерной чертой юридических гарантий является то, что они являются собой взаимосвязь нормативных предписаний и публично-властных учреждений, которые обеспечивают реализацию и

защиту прав. Юридической гарантии-условию должна соответствовать юридическая гарантия-средство [1, с. 8].

Главное предназначение конституционных гарантий – принуждение государства (в лице компетентных органов и должностных лиц) к исполнению возложенных на него обязанностей в сфере реализации прав граждан. Реальность прав и свобод проявляется через реальность их гарантий [2, с. 33].

Именно на государство возложена обязанность гарантировать свободную реализации прав и свобод человека и гражданина. Государство, взяв на себя обязанность по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, устанавливает право каждого прибегнуть, в необходимых случаях, к мерам государственного принуждения с целью защиты возможностей по использованию таких прав [7, с. 94].

В настоящее время, правовая категория «защита прав граждан» представляет собой такой юридический инструмент, применение которого носит объективно-вынужденный характер. Такое положение связано с тем, что комплекс предоставленных прав личности, неизбежно будет подвергаться нарушениям и притязаниям с различных сторон [5, с. 104].

При этом, в отечественной юридической литературе отсутствует единый подход к определению защиты прав человека [4, с. 177]. В юридической науке, категория «защита» исследуется с различных подходов и позиций. Это обусловлено сложностью ее восприятия по своей сущности, механизму действия, формам проявления и средствам реализации [5, с. 104]. Указанная правовая категория исследуется в различных отраслях права: некоторые свойства ее правовой природы, изучаются в теории государства и права, конституционном праве, гражданском праве и иных отраслях.

Представляется, что в общем виде понятие «защита прав» можно определить как, урегулированную нормами права, целенаправленную деятельность компетентных субъектов, связанную с нарушением (угрозой нарушения) субъективных прав, свобод и интересов, которая направлена на восстановление (предотвращение или подтверждение) соответствующего права, свободы, интереса.

Защита конституционных прав личности может иметь активное и пассивное проявление – осуществляться как путем непротиворечащих закону действий, так и бездействия (например, отказ от

дачи показаний). Тот или иной вариант защиты обусловлен различного рода обстоятельствами: прямым указанием на форму и способ защиты в законе; характером правоотношения; модели поведения защищаемого и др.

О. А. Снежко утверждает, что действиям по защите присущи следующие основные черты: 1) свобода; 2) законность; 3) целенаправленность; 4) своевременность; 5) соразмерность; 6) полнота [5, с. 107].

Защита конституционных прав осуществляется при помощи государства, в виде его компетентных государственных органов и должностных лиц. Для выполнения этой функции создан специальный институционально-правовой механизм, получивший название «механизм государства» (иногда встречаются названия «государственный механизм» или «аппарат государства»).

При исследовании вопросов связанных с механизмом защиты прав и свобод, можно выделить некоторые общие положения, которые характерны для многих научных работ. Так, в механизм защиты конституционных прав личности, включаются элементы: 1) нормативный – представляет собой систему взаимодополняющих друг друга нормативно-правовых актов; 2) структурно-институциональный – различные государственные органы, должностные лица, учреждения, на которые непосредственно возложена функция по защите прав и свобод; 3) инструментальный – совокупность средств и способов (методов), применяемых уполномоченным субъектом с целью защиты прав и свобод.

Таким образом, на текущем этапе развития Российской Федерации, защита конституционных прав личности является одним из приоритетных направлений в деятельности государства, которое требует дальнейшего развития и всестороннего обоснования в научной литературе. Правовое, демократическое, социальное государство, установив систему конституционных гарантий, взяло на себя непреложное обязательство по обеспечению и защите прав и свобод человека.

Библиографический список

1. Зинченко, Е. Ю. Конституционно-правовая природа прав, свобод и обязанностей человека и гражданина / Е. Ю. Зинченко, С. А. Акимова // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2014. – № 4. – С. 6–8.

2. Комкова, Г. Н. Конституционные гарантии прав человека в России: понятие и классификация / Г. Н. Комкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Право. – 2016. – № 3 (39). – С. 31–39.

3. Левченко, К. О. Международные гарантии реализации прав и свобод человека и гражданина / К. О. Левченко // Вестник РГГУ. – 2013. – № 3 (104). – С. 213–215.

4. Огнева, Е. А. Система защиты прав человека в современной России: правовая матрица / Е. А. Огнева // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 3–2. – С. 177–185.

5. Снежко, О. А. Конституционно–правовая природа защиты прав граждан / О. А. Снежко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Политика и право. – 2007. – № 1. – С. 104–113.

6. Тимонова, Е. Ю. Права и свободы личности как приоритеты правовой политики / Е. Ю. Тимонова // Общество и право. – 2010. – № 1 (28). – С. 295–298.

7. Хозикова, Е. С. Правовое государство и гарантии обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / Е. С. Хозикова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2012. – № 3. – С. 94–99.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ЖИЛИЩЕ И ОХРАНА АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА

А. М. Журавлева

*студентка факультета политико-правового управления
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А. С. Алихаджиева),
Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина,
г. Саратов*

Аннотация. Анализируется положение Конституции Российской Федерации, закрепляющее право на жилище в контексте права благоприятной окружающей среды. Предлагаются пути решения посредством ужесточения мер контроля за качеством атмосферного воздуха в жилых помещениях и вне их.

Ключевые слова: право на жилище, право на благоприятную окружающую среду, качество воздуха, природоохранные мероприятия.

Задачами жилищного законодательства являются регулирование жилищных отношений в целях обеспечения гарантируемого Основным законом РФ права на жилище, надлежащего использования и сохранности жилищного фонда, а также укрепление законности в области жилищных отношений. При этом очень важно рассматривать данное право применительно к экологическим правам граждан, так как неблагоприятные факторы окружающей среды оказывают негативное воздействие на здоровье человека не только на производстве, но и в жилых помещениях. Следует согласиться с мнением А. С. Алихаджиевой: «Потеря одного из четырех лет здоровой жизни обусловлена тем, где проживает человек и как он взаимодействует с окружающей средой» [1, с. 10]. Одной из составляющих экологической безопасности жилых помещений выступает атмосферный воздух.

По данным Росстата и Росприроднадзора в 2016 г., общий объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу равнялся 31617,1 тыс. т (на 1,1 % больше, чем в предыдущем году) [2, с. 10]. По данным Государственного доклада «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2016 году» ниже среднероссийского был уровень загрязнения атмосферного воздуха городских поселений 56 субъектов Российской Федерации. Превышения гигиенических нормативов содержания загрязняющих веществ в атмосферном воздухе на территориях городских поселений в 2016 году чаще фиксировались в местах, расположенных на автомагистралях в зоне жилой застройки (1,04 % проб). В зонах влияния промышленных предприятий доля проб с превышением гигиенических нормативов составила 0,68 % [3, с. 16]. В силу того, что человек проводит в помещении большую часть времени, представляется необходимым конкретизировать в действующем воздухоохранном законодательстве требования по качеству воздуха в жилых зданиях. Связано это с тем, что загрязненный выбросами воздух зачастую попадает внутрь.

Стоит согласиться с П. И. Седугиным, который определяет «право на жилище как комплексный межотраслевой правовой институт, в основу которого положены нормы Конституции РФ» [8, с. 17]. Специфику правовой природы права граждан на жилище сформулировали С. А. Комаров и И. В. Ростовщиков: «использование субъективного права на деле означает осуществление положений целой системы разных по своей юридической природе

норм, в которых могут конкретизироваться содержание данного права, условия, порядок его использования и прочие аспекты» [5, с. 46]. Таким образом, приходим к выводу, что реализация конституционного права граждан на жилище охватывает целый комплекс различных отраслей права. Одной из гарантий реализации права на жилище выступают экологические гарантии.

Раскрывая понятие жилого помещения, Жилищный кодекс Российской Федерации одним из критериев определяет его пригодность для постоянного проживания граждан, т.е. отвечающий установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства [4]. Право на жилище относится к основополагающим конституционным правам человека. Провозглашая право каждого на жилище, Конституция РФ в ч. 2 ст. 40 закрепляет гарантию его реализации: органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище [6]. Гарантии реализации конституционного права на жилище представляют собой обязанность органов власти обеспечивать в том числе и контроль соответствия санитарным требованиям.

Улучшение качества воздушной среды внутри жилых помещений находится в зависимости от качества воздуха вне жилых помещений, это связано с конституционным правом граждан на благоприятную окружающую среду. Последнее подразумевает такое состояние среды обитания, которое соответствует экологическим, санитарно-эпидемиологическим, гигиеническим стандартам, предполагающим, в том числе, качественный атмосферный воздух.

Ст. 42 Конституции РФ предусматривает право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением. Однако, реализация вышеуказанных прав в настоящее время осуществляется не в полной мере. Причиной этому служат различные обстоятельства: экономическое состояние общества; бездействие органов государственной власти, органов местного самоуправления; нарушения требований законодательства об охране окружающей среды, в частности, со стороны предприятий; низкий уровень экологической и правовой культуры населения. Ярким примером является производственная деятельность табачной фабрики, расположенной в центральном районе г. Саратова (САРАТОВСКАЯ ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА «БАТ-СТФ»). Жители города постоянно жалуются на неприятный запах

вблизи и за пределами табачной фабрики, напоминающий «кислые щи». Летом 2014 года прошли протестные акции с требованием соблюдения экологического законодательства у четырех офисов БАТ в разных городах России, в том числе, и в Саратове. В 2015 г. вице-губернатор области Денис Фадеев провел прием граждан, где поднимался вопрос о переносе фабрики за черту города по инициативе граждан. В связи с тем, что запах, на который жалуются жители, не нормируется САНПиН, Правительство Саратовской области неоднократно обращалось в Роспотребнадзор с просьбой определить нормативные показатели, которые позволят классифицировать вред, наносимый выбросами фабрики. До настоящего времени больше не было предпринято попыток перенести завод за пределы города. В феврале 2018 года в рамках муниципальной программы «Формирование современной городской среды» было предложено благоустроить территорию в районе табачной фабрики [7]. До сих пор органами местного самоуправления не решена проблема контроля качества воздуха в районе табачной фабрики. Это означает, что предусмотренные Основным законом России экологические гарантии реализации права граждан на жилище и права на здоровую окружающую среду на практике не действуют.

Для решения названной проблемы необходимо активизировать работу органов местного самоуправления в части благоустройства территории завода для максимального устранения неприятного запаха. Представляется возможным разработать нормы САНПиН, позволяющие определить качество атмосферного воздуха и воздуха внутри жилых помещений в районе производственной деятельности предприятий применительно ко всем населенным пунктам, городам. Указанные и другие природоохранные меры будут способствовать решению проблемы реализации конституционного права граждан на жилище во взаимосвязи с конституционным правом на благоприятную окружающую среду.

Библиографический список

1. Алихаджиева, А. С. Актуальные проблемы защиты права граждан на здоровую окружающую среду / А. С. Алихаджиева // Права и свободы человека в контексте развития современного государства : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Саратов, 2017. – С. 11–17.
2. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2016 году : Государственный до-

клад. – URL: <http://www.rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/0b3/gosudarstvennyy-doklad-2016> (дата обращения: 10.04.2018).

3. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2016 г. : Государственный доклад. – URL: <file:///C:/Users/olga.d/Desktop/ac/BV%20ЭП/Госдоклад%202016> (дата обращения: 10.04.2018).

4. Жилищный кодекс Российской Федерации № 188-ФЗ от 29.12.2004 : [в ред. от 03.04.2018] // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1, ч. 1. – Ст. 14 ; Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 59.

5. Комаров, С. А. Личность. Права и свободы. Политическая система / С. А. Комаров, И. В. Ростовщиков. – СПб., 2002.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

7. С жителями города обсудили перенос саратовской табачной фабрики. – URL: <https://www.saratov.aif.ru/society/ecology/1478070> (дата обращения: 10.04.2018).

8. Седугин, П. И. Жилищное право : учебник / П. И. Седугин. – 2-е изд. – М., 2000. – С. 14–17.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНСТИТУЦИОННОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Д. А. Илюхина

*студентка юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А. В. Александрова),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Рассматривается одно из основных конституционных прав – право на благоприятную окружающую среду. Освещаются основные аспекты взаимодействия данного права с экологическим правом, анализируя различные стороны данного правоотношения. Освещается судебная защита нарушенных экологическими правонарушениями прав человека на жизнь и на достойный уровень жизни.

Ключевые слова: Конституция, благоприятная окружающая среда, судебная защита, Конвенция, Декларация.

Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Право на благоприятную окружающую среду впервые на территории нашей страны было закреплено в Декларации прав и свобод человека, принятой в 1991 году Съездом народных депутатов СССР.

Позднее оно нашло свое отражение в гл. 2 Конституции Российской Федерации, устанавливающей основные права и свободы человека и гражданина.

Конституционное право каждого на благоприятную окружающую среду – одно из фундаментальных и всеобъемлющих субъективных прав человека и гражданина, затрагивающее основы его жизнедеятельности, связанные с поддержанием нормальных экологических, экономических и эстетических условий его жизни. В основе своей оно носит естественный характер. Данное право тесно связано с правами человека на жизнь, на охрану здоровья [2, с. 74].

Конституционное право каждого на благоприятную окружающую среду подразумевает состояние среды обитания, качество жизни, труда, отдыха, соответствующие определенным экологическим, санитарно – эпидемиологическим, гигиеническим стандартам, предполагающим пригодную для питья воду, надлежащий атмосферный воздух, рекреационные условия. К этой подгруппе экологических прав относится наличие земель соответствующего качества, на которых либо над или под которыми находятся все остальные природные ресурсы соответствующего качества – компоненты окружающей среды.

Говоря о праве на благоприятную окружающую среду как об одном из фундаментальных прав человека, необходимо, во-первых, выяснить значение конституционных ценностей и их иерархию, и, во-вторых, исследовать место права на благоприятную окружающую среду в иерархии конституционных ценностей. Следует отметить, что если в отношении первого вопроса существует незначительное количество исследователей, такие как В. Д. Зорькин, М. В. Пресняков, то на предмет выяснения места права на

благоприятную окружающую среду в иерархии конституционных ценностей исследования практически не проводилось.

По мнению большинства исследователей и ученых, конституционные ценности органически вписаны в Конституцию и представляют собой права и свободы человека; верховенство права, справедливость и равенство; демократическое, федеративное, правовое и социальное государство; разделение властей, парламентаризм; правовую экономику, а также исполнение конституционных обязанностей по отношению к окружающей среде [3, с. 34].

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что под конституционными ценностями понимается основополагающие нормы и институты самой Конституции РФ.

Под экологической ценностью С. Бэлл понимал, что люди наделяют важностью для окружающей среды и в силу этого имеет приоритет для экологической политики и, в конечном счете, экологического закона.

Право на благоприятную окружающую среду следует рассматривать с позиции конституционной ценности, поскольку, оно, во-первых, обуславливает существование основ конституционного строя и реализацию основных прав и свобод человека и гражданина, во-вторых, влияет на демографию и здоровье нынешнего и будущих поколений. В-третьих, право на благоприятную окружающую среду включено в главу 2 Конституции РФ и поэтому обладает ценностной характеристикой в силу особых свойств Основного закона. Наконец, в-четвертых, Конституционных суд Российской Федерации неоднократно упоминал о ценности права на благоприятную окружающую среду.

По данным Всемирной организации здравоохранения состояние здоровья человека до 80 % определяется условиями среды его обитания. Можно сделать вывод о том, что наряду с другими социальными институтами, право на благоприятную окружающую среду определяет показатели качества жизни. Более того, успешная реализация этого права создает необходимые условия для осуществления других прав, свод и интересов человека. Экологическая составляющая в большей или меньшей степени проявляется в каждом из видов прав. Право на жизнь, например, следует считать нарушенным, когда государству не удастся закрепить или ограничить внесение высокотоксичных веществ в источники питьевой

воды. Если соответствующие органы признают такие связи, когда экологический критерий может быть включен в число правовых норм, обеспечивающих право на жизнь.

Одним из основополагающих этапов развития в международно-правовом регулировании прав человека на благоприятную окружающую среду стала конференция ООН по окружающей среде и развитию, проведенная в Бразилии в июне 1992 года, результатом которой явилась Рио-де-Жанейрская Декларация по охране окружающей среды и развитию. Она закрепила право каждого человека иметь на национальном уровне доступ к информации, которая касается окружающей среды и имеется в распоряжении государственных органов, провозгласила как принцип положение о том что в центре внимания непрерывного развития находятся люди, и они имеют право на здоровую жизнь в гармонии с природой [2, с. 35].

Право на благоприятную окружающую среду – одно из фундаментальных и всеобъемлющих субъективных прав человека и гражданина, затрагивающее основы его жизнедеятельности, связанные с поддержанием нормальных экологических, экономических, эстетических и иных условий его жизни. Другие экологические права граждан – требовать предоставления своевременной, полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды и мерах по ее охране, на возмещение вреда, причиненного здоровью или имуществу человека экологическими правонарушениями, – предусмотренные Конституцией РФ и иными законами, по существу служат средствами реализации права на благоприятную окружающую среду.

Среди гарантий конституционного права на благоприятную окружающую среду доминирующее место занимает гарантия его судебной защиты, поскольку в сложной системе отношений она не только помогает своевременно выявить случаи неверной конституционно-правовой интерпретации норм права или правовой неопределенности, но и позволяет субъекту права реализовать свои правомочия в существующем правовом порядке. Кроме того, посредством судебной защиты достигается конституционная цель охраны права, выраженная в его объекте, – благоприятное состояние окружающей среды, которое характеризуется устойчивым функционированием экологических природных систем и отсутствием

воздействия вредных факторов на здоровье и условия жизнедеятельности человека в среде обитания.

Судебная защита как конституционно – правовая гарантия представляет собой систему правовых средств, направленных на обеспечение функционирования права и его реализацию. Одновременно указанную гарантию необходимо рассматривать в качестве комплексного института, включающего в себя непосредственно право каждого на судебную защиту, статус и порядок действий субъектов обращения и других субъектов правоотношений, а также порядок отправления правосудия.

Судебная защита права на благоприятную окружающую среду осуществляется на основе и в контексте положений ст. 45 Конституции РФ, согласно которой в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав человека и гражданина. Каждый может защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Таким образом, право на судебную защиту является составляющей правового статуса субъекта права на благоприятную окружающую среду, гарантируется государством и реализуется способами, установленными законодательством [4, с. 57].

Вместе с тем судебная защита права на благоприятную окружающую среду имеет ряд особенностей, обусловленных конституционной конструкцией данного права и вытекающих из содержания его конституционно-правового регулирования. Чтобы раскрыть указанные особенности, конституционное право на благоприятную окружающую среду необходимо рассматривать не в узком смысле, т.е. в качестве субъективного права и совокупности различных экологических прав, а в более широком – как конституционно определенную правовую конструкцию и совокупность взаимосвязанных элементов, включающих в себя субъектов права, их правомочия, а также объект воздействия права – окружающую среду (природную среду и среду обитания человека).

Конституционное право на благоприятную окружающую среду опосредует как общественные, так и индивидуальные экологические интересы. При этом последние состоят не только в сохранении здоровья человека, но и в обеспечении благоприятных условий его жизнедеятельности, связанных с использованием природных объектов (компонентов) в хозяйственной деятельности в качестве средства производства и имущества. Соответственно

нарушение данного права затрагивает как индивидуальные, так и публичные экологические интересы субъектов права.

В то же время право каждого на благоприятную окружающую среду, предусмотренное в ст. 42 Конституции РФ, включает в себя прежде всего общественно значимые интересы, касающиеся обеспечения благоприятного состояния экологических природных систем и среды обитания человека. Именно нормальное функционирование экосистем, а не территориально обособленных природных участков является условием реализации правомочия субъекта жить в чистой окружающей среде и пользоваться ее ресурсами. При этом судебная защита конституционного права, соответствующая публичному уровню охраняемых интересов, с необходимостью предполагать иную процессуальную форму.

Таким образом, право на благоприятную окружающую среду занимает одно из доминирующих мест в иерархии конституционных ценностей, имея абсолютный характер, что должно учитываться как судебной системой, так и органами государственной власти при рассмотрении дел, связанных с защитой или восстановлением оспариваемых или нарушенных экологических прав, предусмотренных и закрепленных Конституцией Российской Федерации.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237.

2. Евтушенко, В. И. Современные тенденции совершенствования государственного регулирования реализации конституционного права человека и гражданина в Российской Федерации на благоприятную окружающую среду / В. И. Евтушенко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2015. – № 8. – С. 74–78.

3. Першиловский, М. С. Право на благоприятную окружающую среду в иерархии конституционных ценностей / М. С. Першиловский // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 4. – С. 34–39.

4. Чуличкова, Е. В. Особенности судебной защиты Конституционного права на благоприятную окружающую среду / Е. В. Чуличкова // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2016. – № 5. – С. 57–65.

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА РАСПОРЯЖЕНИЕ ОРГАНАМИ И ТКАНЯМИ СВОЕГО ТЕЛА В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

М. А. Капустина

*кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

И. И. Медведева

*студентка юридического факультета,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург*

Аннотация. Рассматривается обоснование конституционной основы права человека на распоряжение своими органами и тканями после смерти. Доказывается невозможность законодательного закрепления неоспоримой презумпции согласия на посмертное донорство. Анализируются решения Конституционного Суда, оправдывающие введение презумпции согласия в РФ.

Ключевые слова: конституционные права, посмертное донорство, презумпция согласия.

В XXI веке мировая трансплантология перешла на новую ступень развития, позволив проводить сложнейшие операции по пересадке органов и тканей. В силу острого дефицита донорских органов в медицинской и даже юридической среде все чаще и чаще звучат предложения рассматривать органы погибшего человека как публичный ресурс, не принимая во внимание волю последнего относительно судьбы его тела после смерти, что позволило бы спасти тысячи жизней. Сторонники данной теории, в частности, Х. И. Эмсон [11] и Джон Харрис [12], приводят преимущественно не правовые, а религиозные и этические аргументы. На мой взгляд, такой подход является абсолютно неприемлемым в силу того, что определение судьбы органов после смерти человека является сугубо юридическим вопросом, который должен рассматриваться исключительно в контексте конституционных прав человека.

Обратимся к Конституции РФ, которая провозглашает витальные права и свободы человека. Так, в части 1 статьи 22 за-

креплено право на свободу и личную неприкосновенность, которое понимается не только в контексте запрета произвола государственной власти по отношению к конкретному лицу, заключающемся в принудительном ограничении свободы, но и в контексте, исключающем любое незаконное воздействие на человека как в физическом, так и в психическом смысле, причем, согласно определениям Конституционного Суда от 04.12.2003 № 459-О [5] и от 10.02.2016 № 224-О [6], понятием «физическая неприкосновенность» не только охватывается прижизненный период существования человеческого организма, но и создаются необходимые предпосылки для правовой охраны тела умершего человека.

В то же время, в соответствии с частью 1 статьи 20 и частью 1 статьи 41 Конституции, каждый человек имеет право на жизнь и на охрану здоровья и медицинскую помощь. Принимая во внимание тот факт, что посмертное донорство является новым способом оказания медицинской помощи и сохранения человеческой жизни, возникает коллизия прав потенциального донора и реципиента. В соответствии с частью 3 статьи 17, осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, иными словами, в целях соблюдения конституционных прав и недопущения реализации одного права за счет другого необходимо стремиться к достижению баланса прав обеих сторон.

Несмотря на то что по общему правилу конституционная правоспособность – абстрактная возможность иметь конституционные права и нести конституционные обязанности – возникает с рождения и прекращается в момент смерти, российский правопорядок признает за человеком право распоряжаться органами и тканями даже после смерти. Системное толкование статьи 2, части 2 статьи 17 и статьи 21 Конституции РФ позволяет утверждать, что в России признается за каждым человеком личность, то есть, каждый человек с рождения обладает неотъемлемым достоинством, свободой выбора, волеизъявления, самоопределения, и было бы цинично полагать, что человек прекращает быть личностью сразу после смерти. Как тогда мы могли бы объяснить пункт 18 дополнительного протокола Конвенции о правах человека и биомедицине, принятый в 2002 году в Страсбурге [1], который закрепляет необходимость уважительного отношения к трупам во время изъятия органов, пункт 17, запрещающий изъятие органов и тканей при наличии явно выраженного прижизненного несогласия лица; пункты 1 и 2 статьи 5 ФЗ «О погребении и похоронном деле», посвященные волеизъявлению лица о достойном отношении к его телу

после смерти, или тот факт, что в гражданском праве в определенных случаях потомки могут отстаивать личные неимущественные интересы лица, что по сути, является признанием того, что личность человека живет дольше, чем его физическое тело? Таким образом, не вызывает никаких сомнений то, что личность человека с юридической точки зрения не исчезает в момент его смерти, что порождает, с одной стороны, одно из производных конституционных прав на достойное отношение к телу после смерти, а с другой стороны, право человека на волеизъявление о судьбе его органов и тканей после смерти. Именно поэтому Конституционный Суд при толковании 23 статьи Конституции приходит к выводу о том, что законодатель должен создавать все возможные условия для обеспечения уважительного отношения третьих лиц к волеизъявлениям лица, в том числе, и после его смерти, по вопросам, касающимся его частной жизни [6]. Более того, в постановлении от 16 июня 2015 года № 15-П [8] Конституционный Суд РФ подчеркивает, что необходимо гарантировать учет мнения близких родственников по вопросам посмертных отношений, связанным с частной жизнью, по которым мнение самого покойного осталось не выявленным. На мой взгляд, подобное уважительное отношение к волеизъявлению человека объясняется тем, что личность никогда не появляется из ниоткуда, ее взгляды и мировоззрение формируются в определенной социокультурной среде, свойственной обществу в определенный период, следовательно, закрепляя во 2 статье права личности как высшую ценность, государство должно с уважением относиться к волеизъявлению каждого человека в рамках частной жизни. Таким образом, рассмотрение органов в качестве публичного ресурса, вне всякого сомнения, противоречит конституционным правам человека, и принцип, согласно которому изъятие органов не может быть произведено, если при жизни человек прямо выразил свое несогласие, имеет под собой фундаментальную правовую основу и ни при каких обстоятельствах не может быть нарушен.

Однако как найти тот самый баланс прав донора и реципиента? В мировой практике существуют 2 основные модели нормативно-правового регулирования отношений в сфере посмертного донорства: испрошенного и неиспрошенного согласия, которые предлагают разные механизмы реализации принципа непротиворечия прижизненной воли потенциального донора. В статье 8 ФЗ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» закреплена презумпция согласия, которая неоднократно подвергалась критике: в частности, юрист М. Н. Малеина выступала против презумпции согласия, исходя из того, что презумпция несогласия обеспе-

чила бы телесную неприкосновенность человека после смерти, а также придало исключительное право личности и ее родственникам на определение судьбы тела [2]. Кроме того, в Конституционный Суд 2 раза поступал запрос о проверке конституционности данной статьи и оба раза был отклонен. В связи с этим интересно проанализировать аргументацию Конституционного Суда и то, как изменилась его позиция за прошедшие 13 лет.

Итак, в определении от 4 декабря 2003 № 459-О Конституционный Суд подчеркивает, что выбор законодателем презумпции согласия основывается, прежде всего, на признании негуманным задавать родственникам практически одновременно с сообщением о смерти или перед каким-либо серьезным медицинским вмешательством вопрос об их отношении к изъятию органов и (или) тканей в целях посмертного донорства. Во-вторых, по мнению Суда, отечественное законодательство позволяет гражданам зафиксировать несогласие на посмертное донорство и проинформировать о своей воле учреждение здравоохранения, заведомое нарушение которой влечет юридическую ответственность. В-третьих, Конституционный Суд отмечает, что на современном этапе развития трансплантологии (конца 90-х годов и начала 2000-х) было невозможно обеспечить выяснение воли указанных лиц после кончины человека в сроки, обеспечивающие сохранность трансплантата. Кроме того, Конституционный Суд приводит процессуальные аргументы, а именно: в РФ выполнено необходимое условие введения презумпции в правовое поле; изменение действующего правового регулирования в сфере посмертного донорства относится к компетенции Конституционного Суда, а не федерального законодателя.

В определении от 10 февраля 2016 года № 224-О Конституционный Суд конкретизирует аргументы, приведенные в 2003 году, а также вносит некоторые дополнения. В частности, введение презумпции согласия оправдывается тем, что данная мера была направлена на увеличение количества пригодных для трансплантации органов и тканей и спасение жизней как можно большего количества людей. Кроме того, Суд подчеркивает, что модель испрошенного согласия базируется на общепризнанных принципах и нормах международного права, ссылаясь на резолюцию Всемирной ассамблеи здравоохранения 21 мая 2010 года WHA63.22 и неподписанную и нератифицированную РФ Конвенцию Совета Европы по правам человека и биомедицине, в которых закреплён принцип невозможности изъятия органов их тел умерших, если есть основания полагать, что умершее лицо возражало против такого изъятия.

На основании сравнительного анализа можно сделать вывод о том, что в 2016 году Конституционный Суд уделил особое внимание обоснованию соответствия международно-правовым нормам как модели испрошенного согласия, так и модели неиспрошенного согласия, которой придерживается РФ, не делая акцент на медико-этических и процессуальных доводах, что прослеживается в определении 2003 года. Тем не менее, в обоих определениях Конституционный Суд стремится найти баланс прав и законных интересов донора и реципиента для достижения которого, по мнению Суда, необходима более детальная регламентация права граждан и их законных представителей заявлять о несогласии на изъятие органов и тканей и обеспечение реального механизма осуществления данного права.

Подводя итог, хочется еще раз обратить внимание на то, что право человека на распоряжение органами и тканями после смерти является производным конституционных прав и потому не может быть произвольно ограничено государством и нуждается в особой защите. Однако законодателю следует сосредоточить внимание на создании эффективных механизмов неукоснительного соблюдения воли граждан, что позволит достичь баланса конституционных прав донора и реципиента.

Библиографический список

1. Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине, Страсбург 2002 г. – URL: <http://base.garant.ru/4084830>
2. Малеина, М. Н. Человек и медицина в современном праве / М. Н. Малеина. – М. : Бек, 1995. – 272 с.
3. О погребении и похоронном деле : федер. закон № 8-ФЗ от 12.01.1996. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8919/
4. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» : определение Конституционного Суда РФ № 459-О от 04.12.2003 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2018).
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» : определение Конституционного Суда РФ № 224-О

от 10.02.2016 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2018).

6. О трансплантации органов и (или) тканей человека : федер. закон № 4180-1-ФЗ от 22.12.1992 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 2. – Ст. 62 (с изм. и доп. на 23. 05. 2016).

7. По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гущиной : постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 15-П от 16.06.2015 (г. Санкт-Петербург) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2018).

8. Старченко, А. А. Профессиональные правонарушения в анестезиологии и реаниматологии. Проблемы юридической ответственности / А. А. Старченко. – М. : БИНОМ, 2016. – 944 с.

9. Emson, H. E. It is immoral to require consent for cadaver organ donation / H. E. Emson // Journal of Medical Ethics. – 2003. – № 125 – P. 7–11.

10. Harris, J. Organ Procurement: dead interest, living needs / John Harris // Journal of Medical Ethics. – 2003. – № 130. – P. 4, 130–133.

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, ПОСЯГАЮЩЕГО НА КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

М. А. Кондратьева

*магистрант юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А.В. Александрова),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Формулируется и раскрывается понятие преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Рассматриваются конкретные уголовно-правовые нормы о преступлениях, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина. Анализируются статистические данные, отражающие количество обращений граждан в Конституционный суд РФ, по поводу защиты названных прав и свобод. Исследуются конкретные группы личности преступников, совершающих преступления, закрепленные в гл. 19 УК РФ.

Ключевые слова: преступление, личность преступника, конституционные права и свободы, должностное лицо, служебное положение.

Реализуя положения Конституции Российской Федерации, Уголовный кодекс РФ в качестве приоритетной задачи выделяет охрану прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 УК РФ) от преступных посягательств.

Преступлением признаётся виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещённое Уголовным кодексом РФ под угрозой наказания [1]. Любой акт индивидуального преступного поведения имеет свои неповторимые черты и всегда совершается живыми людьми, каждый из которых также является единичным субъектом преступления.

При изучении личности преступника особое значение имеют сведения о принадлежности к полу, возрасту, образованию, профессии, социальном положении. Далеко не последнюю роль играет информация о эмоционально-волевых и социально-психологических качествах.

Личность преступника очень сильно отличается от личности законопослушного человека, ей присущи потребности и мотивация эмоционально-волевой деформации и негативные социальные интересы. Проблема личности преступника – одна из центральных тем для наук, связанных с преступностью, и прежде всего для криминологии. Общественно опасная личность формируется еще до момента совершения преступления. Это выражается в нарушении дисциплины, аморальных поступках, административных правонарушениях. Но в криминологии момент перехода от личности, обладающий социально опасными качествами, к личности преступника связано напрямую с моментом совершения лицом преступления. Одни специалисты полагают, что о существовании личности преступника можно говорить лишь в определенных законом временных границах от вступления в законную силу обвинительного приговора суда и до отбытия наказания и погашения судимости. Другие криминологи настаивают на том, что личность преступника нужно рассматривать не только в отношении осужденных, но и фактических преступников, поскольку самые опытные и опасные преступники нередко уходят от уголовной ответственности [2, с. 115].

Под преступлениями против конституционных прав и свобод человека и гражданина понимаются «предусмотренные в уголовном законодательстве деяния, непосредственно направленные на

нарушение гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод любого человека и гражданина»; «предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, непосредственно посягающие на общественные отношения по поводу реализации наиболее важных человеческих потребностей (в творчестве, безопасности и защите, управлении, познании, уважении), права на обеспечение которых закреплены в Конституции Российской Федерации [3, с. 22].

В главе 19 УК РФ объединены уголовно-правовые нормы о преступлениях, посягающих на конституционные права и свободы человека и гражданина. Данные права непосредственно определяют статус личности, ее юридическую и социальную значимость и защищенность. Безусловно, в этой главе помещены не все нормы, охраняющие права и свободы человека и гражданина, поскольку, например, жизнь, здоровье охраняются нормами, включенными в гл. 16 УК РФ, интересы собственности – в гл. 21 УК РФ и др. Все охраняемые уголовным законом конституционные права и свободы человека и гражданина, несмотря на их разобщенность по главам, образуют видовой объект преступления – совокупность конституционных прав и свобод, куда входят: 1) преступления, посягающие на личные права и свободы (ст. 136-139 УК РФ); 2) преступления, посягающие на политические права и свободы (ст. 140-142.2 УК РФ); 3) преступления, посягающие на социально-экономические права и свободы (ст. 143-149 УК РФ).

Анализируя данный вопрос о личности преступника и преступлениях против конституционных прав и свобод, стоит обратиться к статистическим данным Конституционного Суда РФ. Так, в 2016 году в названный судебный орган поступило: 94 обращения о защите личных прав и свобод; 97 обращений, касающихся политических прав и свобод; 1254 обращения, затрагивающих социально-экономические права и свободы. В 2017 году Конституционным Судом РФ рассмотрено 108 обращений о защите личных прав и свобод; 73 обращения, касающихся политических прав и свобод; 1242 обращения, связанных с социально-экономическими правами и свободами граждан [4]. Резюмируя вышеприведенные данные, можно сказать, что в 2016 - 2017 году количество указанных обращений существенно не различалось. Но следует отметить, что больше всего нарушений наблюдается в области социально-экономических прав и свобод.

Важнейшим конституционным правом человека и гражданина является право на неприкосновенность жилища. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения [5]. За незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, предусмотрена ответственность по ст.139 УК РФ. Судебная практика показывает значительный рост числа лиц, осужденных за совершение данных преступлений.

Зачастую нарушения неприкосновенности жилища совершается в совокупности с другими, как правило, более тяжкими преступлениями: убийством, причинением тяжкого вреда здоровью, изнасилованием, похищением человека. В этих случаях нарушение неприкосновенности жилища не является конечной целью, а совершается попутно для облегчения планируемого преступления, т.к. для этого необходимо проникнуть в жилище.

Среди причин, вызывающих рост числа этих преступлений в настоящее время, можно назвать: общее снижение правовой культуры граждан, неуважительное отношение к правам и свободам других лиц, обесценивание межличностных отношений, правовую безграмотность и правовой нигилизм. Как показывает судебная практика, многие лица, привлеченные к ответственности, плохо понимают, что совершают преступление, вторгаясь в чужое жилище, например, к должникам с целью возврата долга, во время бытовых ссор, в процессе выяснения отношений между бывшими супругами, сожителями, знакомыми и по другим, как им кажется, «уважительным причинам» [6, с. 100].

В главе 19 Уголовного закона РФ закреплено, что нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина может осуществляться как должностным лицом, так и лицом с использованием своего служебного положения, приобретая которое, лицо наделяется определенными полномочиями по службе, вытекающими из его служебного статуса. Исходя из своего служебного положения, лицо выполняет функции, которые позволяют делить данную группу лиц на три категории: 1) представители власти; 2) лица, выполняющие организационно-распорядительные функции; 3) лица, выполняющие административно-хозяйственные функции [7, с. 52]. Организационно-распорядительные функции включают в себя, например, руководство коллективом, расстановку и подбор кадров, организацию труда или службы подчиненных,

поддержание дисциплины, применение мер поощрения и наложение дисциплинарных взысканий. К административно-хозяйственным функциям могут быть, в частности, отнесены полномочия по управлению и распоряжению имуществом и денежными средствами, находящимися на балансе и банковских счетах организаций и учреждений, воинских частей и подразделений, а также совершение иных действий: принятие решений о начислении заработной платы, премий, осуществление контроля за движением материальных ценностей, определение порядка их хранения и т.п. [8, с. 22].

К примеру, использование своего должностного положения в воспрепятствовании осуществлению избирательных прав, права на участие в референдуме, работе комиссий референдума либо деятельности члена избирательной комиссии может состоять в изъятии у избирательных комиссий помещения для голосования или необходимой техники, уклонении от выделения денежных средств из бюджета на проведение выборов и т.п.

Мотивы преступных действий всегда разнообразны. Они напрямую зависят от воспитания, социальной среды, уровня правовой культуры личности и т.д. С мотивом связана также личная или корыстная заинтересованность лица, совершающего преступное действие.

Корыстная заинтересованность заключается в желании получить материальную выгоду, избавиться от материальных затрат либо улучшить свое благосостояние, используя при этом труд других людей. Личная же заинтересованность обусловлена желанием сохранности своей должности, в связи с чем создается видимость благополучия на предприятии за счет ущемления прав работников и т.п. [9, с. 288].

Мотив играет определяющую роль при совершении преступлений в сфере социально-экономических прав, а в преступных деяниях, связанных с избирательными правами граждан, главенствующее место занимает цель, которую ставит перед собой лицо.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что личность преступника отличается от законопослушной личности своей общественной опасностью. Однако общественная опасность личности гражданина не предполагает фатальности преступного поведения. Это качество либо реализуется, либо не реализуется в его деятельности, что зависит как от самой личности, так и от внешних обстоятельств, способных препятствовать такому поведению.

Таким образом, сбор, а также анализ и, впоследствии, обобщение информации о личностях, совершающих преступления в сфере конституционных прав и свобод человека и гражданина, даст возможность не только конкретизировать личность преступника, но и применить полученные данные при расследовании преступлений и назначении наказания, а также усовершенствовать методику расследования названной группы преступлений.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 : [в ред. от 19.02.2018] // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 25 июня. – Ст. 2954.
2. Ковалева, Ю. А. Личность преступника в криминологической науке / Ю. А. Ковалева // Проблемы современной науки и образования. – 2015. – № 4. – С. 115–118.
3. Лапунин, М. Энциклопедия уголовного права. Т. 16. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина / М. Лапунин, Л. Мачковский, Н. Турищева, А. Голикова, Р. О. Долотов, Д. Скрыбин, К. Хутов, А. Курманов ; под ред. В. Б. Малинина. – СПб., 2011. – 954 с.
4. Тематика обращений в Конституционный Суд Российской Федерации. – URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic.aspx> (дата обращения: 02.04.2018).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
6. Курсаев, А. В. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина в системе Особенной части УК РФ / А. В. Курсаев // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 3. – С. 100–105.
7. Иванчин, А. В. Служебные преступления : учеб. пособие / А. В. Иванчин, М. Н. Каплин. – Ярославль : ЯрГУ, 2013. – 108 с.
8. Ильин, А. А. Организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции должностного лица в уголовном праве: проблемы регламентации и толкования / А. А. Ильин // Труды Академии управления МВД России. – 2012. – № 2. – С. 20–23.
9. Оганесян, Б. Л. Понятие мотива корысти в теории уголовного права и его отражение в УК РФ / Б. Л. Оганесян // Молодой ученый. – 2013. – № 7. – С. 287–289.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА

Е. В. Кузьминкина

*студентка юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А. В. Александрова),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Формулируется и раскрывается понятие социально-правовой защиты материнства и детства, которая гарантируется ст. 38 Конституции Российской Федерации. Дается классификация объектов защиты с учетом различных оснований. Рассматриваются особенности социально-правовой защиты, указываются основные способы защиты нарушенных прав детей и иных членов семьи.

Ключевые слова: конституционное право, материнство и детство, социальная защита, проблемы материнства и детства, материнский капитал, политика государства.

Защита здоровья матери и ребенка, актуальная во все времена, в условиях современного мира приобретает весьма важное значение. Обострение социальных и экономических проблем, повышение социальных рисков, изменение экологической обстановки – все эти и другие вызовы современности требуют от государства и общества внимательного отношения к проблемам подрастающего поколения, репродуктивному здоровью населения, здоровью детей и женщин в целом. Лишь здоровые, гармонично развитые дети, рожденные здоровыми мамами, дают шанс нации и государству на достойное будущее.

Актуальные представления о социально-правовой защите семьи исходят из особенностей формирования семейной политики государства и опираются на теоретические представления о семье и ее взаимодействии с государством в правовом и в социальном аспектах.

Необходимым условием правильной организации и эффективного функционирования социально-правовой защиты семьи является четкое определение ее объекта. Прежде всего, в качестве такового можно определить в целом всех несовершеннолетних. В разные периоды жизни, в зависимости от условий, ребенок нужда-

ется в защите в различной степени. Поэтому представляется возможным классифицировать объекты по следующим основаниям:

- с учетом возрастных этапов развития ребенка (младенчество, дети дошкольного возраста, младшего школьного возраста и т.п.);

- по состоянию здоровья (дети с ограниченными возможностями, дети-инвалиды, дети, имеющие определенную группу здоровья и др.);

- по приоритетности оказания помощи (с учетом трудной жизненной ситуации) (дети, испытавшие насилие, дети-сироты, дети несовершеннолетних родителей, дети молодых семей (особенно студенческих) и др.);

- с учетом проявления отклоняющегося поведения (несовершеннолетние правонарушители и преступники, дети, употребляющие алкоголь, наркотические вещества, беспризорные, дети, занимающиеся проституцией).

Главенствующими целями социально-правовой защиты материнства и детства являются осуществление законных прав и интересов каждого члена семьи, недопущение их дискриминации; содействие физическому, психическому, интеллектуальному, духовному и нравственному развитию детей. Основными задачами социально-правовой защиты являются обеспечение возможности осуществления субъективного права на социально-правовую защиту и формирование правовой культуры детей, родителей и семьи в целом и др.

А. В. Коротун рассматривает государственное стимулирование как способ оказания помощи материнству и детству, находящий свое выражение в выплате пособий по беременности и родам, единовременного пособия женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности, а также ежемесячного пособия на ребенка [4, с. 200].

В. М. Бехтерев, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн считают, что для наиболее качественного освоения детьми правовых ценностей и выработки правовых установок необходимо, чтобы деятельность членов семьи и ближайшего окружения регламентировалась этими ценностями и законностью [2, с. 98], чтобы все субъекты правоотношений руководствовались социально-правовыми ценностями, проявляли уважительное отношение к другому, к нормам права, направляли свои действия на взаимоподдержку и

взаимопонимание и т.п., т.е. можно охарактеризовать это положение как механизм создания и поддержания правовой среды в микросоциуме.

Юрисдикционный механизм предусматривает судебный и административный порядок защиты нарушенных прав ребенка, членов семьи.

В судебном порядке рассматриваются дела, непосредственно связанные с семейным воспитанием несовершеннолетнего (определение места жительства при раздельном проживании родителей; обеспечение права ребенка на общение с родителем, проживающим от него отдельно; ограничение или лишение родителя(ей) родительских прав и др.). Основания, в силу которых возможны обращения в суд за защитой прав ребенка, весьма разнообразны и указаны в семейном законодательстве РФ (например, установление отцовства и материнства, оспаривание отцовства и материнства, защита родительских прав).

В административном порядке защита прав ребенка осуществляется в предусмотренных законом случаях государственными органами. Так, семейным законодательством предусмотрено обязательство органов исполнительной власти принимать меры (организовать учет, оказывать содействие в устройстве детей в семье) по защите прав детей, оставшихся без попечения родителей. Например, органы внутренних дел могут участвовать в принудительном исполнении решений, связанных с отбиранием ребенка, в розыске лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, а органы загса правомочны восстанавливать брак в случае явки супруга, устанавливая отцовство лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, на основании совместного заявления отца и матери ребенка.

Государство со своей стороны пытается обеспечить достойное существование института материнства и детства путем проведения социальной политики [5, с. 89], одним из инструментов которой является выплата так называемого «материнского капитала», который регулируется федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ [1]. Размер материнского капитала ежегодно пересматривается с учетом темпов роста инфляции и устанавливается федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и на плановый период. Например, на момент принятия закона сумма материнского капитала составляла

250 000 рублей, но впоследствии денежная сумма значительно увеличилась и на 2018 г. достигает 453 026 рублей.

Существует ряд проблем, которые имеют место быть в институте материнства и детства. Среди них можно выделить халатность родителей, из-за которой увеличиваются показатели социального сиротства; недостаточно разработанная система социальной защиты семьи, материнства и детства [3, с. 102–103]; необходимость устранения противоречий между нормами внутригосударственного законодательства и международными норм о защите материнства и детства.

Помимо указанных выше проблем, можно указать на государственные задачи в сфере материнства и детства, которые требуют незамедлительного решения. В первую очередь это охрана здоровья женщин, обеспечение им возможности сочетания профессиональной деятельности с воспитанием детей, защита прав ребенка в семье, укрепление правовой защиты детства. Решение этих и многих других задач в области государственной финансовой поддержки института материнства и детства позволит минимизировать существующие на сегодняшний день кризисные явления в данной сфере.

Библиографический список

1. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федер. закон № 256-ФЗ от 29.12.2006 // Российская газета. – 2006. – 31 декабря. – № 297.
2. Выготский, Л. С. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Прimitив. Ребенок / Л. С. Выготский, А. Р. Лурия. – М. : Педагогика-пресс, 1993. – 224 с.
3. Гусева, Т. С. Правовое регулирование медицинской помощи в связи с материнством и детством / Т. С. Гусева // Известия ПГПУ имени В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 101–104.
4. Коротун, А. В. Механизмы социально-правовой защиты материнства и детства в современной России / А. В. Коротун // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 10. – С. 197–204.
5. Пшеничников, С. В. Государственная финансовая поддержка института материнства и детства / С. В. Пшеничников // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. – 2010. – № 2. – С. 88–89.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Е. С. Лохина

*магистрант юридического факультета
(научный руководитель д.ю.н., д.и.н., профессор В. В. Гошуляк),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Проанализированы конституционно-правовые полномочия органов государственной власти и местного самоуправления в обеспечении социальных прав граждан в Российской Федерации.

Ключевые слова: социальные права граждан, местное самоуправление, защита прав граждан.

Конституция Российской Федерации (далее Конституция РФ) в ст. 7 провозглашает Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты [1].

Обеспечение социальных прав осуществляется посредством механизма их защиты. К функциям органов государственной власти и местного самоуправления следует отнести обеспечение условий для защиты прав и свобод человека и гражданина.

Понятие государственной защиты прав и свобод человека определяется как деятельность, законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Каждая ветвь должна осуществлять свою деятельность так, чтобы права и свободы человека и гражданина были не только декларированы, но и реализовывались непосредственно на практике.

Право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления закреплено в статье 33 Конституции РФ: «Граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично,

а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в органы государственной власти и органы местного самоуправления» [1]. Эта статья Конституции РФ раскрывает одно из важнейших понятий демократического общества. Реализация и защита прав граждан может и должна проходить через обращение граждан в субъекты власти. Так же данные обращения позволяют органам власти учитывать свои собственные ошибки и повышать эффективность работы в данном направлении. Обращение в органы власти – это обратный вид связи, через которые представители власти могут получать информацию о происходящем в обществе, об уровне доверия народа государственным органам.

Право на обращение граждан так же находит свое отражение и в законодательстве субъектов Российской Федерации, так п. 1 ст. 16 Устава города Пензы: «Граждане имеют право на индивидуальные и коллективные обращения в органы местного самоуправления» [2].

Отдельное внимание следует уделить положениям ст. 40 Устава города Пензы, в которой установлена правовая регламентация специально уполномоченного муниципального органа в Пензенской области – социального управления города Пензы. Данный орган был учрежден в целях реализации социальной политики в регионе. Из основополагающих элементов, входящих в компетенцию вышеуказанного органа, является установленные п. 1.13. ст. 16 Устава города Пензы положения, согласно которым социальное управление города Пензы «Осуществляет разработку предложений по установлению отдельным категориям граждан города Пензы дополнительных мер социальной поддержки и социальной помощи семьям с детьми, в том числе многодетным и находящимся в трудной жизненной ситуации, и иным категориям граждан. В пределах полномочий Управления, установленных муниципальными правовыми актами города Пензы, осуществляет представление дополнительных мер социальной поддержки и социальной помощи» [2]. Таким образом, можно констатировать, что на муниципальном уровне гражданам также обеспечиваются и гарантируются социальные права граждан.

Порядок обращений граждан регулируются посредством Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [3].

Отстаивание прав граждан происходит так же и посредством проведения митингов, пикетов, шествий, забастовок. Мнение участников общественных акций привлекает государственные ор-

ганы к проблеме нарушения прав и свобод, побуждает к принятию мер по защите законности и справедливости.

Государственные органы и органы местного самоуправления ставят перед собой цель обеспечить граждан социальными правами и свободами. Установление системы по защите прав и свобод, создание защитных процедур прав и свобод – вот методы достижения цели государственными органами и органами местного самоуправления.

Полномочия по обеспечению социальных прав и свобод граждан в равных долях находятся у федеральных, муниципальных и общественных организаций. Их полномочия заключаются в определенных средствах, способах и методах, которые распространяются на всю территорию Российской Федерации.

Важную роль в социальной защите прав граждан играет институт Уполномоченного по правам человека. В 1998 году Государственная Дума РФ избрала Уполномоченного по правам человека, был сформирован его центральный аппарат в г. Москве, в 2004 году дебатруется вопрос о структуре института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – быть ли ей вертикально структурированной или же уполномоченные на местах должны быть независимы от центральной власти [4; с. 35].

Уполномоченный по правам человека (омбудсмен) должен ставить своей целью создание в обществе системы ценностей, которая бы при решении проблем социального характера выдвигала на первое место права граждан.

Самыми значимыми и частыми для граждан являются нарушение социальных прав регламентирующих достойный уровень жизни человека. Исходя из опыта организаций защищающих права, а так же мнения обычных граждан, больше всего беспокойство вызывают нарушения в трудовой сфере, сфере занятости населения и социального обеспечения: регулярные задержки заработной платы, немотивированные увольнения, отказы в установлении пенсий, пособий или льгот.

Важными и актуальными вопросами современной проблематики социальных прав и свобод человека, остается вопросы их защиты, однако данные положения абсолютно отстают в разработанности государством других прав и свобод, как с точки зрения практики, так и с точки зрения теории конституционализма. Сравнительно-правовой анализ накопленной судебной практики представляет особый интерес.

Судебная власть играет особую роль в защите и восстановлении нарушенных прав и свобод органами государственной власти и органами местного самоуправления. Положения ст. 18 Конституция РФ свидетельствуют о том, что права и свободы человека должны определять смысл всего законодательного процесса, исполнительной власти, власти местного самоуправления и одновременно устанавливать способ их обеспечения – правосудие [1].

Часть 1 статьи 46 Конституции РФ устанавливает право человека на судебную защиту его прав и свобод. На территории Российской Федерации правом судебной защиты прав и свобод обладает лицо не зависимо от его гражданства. Гарантированность судебной защиты предполагает право каждого на жалобу с подведомственный суд, но с другой стороны обязанность данный суд рассмотреть эту жалобу и вынести, основанное на принципах законности и справедливости, обоснованное решение [5; с. 10].

Конституционное право каждого на судебную защиту состоит из двух видов правомочий: анализ материального содержания права (возмещение ущерба, который был получен в связи с незаконными действиями органов государственной власти), а так же процессуального содержания (права на коллективную и индивидуальные жалобы в Конституционный суд Российской Федерации) [1].

Не стоит забывать, что обязанность по защите и реализации прав граждан на социальное обеспечение лежит не только на государственных органах, но и органах местного самоуправления. Формальное подтверждение участия местного самоуправления можно найти в ст. 18 Конституции РФ, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина определяют деятельность не только законодательной и исполнительной власти, но и местное самоуправление. Тем самым обязанность по обеспечению социальных прав человека и гражданина возложена не только на государство, но и на органы местного самоуправления.

Таким образом, в Российской Федерации как федеральном, так и на муниципальном уровне гарантируется обеспечение и реализация социальных прав граждан. Гарантом обеспечения заявленного комплекса прав выступают положения Конституции РФ, Уставов субъектов РФ и иных законодательных актов.

Защита социальных прав граждан лежит в основе деятельности любого современного социального государства, которым Российская Федерация провозглашена согласно Конституции РФ, поэтому важнейшей составляющей при обеспечении и реализации

социальных прав граждан, является деятельность по реализации данного комплекса прав органами государственной власти и местного самоуправления.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Устав города Пензы // Пензенские губернские ведомости. – 2005. – 15 сентября. – № 20.
3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федер. закон № 59-ФЗ от 02.05.2006 // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.
4. Волков, И. А. Этапы большого пути (1992–2014 гг.) / И. А. Волков // Пенсионное обозрение. – 2014. – № 2 (10). – С. 12–64.
5. Андриченко, Л. В. Проблемы судебной защиты социальных прав граждан Российской Федерации / Л. В. Андриченко // Журнал российского права. – 2016. – № 9. – С. 4–16.

ЛИЧНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. В. Портнова

*кандидат юридических наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Защита прав и свобод человека посредством конституционного правосудия носит универсальный характер, поскольку в случае признания органом конституционной юстиции нормативного правового акта неконституционным, защиту получает не только заявитель, обратившийся в орган конституционного контроля, но также иные лица, в отношении которых применялся или мог быть применен неконституционный акт.

Ключевые слова: личные права и свободы; конституционные и уставные суды; правовые позиции; конституционная жалоба; правовой статус личности.

Личным правам и свободам человека в любом демократическом правовом государстве отводится центральное место, так как они обеспечивают само существование человека и его защиту от государственного произвола [3, с. 105]. Личные права и свободы человека неоднородны, они включают в себя: право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право на защиту чести и достоинства, свободу вероисповедания и другие. Говоря о защите перечисленных личных прав и свобод, следует учитывать, что она может происходить по двум основным направлениям. Во-первых, осуществление защиты от посягательств на личные права и свободы со стороны других лиц. Во-вторых, защита прав и свобод, осуществляемая органами конституционного правосудия, к числу которых относятся Конституционный Суд РФ, а также конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Во втором случае защита носит универсальный характер, поскольку при признании органом конституционной юстиции законодательного акта противоречащим Основному закону, защиту получает не только заявитель, обратившийся в орган конституционного контроля, но также иные лица, в отношении которых применялся или мог быть применение неконституционный акт. Таким образом, последствия решений органов конституционной юстиции следует считать публичной защитой прав и свобод.

В числе задач конституционных (уставных) судов субъектов РФ защита основных прав и свобод занимает ключевое место. Современная концепция прав и свобод человека в совокупности с конституционными принципами правового статуса личности явилась определяющей в деятельности региональных органов конституционной юстиции при определении ими правовых позиций по конституционным жалобам граждан. Органы конституционного правосудия субъектов РФ, осуществляя свою деятельность, вносят существенный вклад в обеспечение конституционной законности на территории соответствующего субъекта РФ.

За время своего существования конституционные (уставные) суды субъектов РФ принял ряд важных решений в сфере защиты личных прав и свобод человека. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что данные органы внесли свой вклад в развитие конституционной теории прав личности [1, с. 91].

В связи с тем, что правовых позиций конституционных (уставных) судов субъектов РФ в сфере защиты личных прав и свобод человека не так много, затруднительно провести их клас-

сификацию. Вместе с тем высказанные правовые позиции в своем роде уникальны и имеют неоспоримую научную и практическую ценность. Проанализируем наиболее яркие решения конституционных (уставных) судов субъектов РФ, касающиеся личных прав и свобод, а также определим вклад данных органов в концепцию прав и свобод.

Конституционное право на свободу передвижения явилось предметом рассмотрения в Конституционном суде Республики Марий Эл [5].

Рассматривая дело, Конституционный суд привел следующую цепочку правовых аргументов. Во-первых, любое правовое регулирование должно быть справедливым, обоснованным и не допускающим произвольного ограничения прав и свобод личности. Закрепленные в Конституции принципы справедливости и равенства всех перед законом предполагают предоставление всем гражданам одинакового объема юридических гарантий. Указанные принципы будут нарушены в случае, если орган конституционного правосудия не обнаружит обоснованных и разумных причин, в силу которых было принято то или иное правовое регулирование. Этот вывод согласуется с научной точкой зрения о том, что право на свободу передвижения не абсолютно и допускает возможность его ограничения только в исключительных случаях [2, с. 196].

Во-вторых, введение особого правового режима использования спорного участка автомобильной дороги обуславливает невозможность нормального ее использования, не обеспечивает баланс интересов пользователей, а также не принимает во внимание публичные интересы. Кроме того, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, «ограничения прав и свобод человека и гражданина возможно лишь в соответствии с конституционно одобряемыми целями на основе принципов разумности и соразмерности при соблюдении баланса публичных и частных интересов, с тем, чтобы не допустить умаления этих прав» [7].

Вкладом Конституционного суда Республики Марий Эл в конституционную теорию прав личности явился его вывод о том, что органы государственной власти субъекта РФ, органы местного самоуправления при осуществлении правового регулирования обязаны обеспечить реализацию мер правовой защиты населения и гарантировать соблюдение прав и свобод человека. Принятые законы, а также иные нормативные правовые акты должны согласо-

вываться с принципами справедливости, обоснованности и не допускать незаконного ущемления прав и свобод.

Конституционность правового регулирования процедуры присвоения имени в соответствии с национальными обычаями рассматривалась в Конституционном суде Республики Саха (Якутия) 23 июня 2016 г. [10]. Предметом проверки выступил пункт 1 статьи 3 Закона «О присвоении фамилии и отчества ребенку в соответствии с якутскими национальными обычаями при государственной регистрации рождения», согласно которому родители вправе «при государственной регистрации рождения присвоить ребенку фамилию и (или) отчество в соответствии с якутскими национальными обычаями». Поводом для рассмотрения дела явилась конституционная жалоба гражданки С. Э. к. Умсуураба. Из материалов дела следовало, что заявительница по делу обратилась в Управление записи актов гражданского состояния при Правительстве Республики Саха (Якутия) с заявлением о перемене в соответствии с якутскими национальными обычаями имен своих детей. Однако ее заявление не было удовлетворено в связи с применением оспариваемого положения.

Проведя анализ положений Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ, Семейного кодекса РФ, Федерального закона «Об актах гражданского состояния», Конституционный суд Республики Саха (Якутия) указал, что правила перемены имени гражданина могут быть установлены только федеральным законодательством. Законодателю Республики Саха (Якутия) предоставлена возможность урегулировать право родителей присвоить ребенку фамилию и (или) отчество в соответствии с якутскими национальными обычаями исключительно при государственной регистрации его рождения.

Таким образом, республиканский Конституционный суд высказал правовую позицию о том, что предоставление региональным органам власти достаточно широкой свободы усмотрения при осуществлении правового регулирования не означает, что они могут действовать произвольно. Приведенная позиция Конституционного суда Республики Саха (Якутия) развивает концепцию прав и свобод человека.

Проведенный анализ актов конституционного правосудия субъектов РФ показывает, что конституционные и уставные суды уточнили содержание личных прав и свобод, определили условия, гарантии их реализации и тем самым внесли свой вклад в теорию

прав человека, что оказало свое влияние на соблюдение баланса между свободой человека и властью государства.

Библиографический список

1. Гошуляк, В. В. Решения конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации как форма развития конституционной теории / В. В. Гошуляк // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2008. – № 2. – С. 91–98.

2. Гулина, О. Р. Право на свободу передвижения (часть 2) / О. Р. Гулина // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 6 (55). – С. 196–202.

3. Гусаченко, Е. К. История развития представлений о личных правах и свободах человека и гражданина и их судебной защите / Е. К. Гусаченко // Инновационная наука. – 2017. – № 2–2. – С. 105–108.

4. Миронов, Д. Н. Конституция Российской Федерации: послесловие к 20-летию юбилею / Д. Н. Миронов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 197–204.

5. Постановление Конституционного суда Республики Марий Эл от 01.08.2013. – URL: http://www.ksrme.ru/?page_id=751/

6. Постановление Конституционного Суда Республики Саха (Якутия) № 3-П от 23.06.2016. – URL: <https://ks.sakha.gov.ru/postanovlenija2/2016-god/>

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 14-П от 07.06.2012 // Российская газета. Федеральный выпуск. – 2012. – 21 июня. – № 5812 (139).

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ

Ф. М. Сеидов

*магистрант факультета магистратуры и аспирантуры
(научный руководитель д.ю.н., профессор
Велиева Джамилы Сейфадин кызы),
Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина,
г. Саратов*

Аннотация. Раскрываются формы и способы конституционного права на достоинство личности, проводится анализ содержания понятия «самозащита прав человека». Рассматриваются честь и достоинство как «личные нематериальные блага».

Ключевые слова: защита конституционного права, формы и способы защиты конституционного права, закон, личность.

Защита конституционного права на достоинство личности осуществляется посредством применения установленных форм, средств и способов защиты, то есть в предусмотренном законом порядке.

Форма защиты конституционного права на достоинство личности несет в себе комплекс организационно согласованных мероприятий связанных с защитой субъективных прав и охраняемых законом интересов. Иначе говоря, форма защиты права отражает ее порядок.

Исходя из характера правовых требований, которые подлежат защите соответствующим компетентным органом, рассматривающим данные требование можно определить форму правовой защиты.

Существуют две основные формы защиты конституционного права:

- Юрисдикционная
- Неюрисдикционная

Юрисдикционная форма защиты прав граждан говорит о деятельности уполномоченных органов защищающих нарушенные или оспариваемые субъективные права. Сама суть юрисдикционной формы заключается в защите лиц права и законные интересы которых нарушены неправомерными действиями, посредством обращений в государственные органы (суд или же вышестоящая инстанция), в компетенции которых принятие соответствующих мер для пресечения совершающихся правонарушений и восстановления нарушенных прав.

Выделяют судебный и несудебный порядок нарушенных прав в рамках юрисдикционной формы.

В статье 46 Конституции РФ закрепляются гарантии каждому на защиту его прав и свобод [1, ст. 46]. Данная статья поясняет важнейшие демократические начала обеспечивающие правовую защиту достоинства и чести личности. Необходимым будет также отметить то, что Конституция РФ дает право на судебную защиту в двух аспектах: как одно из основных прав каждого человека и как гарантию всех других прав и свобод человека.

В юриспруденции под правом на судебную защиту понимается право каждого лица на беспрепятственное обращение в суд за

защитой своих прав, свобод и охраняемых законом интересов, на рассмотрение его дела в разумный срок беспристрастным и независимым судом и на исполнение судебного решения. Таким образом право на судебную защиту чести и достоинства личности включает ряд общих правомочий:

- право на обращение в суд;
- право на судебную защиту;
- право на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено;
- право на рассмотрение его дела в разумный срок;
- право на исполнение судебного решения.

Суд наделен широкими компетенциями, которые основываются на положениях Конституции РФ, соответствующей статусу органа самостоятельной ветви власти, ее решения распространяются на все дела о защите прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц без исключения.

В неюрисдикционную форму защиты входят действия граждан по защите прав, которые совершают они самолично. О важной роли самозащиты права упоминается в юридической литературе, сопротивление наглому, затрагивающему самое личность беззаконию, т.е. нарушению права, носящему по своему приему характер его пренебрежения, характер личного оскорбления есть обязанность. Это обязанность правомочного по отношению к себе самому, потому что таково повеление нравственного самосохранения; это обязанность по отношению к обществу, потому что таково необходимое условие для существования права.

В статье 14 Гражданского кодекса РФ выделяется самозащита как особый способ защиты гражданских прав. Понятия «способ» и «форма» защиты смешиваются и отнесение самозащиты к способам защиты прав в статье 12 ГК РФ представляется неоправданным [2, ст. 12,14].

Самозащита права – это форма права, при которой потерпевший имеет возможность правомерно воздействовать на нарушителя, без помощи компетентных государственных органов.

При соблюдении следующих условий самозащиту права можно считать правомерной:

- 1) лицо, самостоятельно защищающее свое право, должно являться бесспорным его обладателем;
- 2) избранный лицом способ защиты должен быть соразмерен нарушению;

3) способ самозащиты не должен выходить за пределы действий, необходимых для его применения.

Способы правовой защиты несут в себе материально-правовые и процессуальные нормы и процедуры, которые используются в юрисдикционных органах по требованию управомоченных лиц для восстановления нарушенного права в принудительном порядке. В теории права средства защиты делятся на меры защиты и меры (способы) ответственности. Также стоит отметить, что это деление носит условный характер.

Некоторые авторы отличительной чертой мер ответственности признают применяемые штрафные санкции, меры защиты характеризуют их отсутствие.

Данный критерий оправдан с точки зрения применяя меры защиты, на первый план выходит лицо права которого были нарушены, меры же ответственности направляются на наказание правонарушителя.

Выделение данного критерия является оправданным также с той точки зрения, что при применении мер защиты на первый план выдвигается лицо, чьи права нарушены, а меры ответственности направлены прежде всего на наказание правонарушителя.

Гражданский Кодекс Российской Федерации является единственным законодательным актом, перечисляющим способы защиты прав граждан. Справедливое замечание в юридической науке было высказано относительно ГК РФ, где не проведено различие между способами защиты и мерами ответственности: меры ответственности входят в способы защиты гражданских прав.

Средства защиты, перечисленные в ст. 12 ГК РФ, и не являются исчерпывающими. В этой же статье говорится и о других средствах, прямо предусмотренных законом.

Честь и достоинство как личные нематериальные блага представляют выбор способов и пределов гражданско-правовой защиты. Специальные способы защиты предусматриваются для защиты чести, доброго имени и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ). В этой же статье предусматривается использование общих способов защиты, таких как возмещение убытков и компенсация морального вреда, относящиеся к мерам ответственности.

К специальным способам защиты чести и достоинства личности можно отнести опровержение порочащих сведений и право на ответ. Опровержение сведений не соответствуют действительности должно последовать в средствах массовой информации, вы-

ходящих в свет (в эфир) не реже одного раза в неделю и в течение десяти дней со дня получения требования об опровержении или его текста [3].

Существуют и другие способы защиты, гражданин имеет право потребовать использования и других способов защиты, не перечисленных в ст. 152. К примеру, изъятие тиража книги, в которой были опубликованы сведения порочащие права на достоинство личности.

Применяя меры защиты на первый план выдвигаются лица, чьи права и интересы были нарушены. Своей целью меры правовой защиты достоинства и чести личности имеют восстановление чести и достоинства потерпевшего. Достижение этой задачи возможно посредством опровержения ранее распространенных сведений, с помощью ознакомления всех лиц, среди которых были распространены порочащие сведения.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) № 51-ФЗ от 30.11.1994 : [в ред. от 29.12.2017] // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. О средствах массовой информации : Закон РФ № 2124-1 от 27.12.1991 : [в ред. от 25.11.2017, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018 // Российская газета. – 1992. – 8 февраля. – № 2301.

РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ

О. И. Уланова

*магистрант юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент Е. Б. Казакова),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Рассматривается конституционное право на образование. Доказывается, что именно образовательное учреждение играет

немаловажную роль в процессе обеспечения конституционного права на образование. Дается понятие образовательной организации, а также приводятся ее основные признаки в соответствии с действующим российским законодательством.

Ключевые слова: право на образование, Конституция РФ, образовательная организация, образовательное учреждение, образовательная деятельность.

Конституционное право на образование стоит в одном ряду с иными фундаментальными правами человека. Оно нашло свое закрепление на уровне различных международных правовых актов. Согласно части 3 статьи 43 Конституции РФ каждый, то есть любой индивид независимо от пола, расы, происхождения, национальности, языка, имущественного и иного положения, места жительства, отношения к религии, принадлежности к общественным объединениям и других обстоятельств, имеет право на образование, которое, в свою очередь, относится к неотчуждаемым правам и свободам человека и принадлежит каждому с момента рождения.

Вместе с тем, следует обратить внимание на то, что в российском законодательстве не раскрывается понятие «право на образование», что обуславливает наличие разнообразных его трактовок [2, с. 2]. К примеру, под правом на образование предлагается понимать «право человека на получение определенной суммы, культурных навыков, профессиональной ориентации, необходимых для нормальной жизнедеятельности в условиях современного общества» [3, с. 37]. Имеется и более широкая трактовка данного понятия: «основное и естественное право, имеющее своей целью удовлетворение потребностей человека в информации и непосредственно в самом образовании» [5, с. 5].

Т. В. Грачева при определении понятия «право на образование» предлагает исходить из того, что рассматриваемое право есть неотъемлемое, субъективное право человека. По ее мнению, конституционное право на образование – это реально существующая, гарантированная государством фактическая возможность лица обладать и реально пользоваться знаниями, умениями и навыками с целью повышения своего уровня культуры своих личных интересах, а также в интересах всего общества [1, с. 8]. Данный подход к определению понятия «право на образование» представляется наиболее верным.

Конституционное право на образование реализуется только при наличии в государстве образовательных организаций. Причем

создание юридических лиц в форме организаций в сфере образования является, пожалуй, самым распространенным случаем.

Вступивший в силу в 1992 году Закон РФ «Об образовании» называл учреждения, действующие в образовательной системе, образовательными.

В настоящее время указанный Закон утратил силу. 29 декабря 2012 года принят Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Нельзя не обратить внимания на тот факт, что в новом законе термин «образовательное учреждение» не упоминается. На смену ему пришло более точное понятие – «образовательная организация». Указанный закон различает образовательную организацию, организацию, осуществляющую обучение, и организацию, осуществляющую образовательную деятельность. Так, согласно статье 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» образовательной организацией признается некоммерческая организация, которая осуществляет на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности согласно целям, для достижения которых эта организация образована. Организацией, осуществляющей обучение, является юридическое лицо, которое осуществляет на основании лицензии наряду с основной деятельностью образовательную деятельность в качестве дополнительного вида деятельности. Организацией, осуществляющей образовательную деятельность, называется образовательная организация, а также организация, которая осуществляет обучение. Кроме того в законе уточняется, что организациями, осуществляющими образовательную деятельность, также являются индивидуальные предприниматели, которые осуществляют образовательную деятельность.

Следовательно, закон разграничил термины «образовательная организация» и «организация, осуществляющая обучение». Обучение, так же как и воспитание, представляет собой составную часть образования. Исходя из этого рассматриваемые два подвида организации тождественны. Основным требованием применительно к образовательной организации служит ее правосубъектность. В отношении организации, осуществляющей обучение, кроме правосубъектности, обязательным условием является следование иным нормативно установленным требованиям. Таким первостепенным условием является, в частности, получение лицензии на осуществление образовательной деятельности. Кроме этого, в отличие от образовательной организации, органи-

зация, осуществляющая обучение, помимо данного вида деятельности вправе осуществлять также иные виды деятельности. Для первой категории субъектов образовательная деятельность выступает в качестве основного вида деятельности, а для организаций, осуществляющих обучение, – дополнительного. Общим для рассмотренных видов субъектов выступает понятие «организация, осуществляющая образовательную деятельность». В указанную категорию включаются как образовательные, так и обучающие организации, а также индивидуальные предприниматели, которые наделены правом осуществления указанной деятельности в соответствии с требованиями закона «Об образовании в Российской Федерации».

Как видим, анализируемая статья 2 дает достаточно подробное и развернутое определение образовательных организаций, чего нельзя было сказать о ранее действующем законе 1992 года «Об образовании». Таким образом, законодатель устранил ранее имевшие место пробелы в правовом регулировании, чем фактически исключил двойное толкование рассматриваемых правовых категорий.

Вызывает интерес также тот факт, что в статье 12 закона 1992 года «Об образовании» было прямо указано, что образовательное учреждение признается юридическим лицом. Ныне действующий Федеральный закон 2012 года «Об образовании в Российской Федерации» говорит о том, что образовательная организация создается в форме, которая установлена гражданским кодексом для некоммерческих организаций. Особо следует акцентировать внимание на том, что в качестве образовательной организации может выступать только некоммерческая организация. Основная отличительная черта некоммерческой организации состоит в том, что она создается в соответствии с действующим законодательством РФ для целей, которые прямо не связаны с получением прибыли и иного дохода. Главная цель деятельности образовательной организации состоит в предоставлении образовательных услуг. Кроме того, для того чтобы принимать участие в различных правоотношениях такая организация должна обладать правосубъектностью, то есть она должна быть зарегистрирована в установленном законом порядке и сведения о ней отражаются не только в ЕГРЮЛ, но также реестре некоммерческих организаций.

При этом следует отметить, что являясь юридическим лицом, образовательная организация предоставляет соответствующую

щие услуги через привлечение к их осуществлению педагогических кадров. Педагогическими работниками выступают физические лица, которые состоят с образовательной организацией в трудовых либо служебных отношениях. На практике нередко встречаются случаи, когда образовательные организации привлекают не только собственных работников, но и других лиц, которые имеют право на осуществление педагогической деятельности. Именно наличие у работника права а осуществление педагогической деятельности, т.е. права на обучение и воспитание в образовательном процессе, является основным критерием при отнесении того или иного субъекта к числу педагогических работников [4, с. 119].

Таким образом, право на образование является неотъемлемым, субъективным правом человека, его можно рассматривать как это реально существующую, гарантированную государством фактическую возможность лица обладать и реально пользоваться знаниями, умениями и навыками с целью повышения своего уровня культуры своих личных интересах, а также в интересах всего общества. Конституционное право на образование реализуется только при наличии в государстве образовательных организаций. Образовательной организацией признается некоммерческая организация, которая осуществляет на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности согласно целям, для достижения которых эта организация образована.

Библиографический список

1. Грачева, Т. В. Реализация конституционного права человека и гражданина Российской Федерации на образование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Грачева Т. В. – М., 2004. – 24 с.
2. Курицына, Е. В. Конституционное право на образование в Российской Федерации: понятие и содержание / Е. В. Курицына // Наука. Общество. Государство. – 2014. – № 1. – С. 1–11.
3. Матюшева, Т. Н. Право на образование – конституционно защищаемая духовная ценность / Т. Н. Матюшева // Современное право. – 2008. – № 12. – С. 33–38.
4. Сысоева, Ю. Ю. Повышение эффективности деятельности образовательных организаций / Ю. Ю. Сысоева, Е. А. Шамин // Вестник НГИЭИ. – 2014. – № 9. – С. 119–124.
5. Шкатулла, В. И. Право на образование / В. И. Шкатулла // Государство и право. – 1997. – № 7. – С. 5–13.

ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

П. Д. Усанкина

*студентка юридического факультета
(научный руководитель: ассистент А. А. Рыжова),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. В положениях данной статьи формулируется и раскрывается понятие права на неприкосновенность частной жизни, определяются основные механизмы защиты нарушенного права, а также рассматриваются международно-правовые стандарты, направленные на обеспечение указанного права, и отечественное законодательство на предмет выявления проблем в процессе его реализации.

Ключевые слова: право на неприкосновенность частной жизни, способы защиты, проблемы реализации, международно-правовые нормы.

Вопросы, касающиеся определения значения понятия «частная жизнь» являются актуальными для современной юридической науки, так как проблема защиты прав личности, защиты личности от несанкционированного сбора и использования персональных данных, распространении информации персонального характера, приобрела особую актуальность в настоящее время в условиях современного общества. Одни специалисты – правоведы исходят из того, что право на неприкосновенность частной жизни напрямую связано со свободой мысли, совести и религии, свободой выражения своего мнения, свободой собраний и ассоциаций, правом создавать семью. Другие включают право на тайну частной жизни и тайну корреспонденции, право на защиту личности и право на уважение к личному статусу [1, с. 591]. Обобщающей для этих положений будет мысль о том, что право на неприкосновенность частной жизни как правовой институт является сложным по своему составу и состоит из отдельных правомочий индивида. Право на неприкосновенность частной жизни относится к естественным правам человека. Оно является одним из его основных конституционных личных прав, принадлежащим человеку от рождения, оно неотчуждаемо и не может быть передано иным способом.

Право на неприкосновенность частной жизни регулируется не только отраслевым законодательством и федеральными законами, но и международными договорами. Так, ст. 23 Конституции

РФ гласит: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени». Всеобщая Декларация прав человека устанавливает: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» (ст. 12). [2, с. 767] В Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 8) указывается, что каждый человек имеет право на уважение его личной и семейной жизни, неприкосновенности его жилища и тайны корреспонденции. Не допускается вмешательство государственных органов в осуществление этого права, за исключением случаев, установленных законом. Следуя из этого, можно сделать вывод, что указанное право человека является актуальным не только для России, но и на международном уровне.

Рассматривая понятие, право на неприкосновенность частной жизни, стоило бы обратиться к его теоретическим составляющим, в качестве которых выступают:

- право свободно без постороннего контроля располагать собой;
- право на тайну частной жизни (личная тайна, семейная тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений);
- право на защиту личности (защита своего имени; защита своей чести, достоинства и деловой репутации; защита своей национальной принадлежности; защита права на пользование родным языком и свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества);
- право на защиту жилища (неприкосновенность жилища);
- право на тайну голосования.

Вследствие быстрой модернизации сфер общественной жизни, Конституция РФ не успевает реагировать на эти изменения, которые все больше связаны с нарушением права на неприкосновенность частной жизни, а также незаконным сбором и разглашением личной информации. Многочисленные нарушения данного права являются следствием низкого уровня его правовой охраны. Во многих европейских государствах приняты национальные законы о персональных данных, в ряде стран введены независимые уполномоченные, деятельность которых направлена на защиту личной

информации и частной жизни. Отсутствие в Российской Федерации аналогичного национального закона сдерживает возможность международного сотрудничества правоохранительных органов в борьбе с правонарушениями [3, с. 784].

Персональные данные конкретного субъекта безотлагательно должны исключаться из общедоступной базы данных на основании распоряжения этого субъекта или решения полномочного государственного органа в случаях, указанных в законе. Должным представляется запрет любых действия с персональными данными, раскрывающими расовое или этническое происхождение, национальную принадлежность, особенности языковой, партийной, религиозной принадлежности. Так, в ФЗ «Об основах государственной службы» (ст. 8) и в ФЗ «О службе в таможенных органах» (ст. 24) запрещается непосредственный сбор и внесение в личные дела (реестры) государственных служащих сведений об их политической, религиозной принадлежности и о частной жизни.

Представляется, что действуя в интересах граждан, законодатель не вправе составлять такие положения, которые в силу своей неопределенности и при отсутствии законно установленных пределов могут применяться уполномоченными субъектами произвольно. Содержащиеся в законе нормы об ограничении рассматриваемого права должны быть ясными, с четко определенными условиями ограничения.

Несмотря на законодательное закрепление права на неприкосновенность частной жизни, практика показывает, что наблюдаются случаи неправомерного проведения некоторых мероприятий, которые по своей сути должны быть защищены от неправомерного сбора и использования личной информации, к ним относят – контроль телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, личного обыска, а также обыска жилых помещений.

В законодательстве нет прямой правовой нормы, регулирующей точный порядок «перехвата» корреспонденции, прослушивания телефонных переговоров в целях выявления противоправных действий, борьбы с терроризмом, а также недопущения использования полученной информации в иных целях. Рассматривая аналогичную ситуацию, Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что передача записей учета звонков без согласия лица, звонки которого подвергались учету, представляет собой неоправданное вмешательство в осуществление права на неприкос-

новенность частной жизни. Кроме этого, является неурегулированным механизмом ответственности должностных лиц при неправомерном ограничении прав человека [4, с. 480].

Вопросы механизма защиты права на неприкосновенность отражены в некоторых отраслевых законодательствах Российской Федерации. Так, например, порядок защиты частной жизни также регулируется семейным законодательством, в ч. 2 ст. 139 Семейного кодекса РФ говорится о том, что секрет усыновления ребенка охраняется законом, и лица, виновные в его раскрытии, несут ответственность в соответствии с законодательством РФ. Таможенным законодательством Российской Федерации установлен особый порядок получения конфиденциальной информации таможенными органами, а также ее защита. КоАП РФ устанавливает административную ответственность за нарушение законодательно установленного порядка сбора, хранения, использования или разглашения персональных сведений о гражданах [5, с. 830].

Тем не менее, для решения существующих пробелов в законодательстве, предлагается выделить право на неприкосновенность частной жизни из всех личных прав и урегулировать соответствующим федеральным законом, установить в нем исчерпывающий перечень случаев прямого ограничения вышеупомянутых прав в соответствии с конституционными основаниями и решениями Европейского Суда по правам человека; закрепить во всех законах, касающихся сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни, дополнительные механизмы охраны и защиты прав; определить механизмы установления ответственности должностных лиц и журналистов, превысивших свои полномочия. Закрепление принципа неприкосновенности частной жизни в качестве самостоятельного принципа уголовного процесса способствовало бы более четкому определению оснований и условий ограничения данного права в рамках уголовного судопроизводства. Учитывая, что целостной системы юридических гарантий судебной защиты прав, свобод и законных интересов граждан в отношениях с властью пока не создано, то в связи с этим реализовать и защитить это конституционное право сегодня видится весьма трудным.

Библиографический список

1. Ковалев, А. А. Международная защита прав человека : учеб. пособие / А. А. Ковалев. – М. : Статут, 2013. – 591 с.

2. Авсеенко, В. И. Конституционное право России / В. И. Авсеенко, А. С. Прудникова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 767 с.

3. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. – 6-е изд., изм. и доп. – М. : Норма, 2007. – 784 с.

4. Козлова, Е. И. Конституционное право России : учеб. для вузов / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрист, 2014. – 480 с.

5. Абашидзе, А. Х. Международная и внутригосударственная защита прав человека : учебник / А. Х. Абашидзе, З. Г. Алиев, К. Ф. Амиров и др. ; под ред. Р. М. Валеева. – М. : Статут, 2011. – 830 с.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГРАЖДАН НА ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Н. С. Чегина

*студентка юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А. В. Александрова),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Раскрываются принципы реализации и способы возможного решения проблем права граждан на образования. Рассматриваются различные подходы к определению понятия «право на образование». Исследуются гарантии права граждан на образование.

Ключевые слова: образование, право на образование, проблема реализации, образовательные учреждения, право, гарантия.

Развитие страны тесно связано с образованием, которое, в свою очередь, является неотъемлемой частью жизнедеятельности общества. Если обратиться к истории нашей страны, то нужно отметить, что возникновение права на образование в Российской Федерации зависит от нескольких факторов. А именно: от региона, в котором это право сформировалось, от временного периода и т.д. С учетом этих факторов и в разные периоды времени сформировывались и разные представления о праве всех граждан на образование, а также их особенностей и возможных способов реализации.

Российский законодатель не дает точного понятия «право на образование». Отсутствует единый термин обозначения права на образование. Это приводит к множественности подходов его опре-

деления. Так, А. Ф. Ноздрачев понимает под правом на образование «право человека на получение определенной суммы знаний, культурных навыков, профессиональной ориентации, необходимых для нормальной жизнедеятельности в условиях современного общества» [6, с. 57–60].

Согласно ст. 43 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на образование [1, ст. 4398]. Под «образованием» законодатель понимает процесс Развития и саморазвития человека, как личности, связанный с овладением человечества, воплощенном в знаниях и умениях, которые он приобретет. Право на образование имеет абсолютно любой человек, независимо от национальности и языка, религии и происхождения, места жительства и расы, возраста и состояния здоровья, социального и имущественного положения и т.д. В ст. 2 Закона РФ от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании» образование представляет собой единый целенаправленный процесс обучения и воспитания.[2, с. 12]. Государство также оказывает содействие в подготовке специалистов для реализации права на образование на родном языке. Формируются особые классы и группы с определенным уклоном в области освоения языков народов Российской Федерации и иностранных языков.

Особую группу составляют инвалиды, лица с физическими отклонениями. Российская Федерация реализует всеми возможными способами получение образования детям инвалидам разных групп, с физическими или умственными отклонениями. Глухонемые и слабовидящие люди, благодаря государственной поддержке, на равне со всеми обладают правом на образование. Установление пандуса в образовательных учреждениях различного уровня, создание специализированных общеобразовательных школ-интернатов, пансионатов для слабовидящих, глухих и глухонемых людей, а также дистанционное образование. Оно является одной из главных проблем реализации прав граждан на образование, т.к. отличается от привычного для нас образования целями и задачами организации учебного процесса, способами, методикой образовательных программ и т.д.

В ст. 2 Протокола № 1 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1952) говорится, что никому не может быть отказано в праве на образование. Другими словами, если государство или конкретное образовательное учреждение закрывает доступ какого-либо лица или группы лиц к образованию, это будет трактоваться как дискриминация, которая признается недопустимой.

Конвенция о правах ребенка закрепила некоторые положения: начальное образование должно быть обязательным, профессиональное и техническое – доступным, высшее должно быть одинаково доступным для каждого гражданина на основе способностей каждого. Второе и последующее высшее образование можно получить как в государственном, так и в частном образовательном учреждении на платной основе. Это значит, что образовательные учреждения должны быть доступными независимо от региона и местности. Гражданам гарантируется бюджетное место в высшем образовательном учреждении по результатам конкурса. Конституционное право на получение бесплатного образования может найти свое выражение в следующем: право на получение стипендии и иные формы материальной поддержки; право на бесплатное пользование библиотеками и информационными фондами; право на бесплатное пользование инфраструктурой высших учебных заведений; право на обеспечение жилой площадью в общежитии бесплатно или за минимальную плату и т.п. В связи с выше изложенным на государство возложены обязанности по обеспечению доступного среднего, общего и профессионального образования на бесплатной основе, принимать меры к регулярному посещению школ детьми, контролировать снижение численности детей, покидающих школы [5, с. 27–30].

Некоторые авторы считают, что на современном этапе российская система образования стабильно держит свой уровень и способна конкурировать с международными системами. Так, создаются дошкольные академии, при высших образовательных учреждениях образуются школы и лицеи. Система Единого Государственного Экзамена прочно закрепила свои позиции в Российской Федерации, что значительно облегчает процедуру поступления в ВУЗы, хотя и этот аспект является спорным.

Главной проблемой в Российской Федерации на современном этапе развития страны является вытеснение бесплатного обучения, так как в условиях нестабильной экономической обстановки в стране большая часть населения не в силах оплачивать обучение полностью или в части. Государством не предусмотрено выделение средств из государственного бюджета в виде финансовой поддержки для нужд образования.

Таким образом, российская система образования построена на принципах бесплатности, общедоступности и обязательности и действует на основе ФЗ «Об образовании». Однако существуют некоторые проблемы в реализации этих принципов, которые ча-

стично решаются с помощью реформирования государственной политики в образовательной сфере.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 // Российская газета. – 2012. – 31 декабря. – № 303.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и реализация ее требований в УИС Российской Федерации через решения Европейского Суда по правам человека (утв. ФСИН РФ). – URL: <http://www.alppr.ru> (дата обращения: 10.04.2018).
4. Сборник международных договоров СССР : Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989, выпуск XLVI, 1993 : [одобр. Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989; вступ. в силу для СССР 15.09.1990]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.04.2018).
5. Кияткина, М. М. Проблема реализации конституционного права граждан Российской Федерации / М. М. Кияткина // Санкт-Петербургский образовательный вестник. – 2016. – № 3. – С. 27–30.
6. Плотникова А. А. Конституционное право граждан на образование / А. А. Плотникова, Н. И. Петренко // Марийский юридический вестник. – 2015. – № 1. – С. 57–60.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ, ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, ПОЧТОВЫХ, ТЕЛЕГРАФНЫХ И ИНЫХ СООБЩЕНИЙ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛЕЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Д. Д. Щеглова

*студентка юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А. В. Александрова),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Рассматриваются гарантии, которые обеспечивает государство по сохранности тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, в частности, нормативно-правовые акты, регламентирующие отношения в данной сфере.

Кроме того, освещаются проблемные вопросы, связанные с осуществлением конституционного права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в современных условиях.

Ключевые слова: конституция, тайна, право, телефонные переговоры, сообщения, интернет сообщения.

На современном этапе развития информационного общества наибольшую актуальность приобретает проблема обеспечения информационной безопасности личности. С увеличением числа пользователей социальных сетей, абонентов мобильной связи как никогда остро встал вопрос о неприкосновенности тайны связи. Учащается взлом интернет-страниц, содержащих конфиденциальные (личные) данные, которые зачастую включают в себя и переписку с другими лицами. Однако если говорить о бумажных носителях, которые когда-то считались гарантом безопасности данных, на сегодняшний день, они так же являются незащищенными. При этом на законодательном уровне каждому человеку предоставляется право на тайну переписки и сообщений.

В соответствии с ч. 2 ст. 23 Конституции РФ: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения» [1]. Кроме этого, гарантии тайны связи в нашей стране также закреплены: в ст. 15 Федерального закона «О почтовой связи» [7], , в ст. 63 Федерального закона «О связи» [8], в ст. 8 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [9], а также в ряде других нормативно правовых актах.

Так, в ФЗ «О связи» закреплена обязанность операторов связи по обеспечению соблюдения тайны связи. Информация о почтовых отправлениях и сообщениях, передаваемых по сетям электрической связи, а равно сами эти отправления и сообщения могут выдаваться исключительно отправителям и адресатам либо их законным представителям. Действия, направленные на прослушивание телефонных переговоров, задержка, осмотр и выемка почтовых отправлений и документальной корреспонденции, ознакомление с сообщениями электросвязи, а также иные ограничения тайны связи допускаются лишь в соответствии с судебными решениями [8].

Защита права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений возможна в рамках

уголовного, уголовно-процессуального, гражданского, гражданско-процессуального, административного и информационного отраслей права. В частности, в рамках информационного и административного права защита прав и законных интересов граждан, которые нарушены путем разглашения сведений, составляющих рассматриваемую тайну, осуществляется посредством подачи жалобы.

Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений является личным субъективным правом человека. В основе этого права находится важнейшее благо – личная жизнь каждого человека, как физическая, так и духовная сфера, которую человек контролирует самостоятельно, и неприкосновенность которой должна быть защищена от незаконных посягательств со стороны государства и иных лиц [2, с. 146].

Однако существует ряд обстоятельств, препятствующих практике применения положения ст. 138 УК РФ, среди которых можно выделить, отсутствие правового регулирования использования электронных почтовых ящиков, недостаточный опыт судебной практики в указанной сфере и недостаточная квалификация сотрудников правоохранительных органов в области функционирования систем электронного общения. Для однозначного толкования действий, направленных на нарушение тайны электронной переписки, необходимо разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в котором бы официально закреплялось положение, о том, что электронные сообщения считать иными сообщениями. Таким образом, возможность вольного трактования действий злоумышленников была бы минимизирована [3, с. 272].

Также, нельзя оставить без внимания изменения, происходящие в законодательстве, касающиеся противодействия терроризму. Речь идет о, Федеральном законе от 6 июля 2016 года № 374-ФЗ, которым был внесен ряд поправок в закон «О противодействии терроризму», имеющих своей целью обеспечение безопасности от терроризма в государстве. Так, операторы связи и интернет-компании обязаны хранить текстовые сообщения, голосовую информацию, изображения, звуки, видео, иные электронные сообщения пользователей в срок до шести месяцев. Помимо этого, операторы связи хранить информацию о фактах приема, передачи, доставки сообщений и звонков в течение трех лет, интернет компании – в течение года и предоставлять эту информацию государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную дея-

тельность или обеспечение безопасности РФ, в случаях, установленных федеральными законами[4].

Несомненно, данный закон имеет важные цели и оправданные задачи - противодействие терроризму, но на лицо факт противоречия ст. 23 и ст. 24 Конституции РФ и ряду вышеупомянутых федеральных законов, так как государство обязывает операторов связи и интернет компании осуществлять сбор, хранение и возможное дальнейшее использование личной информации без согласия лица и без судебного решения. Кроме того, потенциальные террористы и наиболее активные экстремисты используют одноразовые сим-карты и при разговорах шифруют свои диалоги, ведя их на языке условностей, поэтому данные нормы не имеют смысла [5, с. 42].

Таким образом, право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений представляет собой сложную юридическую конструкцию, несущую важную смысловую нагрузку, роль которой не сводится только к гарантированию права на неприкосновенность частной жизни.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Козлов, Д. Е. Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений / Д. Е. Козлов // Актуальные вопросы юриспруденции и экономики. – Челябинск : Циперо. – 2017. – С. 145–151.

3. Митин, Е. В. Право на тайну сообщений, передаваемых по электронным почтовым ящикам: проблемы реализации / Е. В. Митин // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 9. – С. 271–273.

4. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : федер. закон № 374-ФЗ от 06. 06.2016 г. // Российская газета. – 2016. – 8 июля. – № 149.

5. Князев, Г. А. Некоторые проблемы реализации права тайны личных сообщений и телефонных переговоров (на примере пакета антитеррористических законов – «пакета Яровой») / Г. А. Князев // Конституционные права и свободы человека и гражданина в российской федерации: проблемы реализации и защиты : материалы межвуз. студ. кругл. стола (г. Иркутск, 24 ноября 2016 г.). – Иркутск, 2017. – С. 40–43.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 : [в ред. от 19.02.2018] // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

7. О почтовой связи : федер. закон № 176-ФЗ от 17.07.1999 : [в ред. от 06.07.2016] // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3697.

8. О связи : федер. закон № 126-ФЗ от 07.07.2003 : [в ред. от 05.12.2017] // Российская газета. – 2003. – 10 июля. – № 135.

9. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон № 144-ФЗ от 12.08.1995 : [в ред. от 06.07.2016] // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

Раздел II

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. С. Алихаджиева

*кандидат юридических наук, доцент,
Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина,
г. Саратов*

Аннотация. Действующее экологическое законодательство решает не все поставленные перед ним задачи. Главенствующая роль в вопросах обеспечения природного равновесия и национальной безопасности в экологической сфере принадлежит Основному закону Российской Федерации. Рассматривается экологическая безопасность как основа устойчивого развития в современной России.

Ключевые слова: государство, Конституция Российской Федерации, права человека, охрана окружающей среды, экологическая безопасность.

Причиной каждой четвертой смерти человека на Земле является загрязненная окружающая среда. По данным международной организации здравоохранения (ВОЗ), неблагоприятные факторы экологии становятся причиной возникновения более 100 самых опасных болезней мира, которые ежегодно убивают 12,6 млн человек. Все это составляет 23 % от всех случающихся в мире смертей. Две трети из них (820 млн) вызываются неконтактными болезнями, такими как рак, инсульты и болезни сердечно-сосудистой системы, количество которых существенно возросло за последние 10 лет [1].

Обеспечение качества окружающей среды – прямая обязанность государства. Здоровье нации и рациональность потребления природных ресурсов осуществляется на основе конституционных

принципов с целью достижения разумного баланса экономических и природоохранных интересов. Конференция, прошедшая в далёком 1972 году в Швеции заложила основу для конституционных положений стран мира, заявив о стратегических целях и направлениях действий мирового сообщества в области охраны окружающей среды. Она ознаменовала начало важнейшего этапа в экологической политике государств и международных сообществ [4]. Первый принцип Стокгольмской конференции гласит: «человек имеет основное право на свободу, равенство и адекватные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет жить в достоинстве и благополучии». За государствами была признана обязанность сохранять и улучшать окружающую природную среду. В конституциях, принятых после Стокгольмской конференции, появились соответствующие статьи об экологических правах граждан и обязанностях правительств, так называемые экологические или «зеленые» статьи. Экологические проблемы России мало чем отличаются от проблем других стран и государств. Возникают они везде и, как правило, в связи с интенсивным и нарастающим влиянием человека на природу. Конституция Российской Федерации является отправной точкой в формировании правовой базы регулирования отношений по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности, по природопользованию [2]. Основные положения закона указывают на экологические стратегии государства и целесообразность укрепления экологического правопорядка. Эффективная политика в области охраны и защиты окружающей среды способна улучшить показатели снижения уровней загрязнения природных объектов, уровня жизни населения, а также способствовать повышению экологической грамотности и правосознания граждан для дальнейшего вовлечения их в создание экологически развитого государства. Наша страна позиционирует себя, как государство правовое, а значит в приоритете соблюдение экологических прав и свобод граждан. Глава 2 Основного закона Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина», по нашему мнению, содержит идентичные по смыслу понятия «право на жизнь» (ст. 20) и «право на жизнь в здоровой в экологическом смысле окружающей среде» (ст. 42). С точки зрения экологической безопасности статьи Основного закона РФ также посвящены экологическим правам и обязанностям граждан, а равно насущным экологическим проблемам и общим задачам, стоящим перед руководством страны и непосредственно Президентом

РФ в направлении улучшения экологической деятельности. Действительно, вопрос об эффективности реализации конституционных норм охраны окружающей среды и обеспечения устойчивого развития в наши дни приобрел особую актуальность, ведь будучи страной с активной промышленной инфраструктурой, переживающей экологические кризис важно создать все условия для защиты здоровья населения. Конституционные положения не должны быть только прописными правилами, когда речь идет о таких серьезных проблемах, как смертность населения по экологическому фактору, заболеваемость и снижение продолжительности жизни, младенческая смертность и прочее. Президент РФ все чаще обращает внимание на экологическую проблематику, говорит о необходимости совершенствования государственной экологической функции, предусмотренной в первую очередь в Основном законе страны. Так, в своем ежегодном Послании глава отметил, что «для сбережения здоровья людей усилий только лишь медицины будет недостаточно. На всей территории России мы должны обеспечить высокие стандарты экологического благополучия. Трудно говорить о долгой и здоровой жизни, если до сих пор миллионы людей вынуждены пить воду, которая не соответствует нормам, если выпадает черный снег, как в Красноярске, а жители крупных промышленных центров из-за смога неделями не видят солнца, как в Череповце, Нижнем Тагиле, Челябинске, Новокузнецке и некоторых других городах. С 2019 года на экологичные, наилучшие доступные технологии должны перейти 300 промышленных предприятий, оказывающих значительное негативное воздействие на окружающую среду, а с 2021 года это должны сделать все предприятия с высокой категорией риска для окружающей среды» [3]. Практическая реализация изменений природоохранного законодательства, которые российские парламентарии рассматривали в Год Экологии продолжиться и в нынешнем 2018 году.

Вопросы экологической политики государства, законодательства об охране окружающей среды нашли отражение в статьях Конституции о разграничении полномочий федерации и ее субъектов: к ведению федерации отнесено установление основ федеральной политики и федеральные программы в области экологического развития, к совместным полномочиям — законодательство об охране окружающей среды. На Правительство Российской Федерации возложено обеспечение единой политики в области экологии (ч. 1. ст. 114). Так, Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» определяет правовые основы гос-

ударственной политики в области охраны окружающей среды, обеспечивающие сбалансированное решение социально-экономических задач, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешних и будущих поколений, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности [5]. Как отмечалось ранее, головной природоохранный закон страны в текущем году претерпит множество поправок, речь идет об ужесточении порядка проведения экологического надзора, развитии интернет-технологий, переводе основного массива информации в электронную среду, максимальной открытости и общедоступности сведений об экологической деятельности предприятий, ужесточении норм и требований для предприятий в модернизации очистного оборудования и прочее. Данные поправки планируется внести с целью сокращения антропогенного воздействия на окружающую среду, это сознательный шаг российского государства на пути обеспечения конституционных экологических прав граждан и устойчивости экосистем. Подобные меры должны улучшить правовое регулирование в сфере экологии и облегчить нагрузку на хозяйствующие субъекты. На международном уровне они демонстрируют желание России соответствовать европейским экологическим стандартам.

Таким образом, экологическая ситуация в России требует скорейшего разрешения. Целью политики устойчивого развития современной России является достижение баланса экономических и экологических интересов нынешнего и будущего поколений, активизация международного сотрудничества по вопросам экологии, реализации программ и мероприятий по обеспечению экологического развития, зелёная экономика и продвинутые энергосберегающие технологии. Конституция Российской Федерации, как главнейший источник призвана гарантированно защитить каждого от негативного воздействия окружающей среды, одновременно удовлетворив экономические нужды в природных ресурсах и соответствуя международным природоохранным требованиям. Хочется верить, что, закрепляя основополагающие нормы в сфере природоохраны и природопользования, Конституция России не только признает значимость вопросов охраны окружающей среды, как одной из наиболее важных сфер жизнедеятельности человека, придавая в сложившихся неблагоприятных условиях им высшую юридическую силу, но и способна в будущем нести ответственность за реализацию своих ключевых положений.

Библиографический список

1. Из-за плохой экологии ежегодно умирает 12,6 млн человек – четверть от всех смертей в мире. – URL: <https://ecotechnica.com.ua/ekologiya/902-iz-za-plokhoy-ekologii-ezhegodno-umiraet-12-6-mln-chelovek-chetvert-ot-vsekh-smertej-v-mire.html> (дата обращения: 07.04.2018).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 1 ; 2009. – № 1. – Ст. 2 ; 2014. – № 6. – Ст. 548 ; 2014. – № 30. – Ст. 4202.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 // Российская газета. – 2018. – 2 марта. – № 46.
4. Стокгольмская конференция ООН по проблемам окружающей среды 1972 года. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901880141> (дата обращения: 07.04.2018).
5. Об охране окружающей среды : федер. закон № 7-ФЗ от 10.01.2002 : [в ред. от 31.12.2017] // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133 ; 2018. – № 1. – Ст. 87.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НОВЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Н. С. Барановский

*магистрант факультета магистратуры и аспирантуры,
(научный руководитель: к.п.н., доцент С. Г. Сергеев),
Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина,
г. Саратов*

Аннотация. Раскрываются проблемы правового регулирования новых избирательных технологий. Приводятся некоторые новые избирательные технологии и их место в российском праве, а также рассматриваются цели правового регулирования избирательных технологий. Представлены некоторые пути решения проблем правового регулирования избирательных технологий.

Ключевые слова: правовое регулирование, избирательные технологии, кандидат, электорат, законодатель.

Основной принцип любой избирательной технологии заключается в эффективном воздействии через кандидата, кандидатов или списка кандидатов на электорат. Избирательные технологии направлены на изучение различных особенностей электората и методов воздействия на него, выявление тенденций политического

рынка и прогнозирование предвыборной кампании. На данный момент существует целый ряд избирательных технологий, связанных с созданием и повышением имиджа кандидата, сбором и оценкой информации, разработкой стратегии избирательной кампании и т.д. В контексте российской права, избирательные технологии достаточно новое и малоизученное явление, не имеющее конкретного понимания.

Тем не менее, в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» изложен ряд положений, обеспечивающий равенство кандидатов и гласность выборов. Конкретное правовое регулирование избирательных технологий описано в главе о гарантии прав граждан на получение и распространение информации о выборах и референдумах [1]. Эта глава регулирует предвыборную агитацию кандидатов и учитывает такие методы воздействия на избирателей, как участие на телевидении и радио, составление печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов, а так же проведение публичных мероприятий. С точки зрения законодателя, правовое регулирования избирательных технологий обеспечивает такие цели, как формирование и применение в избирательных кампаниях средств и методов воздействия на электорат, не нарушающий свободное волеизъявление на выборах и обеспечение равных условий для всех участников предвыборной гонки.

Как мы видим, в представленном законодательстве кроется явный пробел, который позволяет кандидатам эффективно и без каких-либо ограничений заниматься агитационной деятельностью с помощью самого популярного, на данный момент, ресурса, а именно – сети Интернет. Отсутствие правового регулирования такого важного рычага воздействия на электорат подрывает основные принципы Федерального закона и требует скорейшего вмешательства законодателя. Опыт зарубежных избирательных кампаний показывает, что Интернет играет ключевую роль в успешной агитационной деятельности кандидата. В России, современная предвыборная агитация так же очень зависима от этого ресурса и кандидаты вынуждены вкладывать денежные ресурсы для создания предвыборных сайтов или интернет-рекламы. Основные направления использования интернет-технологий для эффективной избирательной кампании заключаются в следующем:

- Ведение блогов;
- Создание и ведение социальных сетей;
- Разработка вирусных видео-технологий;
- Финансовая поддержка кандидата через Интернет;

– Мобильный маркетинг [2, с. 51].

Как мы видим, у кандидата открывается огромное пространство для агитационной деятельности, подкрепляемое отсутствием контроля со стороны государства. Необходимо проработать законодательство в данной сфере, чтобы добиться равенства кандидатов. Контроль за соблюдением честной предвыборной гонки в сети Интернет должен лечь на Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. При разработке законодательства, необходимо исключить возможность кандидатов пользоваться сторонними Интернет-ресурсами, кроме собственного предвыборного сайта на котором кандидат будет вправе вести агитацию среди избирателей.

Кроме того, в нынешнем законодательстве отсутствует понятие «избирательные технологии» и их классификация. В рамках правового регулирования избирательные технологии могут быть правомерными и неправомерными, однако, в законодательстве об этом не сказано, закон рассматривает любые избирательные технологии как разновидность предвыборной агитации.

В российской юриспруденции этот вопрос только начал рассматриваться, однако, учёные уже приводят некоторые основания для классификации избирательных технологий, например, такие как:

- Тип коммуникационного воздействия
- Стадии избирательного процесса;
- Направленность воздействия;
- Средства избирательных технологий;
- Масштаб воздействия;
- Источник воздействия;
- Правовой характер [3, с. 144].

При большом выборе различных избирательных технологий, законодательство просто не способно регулировать каждый метод, при этом формально закрепить какой-либо способ воздействия на избирателей невозможно, ввиду, опять же, огромного количества этих способов. Помимо этого, законодатель сталкивается с проблемой ограничения некоторых методов в избирательных технологиях, препятствующих честной и равной предвыборной борьбе. Например, невозможно доказать использование подставных кандидатов или ограничить финансирование избирательной кампании.

Новые избирательные технологии также не могут иметь правовое регулирование, они лишь подстраиваются под существующее законодательство. Кроме того, из-за отсутствия классификации избирательных технологий, сложно оценить правомерность того или иного метода воздействия на избирателей.

Одной из новых избирательных технологий является так называемый политический маркетинг, суть которого состоит в рассмотрении кандидата и электорат как товара и покупателя. Маркетинговые исследования в политики изучают взаимодействие кандидата и избирателей с целью управления этим взаимодействием.

В соотношении кандидата и электората необходимо иметь полное представление об обоих субъектах, прежде всего, об избирателях. Такая информация включает в себя:

- Социальный портрет избирателей: а) социально-демографические показатели; б) социально-культурные показатели; в) географическое положение; г) социально-экономические показатели
- Отношение избирателей к кандидату
- Социальный механизм поведения электората

Политический маркетинг как избирательная технология даёт возможность целенаправленно и корректно выявить интересы и мотивацию выбора определённого кандидата, а так же своевременно установить востребованность в том или ином кандидате, которого желает видеть избиратель [4, с. 137].

На этом примере мы видим, что большинство избирательных технологий представляют собой определённые стратегии по взаимодействию на электорат и не могут регулироваться законодательно. Законодатель может лишь выявить и по возможности ликвидировать некоторые, наиболее часто используемые избирательные технологии, которые нарушают основные принципы Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», такие как равенство кандидатов и гласности выборов.

К таким избирательным технологиям следует отнести методы кодирования и программирования, действие которых лишают человека способности с осознанному поведению. Ряд этих технологий достаточно широко изучен в рамках психологии, поэтому можно исключить проблему их идентификации. Список запрещённых избирательных технологий следует сделать закрытым и исчерпывающим, это позволит исключить любое возможное злоупотребление со стороны государственных органов.

Таким образом, правовое регулирование избирательных технологий должно совершенствоваться путём проработки законодательства, регламентирующего гарантии прав граждан на получение и распространение информации о выборах. Большинство избирательных технологий не предусмотрено законом и не может

регулироваться законодательно, однако, необходимо выявить и устранить те избирательные технологии, которые нарушают избирательных процесс и способствуют неравной предвыборной борьбе.

Библиографический список

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон № 67-ФЗ от 12.06.2002 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 7. – Ст. 961.
2. Быков, И. А. Интернет-технологии в избирательной кампании Барака Обамы / И. А. Быков // Вестник Пермского университета. Сер.: Политология. – 2010. – №1. – С. 48–58.
3. Купцов, О. П. Виды избирательных технологий с точки зрения юриспруденции / О. П. Купцов // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – №1. – С. 144–146.
4. Мальцева, Л. П. Об использовании новых технологий как условии управления избирательными процессами / Л. П. Мальцева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 1. – С. 137–138.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. В. Безруков

*старший преподаватель,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Н. А. Живодрова

*кандидат юридических наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

О. В. Безрукова

*кандидат юридических наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Уделяется внимание правовому регулированию государственных символов Министерства внутренних дел Российской Фе-

дерации, а именно: флагу Министерства внутренних дел РФ; знамени Министерства внутренних дел РФ, знамени территориальных органов Министерства внутренних дел РФ на окружном, межрегиональном и региональном уровнях; знамени образовательных организаций системы Министерства внутренних дел РФ.

Ключевые слова: геральдическое обеспечение, Министерство внутренних дел РФ, флаг, знамя.

Геральдическое обеспечение МВД России представляет собой комплекс мероприятий, направленных на формирование единой системы геральдических знаков для обозначения ведомственной и служебно-функциональной принадлежности к системе МВД РФ. Сама процедура создания единой системы геральдического обеспечения в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации регулируется Приказом МВД РФ № 640 «Об организации геральдического обеспечения в системе МВД России» [1]. К подобного рода мероприятиям по формированию системы геральдических символов в первую очередь следует относить: разработку/регистрацию геральдических знаков, а также определение порядка их использования; разработку/утверждение эскизов сувенирной продукции с изображением геральдических знаков МВД России; пропаганду геральдических знаков МВД России, лучших традиций отечественной геральдики; разработку предложений по размещению изображений геральдических знаков на изделиях, образцах и предметах вооружения, ведомственных транспортных средствах, имуществе, печатной, информационной, рекламной и сувенирной продукции; разработку предложений по введению изменений формы одежды и знаков различия сотрудников органов внутренних дел РФ и военнослужащих внутренних войск МВД России; создание и развитие материально-технической базы геральдического обеспечения.

Основные направления геральдического обеспечения в системе МВД России определяются Геральдическим советом МВД РФ. Задачами данного внештатного органа являются:

- координация действий по созданию/разработке/подготовке к утверждению/учреждению геральдических знаков в системе МВД России;
- выработка централизованной системы, определяющей порядок утверждения/учреждения/учета поступающих геральдических знаков, осуществления практической работы по подготовке их к использованию;

- организация проведения мероприятий по геральдическому обеспечению в системе МВД России;
- рассмотрение предложений по размещению геральдических знаков на изделиях, образцах и предметах вооружения, ведомственных транспортных средствах, имуществе, печатной, информационной продукции;
- координация работы структурных подразделений в системе МВД России по геральдическому обеспечению;
- разработка и создание системы геральдических знаков системы МВД России;
- регистрация и учет в Геральдическом регистре МВД РФ графических изображений геральдических знаков, а также актов об их утверждении/учреждении;
- координация действий по разработке, утверждению/учреждению и использованию геральдических знаков системы МВД России.

Указом Президента РФ от 12.07.2012 № 983 [2] учреждена система символов Министерства внутренних дел РФ. Цель – это упорядочение официальных символов федеральных органов исполнительной власти, сохранение и развитие исторических традиций органов внутренних дел Российской Федерации, повышение ответственности сотрудников органов внутренних дел РФ за выполнение служебного долга.

Система символов МВД РФ включает в себя:

- флаг Министерства внутренних дел РФ;
- знамя Министерства внутренних дел РФ;
- знамена территориальных органов Министерства внутренних дел РФ на окружном уровне;
- знамена территориальных органов Министерства внутренних дел РФ на межрегиональном уровне (оперативных бюро Министерства внутренних дел РФ, центров специального назначения Министерства внутренних дел РФ, Восточно-Сибирского и Забайкальского линейных управлений Министерства внутренних дел РФ на транспорте);
- знамена территориальных органов Министерства внутренних дел РФ на региональном уровне;
- знамена образовательных организаций системы Министерства внутренних дел РФ.

Правовой основой каждого из обозначенных символов выступают Положения, утвержденные Указом Президента РФ от 12.07.2012 № 983.

Так, согласно Положению о флаге Министерства внутренних дел РФ флаг является официальным символом, который указывает на принадлежность к Министерству внутренних дел Российской Федерации.

В законодательном акте урегулирован порядок установления/использования официального символа. В частности, он может быть установлен:

- в рабочих кабинетах Министра внутренних дел РФ;
- в рабочих кабинетах заместителей Министра внутренних дел РФ;
- в рабочих кабинетах других должностных лиц МВД России, определяемых Министром внутренних дел РФ;
- в зале коллегии МВД России;
- в местах официальных церемоний и торжественных мероприятий, проводимых МВД России (только по решению Министра внутренних дел РФ).

Использование официального символа допустимо:

- в дни государственных праздников Российской Федерации (по решению Министра внутренних дел РФ может подниматься на зданиях, принадлежащих МВД России);
- в дни траура флаг приспускается до половины высоты мачты (флагштока). При размещении флага на древке траурные ленты прикрепляются к древку;
- при одновременном использовании Государственного флага Российской Федерации и флага МВД России (последний располагается с правой стороны, если стоять к ним лицом).

Использование изображения флага возможно:

- на печатной, рекламно-информационной и сувенирной продукции, издаваемой (изготавливаемой) по заказу МВД России;
- на кино-, видео- и фотоматериалах, выпускаемых МВД России;
- в иных случаях, только с одобрения Министра внутренних дел РФ.

Сам флаг представляет собой «... темно-синее прямоугольное полотнище с Государственным флагом РФ в крыже. В правой половине полотнища располагается геральдический знак – эмбле-

ма органов внутренних дел РФ. Отношение ширины флага к его длине – один к полутора. Отношение площади крыжа к площади флага – один к четырем. Отношение ширины эмблемы к ширине флага – два к трем....» [2].

Согласно Положению о знамени МВД РФ такие знаки отличия, как знамя Министерства внутренних дел РФ, знамена территориальных органов Министерства внутренних дел РФ на окружном уровне, территориальных органов Министерства внутренних дел РФ на межрегиональном уровне, территориальных органов Министерства внутренних дел РФ на региональном уровне, образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации являются их официальными символами и реликвиями.

Описание Знамени МВД России выглядит следующим образом: «.... оно состоит из двустороннего полотнища, древка, навершия, скобы, подтока и знаменных гвоздей. Полотнище знамени МВД России прямоугольное, темно-синего цвета, с каймой крапчатого цвета. Полотнище и кайма обшиты золотистой тесьмой. По темно-синей рамке проходит золотистый плетеный орнамент, вдоль краев полотнища симметрично расположены 12 декоративных золотых восьмилучевых звезд. На лицевой стороне полотнища знамени МВД России, в центре, – главная фигура Государственного герба Российской Федерации: золотой двуглавый орел, поднявший вверх распушенные крылья. Орел увенчан двумя малыми коронами и – над ними – одной большой короной, соединенными лентой.....» [2].

Порядок использования четко регламентирован. В частности:

1. Знамя МВД России вручается Президентом РФ в торжественной обстановке.

2. Накануне дня, назначенного для вручения знамени МВД России, проводится церемония прибавки полотнища знамени МВД России к древку в порядке, установленном Министром внутренних дел РФ по согласованию с Геральдическим советом при Президенте РФ.

3. Порядок вручения знамен определяется Министром внутренних дел РФ.

4. При вручении знамени МВД России и знамен выдаются грамоты Президента РФ к знамени МВД России и знаменам. Рисунки и описания бланков грамот Президента РФ к знамени МВД

России и знаменам утверждаются МВД РФ по согласованию с Геральдическим советом при Президенте РФ.

5. Порядок хранения/содержания/использования знамени МВД России и знамен определяется Министром внутренних дел РФ.

6. Изменения наименований МВД РФ, территориальных органов МВД РФ на окружном уровне, территориальных органов МВД РФ на межрегиональном уровне (оперативных бюро МВД РФ, центров специального назначения МВД РФ, Восточно-Сибирского и Забайкальского линейных управлений МВД РФ на транспорте), территориальных органов МВД РФ на региональном уровне, образовательных организаций системы МВД РФ заносятся в грамоты Президента РФ к знамени МВД России, знаменам и наносятся на знаменные скобы в порядке, определяемом Министром внутренних дел РФ.

Выше приведенное свидетельствует о том, что, геральдическое обеспечение МВД РФ выполняют свое функциональное назначение. С одной стороны, система геральдических символов МВД РФ, являясь опознавательными знаками федеральных структур, обозначает принадлежность к тому или иному министерству, с другой – указывает на профессиональный профиль его служащих.

Библиографический список

1. Об организации геральдического обеспечения в системе МВД России : приказ МВД России № 640 от 27.06.2012. – URL: <https://мвд.рф/mvd/documents/> (дата обращения: 17.03.2018).

2. Об учреждении флага и знамени Министерства внутренних дел Российской Федерации, знамен отдельных территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента РФ № 983 от 12.07.2012 : [в ред. от 21.12.2016] (вместе с «Положением о флаге Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Положением о знамени Министерства внутренних дел Российской Федерации, знаменах отдельных территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации») // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 29. – Ст. 4078.

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: К ВОПРОСАМ ПРИМЕНЕНИЯ

А. Л. Гусева

*кандидат юридических наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

В. А. Данилова

*кандидат юридических наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Рассматриваются вопросы, посвященные определению сущности такого конституционно-правового института, как федеральная интервенция. Особое внимание уделяется анализу законодательства РФ, закрепляющего применение федерального вмешательства в дела субъектов федерации. Авторы анализируют цели и направления деятельности Президента России, использующего процедуры прямого президентского правления на территории государства, что является актуальным в свете последних изменений законодательства и требует изучения.

Ключевые слова: федеральное вмешательство, федеральная интервенция, защита прав и свобод, субъекты РФ, гарантии независимости и самостоятельности.

Институт федеральной интервенции в теории и практике российского конституционализма, представляет собой важнейший инструмент защиты таких конституционных принципов федерализма, как государственная целостность, единство системы государственной власти, равноправие субъектов федерации, равноправие народов. И нисколько, на наш взгляд, не умаляет принципы независимости, равноправия и самоопределения в установленной компетенции субъектов федерации.

Напротив, не вызывает ни малейшего сомнения тот факт, что федеральная интервенция, как вмешательство центра в дела субъекта федерации в установленном федеральной конституцией или законом порядке, в случае нарушения властью субъекта положений федеральной конституции, федеральных законов, неподчинения законным требованиям федерального правительства, нарушений прав человека, серьёзных беспорядков, возникновения угрозы основам конституционного строя государства, его целостности, за-

держки налоговых и других платежей, является чрезвычайно важным и сложным институтом для рассмотрения.

Ее сущность, происходящие процессы развития и изменения федеративных отношений, последствия, оказывающие влияние на судьбы, как отдельных людей, так и всего общества, обуславливают более чем оправданное и очевидное обращение к поставленному вопросу.

Более того, соглашаясь с авторитетным мнением А. Д. Керимова, необходимо заметить, что в последние годы во многих, если не в большинстве стран мира, как в научном, так и в массовом сознании постепенно укореняется твердое понимание необходимости создания сильного и мощного государства [6, с. 5]. И данное построение, как нам представляется, сегодня невозможно без использования инструментов сильной и легитимной федеральной власти.

Данный тезис, абсолютно актуален, в условиях современной эпохи, когда назрела необходимость существования эффективных мер по обеспечению государственного единства РФ, однако, данные меры нуждаются в детальной правовой регламентации.

Вопросы сущности понятий федеральной интервенции и сильного государства являются для нас непосредственно взаимосвязанными и интегрирующими.

Во-первых, федеральная интервенция один из важнейших инструментов механизма сильного государства. Он известен во многих федеративных странах. В частности, в Индии он определяется в названии, как «президентское правление», в Германии «федеральное принуждение», в Бразилии «федеральная интервенция», «федеральное принуждение» и т.д.

При сравнительном анализе конституционно закрепленных положений о федеральной интервенции, следует признать, что в законодательстве РФ разработка данного института является весьма слабой. Приходится констатировать, что в российской Конституции 1993 г. практически нет упоминаний об институте федерального вмешательства. При этом анализ конституционного законодательства позволяет сказать, что оно содержит меры воздействия центра на составные части – субъекты федерации. Безусловно, в первую очередь, это нормы Основного закона.

Вполне справедливо и оправдано можно отметить, существование в РФ возможности введения прямого президентского правления, заложенной в тексте Конституции. Подчеркнем п. 2 ст. 80 Конституции РФ, где сказано «Президент в установленном Конституцией порядке принимает меры по охране суверенитета Рос-

сийской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти». Примером применения данной меры федерального воздействия может служить Указ Президента РФ «Об организации системы органов исполнительной власти в чеченской республике» от 8 июня 2000 года № 1071. Этот Указ установил следующее: Глава Администрации Чеченской республики назначается и освобождается от должности Президентом РФ, подотчетен и подконтролен только Президенту РФ, формирует органы исполнительной власти Чеченской Республики, администрации районов и населенных пунктов Республики и иные полномочия.

Также действующим законодательством, в частности, Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [3] предусмотрены две меры федерального вмешательства – роспуск законодательного (представительного) органа государственной власти и отрешение от должности высшего должностного лица субъекта РФ.

Во-вторых, мы исходим из позиции того, что применение федеральной интервенции не является негативной стороной развития федеративных отношений, а представляет собой вполне аргументированное право центра вмешиваться в дела субъекта федерации в целях обеспечения единства территории, государственной целостности, единства правового поля и т.д.

Однако случаи, когда центральная власть имеет право на федеральное вмешательство, различны по содержанию и правовым последствиям. В частности, к первой группе обстоятельств, введения режима чрезвычайного положения, относятся действия федеральной власти, направленные на защиту основ конституционного строя РФ, обеспечение территориальной целостности и единства государства, пресечения сепаратистских тенденций. Конечно же, в данном случае институт чрезвычайного положения является одним из механизмов федерального вмешательства.

Вторая группа обстоятельств, дающих право федеральной власти на введение чрезвычайного положения, включает в себя чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, требующие проведения масштабных аварийно-спасательных работ. Таким образом, законодатель определил два самостоятельных правовых режима, объединенных в один институт чрезвычайного положения.

Заметим, что в данном случае, авторы обращают внимание на характеристику особой роли Президента РФ. Более конкретно на концентрацию власти в его руках, его конституционное полномочие вводить по собственному усмотрению чрезвычайное положение, что иногда рассматривается, как опасность для отдельных демократических институтов и т.п. Мы убеждены, что с точки зрения конституционного права, основная задача законодателя в данном направлении исследования, состоит в обеспечении правовых гарантий при осуществлении полномочий Президента РФ по устранению возникших обстоятельств чрезвычайного характера и соблюдению в этом процессе всеми ветвями власти Конституции РФ, федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении», иных законов, регламентирующих поведение центральной власти в указанном режиме.

При всем этом важно помнить, что Президент РФ провозглашается гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина. Нет необходимости обосновывать существующую политику Президента России, как направленную на единство и государственную целостность страны, история государственного развития России последнего десятилетия неопровержимо доказывает это сама.

Вышесказанное позволяет заметить, что применение федеральной интервенции, как экстраординарные меры, в федеративном государстве является вполне оправданным.

По своей сути федеральное вмешательство необходимо рассматривать как конституционно-правовой институт, который объединяет в себе совокупность норм регламентирующих основания, формы и порядок действия федеральных органов власти по отношению к органам власти субъектов федерации в случаях совершения ими конституционных правонарушений или при угрозе наступления последних в целях охраны интересов населения, обеспечения государственного и правового единства государства.

Однако, принимая во внимание изложенное, на сегодняшний день нужно констатировать правовую регламентацию лишь отдельных мер федерального вмешательства и отсутствие специального закона, всесторонне регулирующего исследуемый институт. Такой закон, по мнению ряда авторов, стал бы гарантией прав и центра (РФ), и ее субъектов, так как каждая из сторон хорошо бы представляла свои возможности и последствия в связи с применением той или иной меры федерального вмешательства [7, с. 8].

Наличие специального закона, регламентирующего вопросы федеральной интервенции, послужит достижению цели устойчивого развития России, в частности, в сфере развития федерализма.

Исходя из стратегии национальной безопасности РФ до 2020 [5], где основными задачами являются защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, охрана суверенитета РФ, ее независимости и территориальной целостности, а также сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе в условиях террористических, экстремистских, оппозиционно настроенных политических сил и угроз, считаем существование института федеральной интервенции конституционно необходимым и обоснованно важным для целостности федеративного государства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. О чрезвычайном положении : федер. конституционный закон № 3-ФКЗ от 30.05.2001 // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.

3. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон № 184-ФЗ от 06.10.1999 // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

4. Об организации временной системы органов исполнительной власти в Чеченской Республике : Указ Президента Российской Федерации № 1071 от 08.06.2000 // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/15678> (дата обращения: 25.07.2017).

5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : Указ Президента Российской Федерации № 537 от 12.05.2009 // Российская газета. – 2009. – 19 мая. – № 4912 (88).

6. Керимов, А. Д. Сильное государство – ответ на вызов современной эпохи / А. Д. Керимов. – М. : NOTA BENE, 2009. – 138 с.

7. Нерсиян, А. Г. Федеральная интервенция в Российской Федерации: конституционно-правовые основы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Нерсиян А. Г. – Саратов, 2012.

8. Хамаганов, А. И. Федеральная интервенция российская и зарубежная практика / А. И. Хамаганов // Молодой ученый. – 2012. – № 5. – С. 347–349.

ТЕНДЕНЦИЯ РАСШИРЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

А. Л. Гусева

*кандидат юридических наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

А. А. Павлова

*магистрант юридического факультета,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Рассматривается укрепление власти и расширение полномочий Президента РФ как явление государственной действительности современной России. Приводится классификация полномочий, закреплённых за главой государства нашей страны действующим законодательством, с целью продемонстрировать их широту и объем. Рассматриваются конкретные примеры наделения Президента России новыми прерогативами путем внесения соответствующих поправок в Конституцию. Проводится анализ статуса и роли Президента и делается вывод о необходимости его сильной ключевой позиции в сложившейся системе современной российской государственности и жизни всей страны.

Ключевые слова: публичная власть, российская государственность, институт президентства, Президент РФ, конституционно-правовой статус Президента РФ, расширение полномочий Президента РФ.

В мировой истории генезис института президентства носит весьма длительный характер. Каждая страна в ходе исторического развития проходит свой, сугубо оригинальный, путь развития конституционных основ президентства, либо отказа от данной формы построения власти. Трудно опровергнуть тот факт, что формирование конституционных основ государственного строя зависит не только от политической и экономической эволюции развития государств, но также и от других объективных и субъективных факторов. В частности, как справедливо отмечает В. Н. Прокофьев, роли того или иного президента как гаранта Конституции, степени его участия в политическом процессе [7, с. 74], а также от позиции

на мировой арене глав государств, от силы или слабости политических оппонентов, степени расширения или уменьшения полномочий и т.д.

Президент РФ, несомненно, является особо значимой фигурой в системе государственной власти нашей страны. Президент в соответствии с Конституцией России обладает широким кругом полномочий, вытекающих из его статуса как главы государства и предоставляющих ему возможность выполнять закреплённые за ним функции и обязанности. Эти полномочия затрагивают, по сути дела, все стороны государственной деятельности. Полномочия Президента РФ по сфере действия классифицируются следующим образом:

- 1) полномочия, связанные с законодательными органами государственной власти;
- 2) полномочия, связанные с деятельностью исполнительных органов государственной власти;
- 3) полномочия, связанные с деятельностью органов судебной власти;
- 4) полномочия в сфере обороны и обеспечения безопасности государства;
- 5) полномочия в сфере внешней политики;
- 6) иные полномочия (полномочия, которые не могут быть включены ни в одну из вышеперечисленных групп: вопросы гражданства, помилование, назначение референдума, награждение государственными наградами и др.) [5].

Раскрытие перечисленных групп полномочий Президента находит своё выражение в главе 4 «Президент Российской Федерации» Конституции и специальном федеральном законодательстве.

Следует отметить, что на протяжении всей истории развития института президентства в России наблюдается перманентный рост полномочий главы государства и расширение сферы его влияния. В последнее время особенно прослеживается усиление положения Президента РФ в системе государственной власти. Свидетельством тому, в частности, может служить введение должностей полномочных представителей Президента в Совете Федерации и Государственной Думе Федерального Собрания РФ, согласно Указу Президента РФ от 22 июня 2004 г. № 792 [3]. В соответствии с Указом Президента РФ от 22 июня 2004 г. № 792 и утверждённым им Положением полномочный представитель Пре-

зидента РФ в Совете Федерации и полномочный представитель Президента РФ в Государственной Думе представляют интересы Президента РФ и способствуют реализации его конституционных полномочий в палатах парламента: представляют позицию главы государства при рассмотрении законопроектов и законов, вносят на рассмотрение кандидатуры для назначения на должности и предложения об освобождении от должности в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами, и др.

В 2014 году в Конституцию страны в компетенцию главы государства введено положение, касающееся назначения и освобождения от должности представителей РФ, направляемых в Совет Федерации (ст. 83 п. «е.2») [1].

Ещё одним примером увеличения круга властных возможностей Президента РФ может стать введение в 2014 году нового полномочия главы государства по назначению на должность и освобождению от должности прокуроров субъектов РФ [2], соответствующая поправка внесена в Конституцию [1]. Назначение на должность прокуроров субъектов происходит по представлению Генерального прокурора РФ, согласованному с органами государственной власти субъекта. Освобождается от должности – Президентом по представлению Генерального прокурора. Ранее полномочиями по назначению и освобождению от должности был наделен Генеральный прокурор РФ.

Юристами и политологами новый объем полномочий Президента был воспринят неоднозначно. Судья Конституционного суда Т. Морщакова заметила, что внесенные изменения лишь закрепили существующую негласную практику. По ее мнению, кандидатуры заместителей Генерального прокурора, прокуроров субъектов РФ всегда негласно согласовывались с администрацией Президента. В то же время ей отмечено, что нововведение приведет к очередному этапу усиления вертикали власти – теперь она подомнет под себя даже те учреждения, которые сами были построены по вертикальному принципу [8].

Однако анализ конституций большинства развитых государств показывает, что полномочия президентов зарубежных стран в части формирования различных органов государственной власти, назначения на должность чиновников несоизмеримо меньше, чем в РФ. К тому же они поставлены под реальный и действенный контроль со стороны парламентов. Например, в США Президент страны не вправе самостоятельно назначать на должности ряд ка-

тегорий судей (без участия Конгресса). Это обеспечивает уникальную независимость американской системы правосудия от исполнительной власти и честность самих судей [4, с. 22].

Вышеназванное является ярким доказательством того, что, во-первых, развитие института президентства в России происходит в сторону усиления власти и авторитета фигуры Президента страны через увеличение объёма его полномочий и функций контроля в различных сферах государственной жизни. Во-вторых, перечень властных компетенций Президента РФ весьма широк и постоянно пополняется, его вмешательство в деятельность органа власти может быть вполне допустимо и оправданно силой издаваемых либо принимаемых нормативно-правовых актов, расширяющих сферу его влияния и придающих его фигуре особый авторитетный характер главного должностного лица в государстве с несравнимым кругом возможностей. Таким образом, особый конституционно-правовой статус российского президента как главы государства, формально не относящегося ни к одной из ветвей власти, выступающего арбитром во взаимоотношениях с представителями других властей, предполагает наделение его огромным массивом полномочий в различных сферах государственной жизни страны.

Как верно заметил А. А. Керимов, при смешанной форме правления (например, во Франции) глава государства играет значительно более важную роль, чем при парламентской модели. Президент здесь, во-первых, избирается, а во-вторых, избирается на прямых выборах [6, с. 41]. Сильная позиция главы государства и его непререкаемый авторитет на протяжении всей истории всегда были характерны для России. Устои российской государственности, как и любой другой, складывались и модернизировались веками. Очевидно, что только лучшая практика функционирования государственной власти могла прижиться и развиваться в дальнейшем, приобретая новые черты согласно духу времени и следуя общественным потребностям. Для нашей страны свойственна такая организация политической системы, при которой ведущая роль в осуществлении власти отводится Президенту. Либеральная модель государственной системы в том виде, в каком она существует в зарубежных западных странах, не подходит для российской действительности ввиду определённой самобытности нашей страны, многоукладности, нахождении на пересечении двух культур: западной и восточной, что оказывает большое влияние на характер жизни в России. Примечательно, что и на современном этапе раз-

вития страны потребность в существовании лидера государства, каким является Президент, и усилении его власти возрастает. Сейчас прочный статус Президента РФ, как никогда, важен для укрепления вертикали власти, её стройности и ответственности. Развитие общественных отношений сопряжено с возникновением новых проблем, с которыми ранее социум не сталкивался, в связи с этим возникает серьёзная необходимость в сохранении законности и порядка, что может быть достигнуто исключительно при помощи чёткой, однозначной позиции власти, избранной народом, которую олицетворяет собой Президент. Для настоящего и будущего России большую опасность таит внешнеполитическая угроза: конфронтация с США, Великобританией, ФРГ и другими странами Евросоюза, неразрешённый конфликт на Украине. Вмешательство некоторых стран, претендующих на исключительное лидерство в мире, во внутриполитические дела других, причём различными способами: от информационной войны до направления воинских формирований, является серьёзной угрозой сохранения государства, которой необходимо противостоять. Не допустить подобное может лишь сильная власть, способная оперативно принимать решения в интересах всей страны. В России, бесспорно, такую власть возглавляет и объединяет Президент РФ.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон № 2202-1 от 17.01.1992 (с изм. и доп.). Ст. 15.1 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.
3. О полномочных представителях Президента Российской Федерации в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации : Указ Президента РФ № 792 от 22.06.2004 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 26. – Ст. 2651.
4. Гончаров, В. В. Особенности использования в Российской Федерации зарубежного опыта формирования и функционирования института президента / В. В. Гончаров, С. М. Жилин // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 23. – С. 18–22.
5. Дёгтев, Г. В. Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы / Г. В. Дёгтев. – М. : Юрист, 2006. – 237 с.

6. Керимов, А. А. Специфика парламентаризма при различных формах правления / А. А. Керимов // Философия политики и политологии. – 2012. – № 6. – С. 35–48.

7. Прокофьев, В. Н. Конституционно-правовой опыт регламентации президентской власти во Французской Республике / В. Н. Прокофьев // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 4. – С. 74–80.

8. Юристы и политологи разъяснили «Русской планете» смысл нового порядка назначения прокуроров, предложенного Владимиром Путиным в поправках к Конституции РФ. – URL: http://rusplt.ru/policy/genprokuror_zavisimij.html (дата обращения: 31.03.2018).

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ: РОЛЬ И МЕСТО В ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

Г. Д. Гуськов, Д. О. Джумадурдыев

*магистранты юридического факультета
(научный руководитель: д.п.н., профессор Ш. Г. Сеидов),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Современное правовое и социальное государство, проводя социально-экономическую политику, претерпело некоторые изменения относительно традиционного принципа разделения властей, в том числе и в конституционном устройстве государства. На протяжении XIX–XX вв. западноевропейские государства эволюционировали в направлении социально-правового государства, наивысшей целью которого является создание достойного жизненного уровня для своих граждан. Эволюционные преобразования не оставили без внимания и судебную ветвь власти, в связи с чем увеличилось количество нормативных предписаний, а также возросла роль суда в общественной и правовой жизни государства.

Ключевые слова: судебная власть, разделение властей, судебная ветвь власти, государственная власть, ветвь власти.

В 1993 году в России была принята Конституция, которая утвердила новую, ранее неизвестную для России модель организации государственной власти, основанную на концепции разделения

властей. В политической ориентации государства произошел поворот от консервативно-либеральной к либерально-реформистской социальной политике, делающей акцент на формировании новой системы социальной защиты и повышении уровня благосостояния граждан.

В Конституции 1993 года, Россия провозгласила себя правовым государством, которое базируется на принципах демократизма, гуманизма, верховенства права, приоритета прав человека и гражданина. В статье 10 Конституции РФ, нашел свое закрепление принцип разделения властей, который провозглашает судебную власть в качестве самостоятельной и независимой ветви государственной власти.

При этом, необходимо отметить, что законодательное определение понятия «судебная власть» отсутствует, что в свою очередь является одним из дискуссионных вопросов в современной юридической науке. Попытки определить сущность судебной власти продолжаются и в настоящее время. Юристы склонны исследовать феномен судебной власти инструментально – как выражение судебной деятельности. Политологи же относят ее к области юриспруденции, что оказывает значительное влияние на характер изучения данного вопроса [7, с. 98].

Существует точка зрения, согласно которой судебная власть рассматривается при помощи системы органов, эту власть осуществляющих. Исходя из такого подхода, делается вывод, согласно которому судебная власть – это «самостоятельное публично-правовое образование, представляющее собой систему специальных государственных и муниципальных органов, обладающих предусмотренными законом властными полномочиями, направленными на установление истины, восстановление справедливости, разрешение споров и наказание виновных, решения которых обязательны к исполнению всеми лицами, которых они касаются» [2, с. 29].

Судебная власть – разновидность государственной власти, в рамках которой реализуются властные полномочия по разрешению социальных (правовых) конфликтов, возникающих в рамках общественных отношений. При этом государство ставит перед собой задачу разрешить спор, обязав стороны неукоснительно следовать нормам права, а общество принимает обязанность исполнить вынесенное решение [2, с. 29].

При рассмотрении сущности судебной власти, необходимо учитывать два аспекта – функциональный и институциональный. С функциональной точки зрения, судебная власть выступает в качестве совокупности юрисдикционных полномочий, которые ограничены юридическими нормами (в частности конституцией) и общими принципами права, а также взаимосвязанными с ними полномочиями государства, осуществляемыми от имени народа независимыми должностными субъектами в лице судей в четко определенной законом судебной процедуре (а также иными должностными лицами, обеспечивающих юрисдикционную деятельность судей). В институциональном аспекте, судебная власть представляет собой обособленную группу взаимосвязанных между собой государственных учреждений (в первую очередь – судов), которые организуют и обеспечивают реализацию судьями, возложенных на них юрисдикционных полномочий [4, с. 187].

В современном правовом и демократическом государстве, которое признает принцип разделения властей, судебная власть обладает рядом общих признаков: 1) судебная власть является разновидностью государственной власти, носит самостоятельный характер и является равноправной, по отношению к исполнительной и законодательной ветви власти; 2) судебная власть осуществляется специальными государственными органами – судами, в лице специальных субъектов – судей (а также лиц, привлекаемых для осуществления правосудия, например, присяжных заседателей); 3) независимость судей и судебной власти – в процессе осуществления своих полномочий, судьи подчиняются лишь закону и нормам судебной и профессиональной этики; 4) судебная власть реализуется путем судопроизводства. Судопроизводство – это регулируемая процессуальным законодательством деятельность суда или судьи в ходе судебного разбирательства гражданских, административных, уголовных и иных дел, в ходе которой достигаются цели и задачи, поставленные законодателем; 5) судебная деятельность носит подзаконный характер – это значит, что судебная власть реализуется в пределах предоставленной компетенции и в соответствии с законом, а также на основе закона и во исполнение закона; 6) решения судебной власти носят обязательный характер.

Судебная ветвь власти призвана стоять: во-первых, между исполнительной и законодательной ветвями власти, удерживая и уравнивая их в взаимном стремлении к сосредоточению власти; во-вторых, между государством, обществом и человеком, за-

щищая права и свободы [4, с. 187]. Но, первоочередное предназначение судебной власти и судебной системы – это осуществление правосудия [5, с. 282]. Кроме того, судебная власть играет исключительную роль в контрольно-надзорной деятельности за соблюдением законодательства.

На текущей стадии государственного развития в Российской Федерации, подход к построению государственного механизма реализован с некоторыми отклонениями от классической концепции о разделении властей [3, с. 27]. Конституция РФ определила параметры обособления судебной власти, но на практике, к сожалению, не всегда представляется возможным, увидеть в действии эффективную реализацию «системы сдержек и противовесов». Сложившаяся правовая действительность может привести к выводу, что временами, судебная власть впадает в зависимость и фактически превращается в подконтрольную, по отношению к законодательной или исполнительной ветви власти.

В современном демократическом государстве наблюдаются тенденция по перераспределению юрисдикционных полномочий между различными ветвями власти, в рамках механизма государства. Концепция разделения также испытывает различного рода трансформации, связанные с постоянно меняющимися внутренними социально-политическими условиями в государстве, тем самым обретая новую форму выражения.

Так, по мнению В.Б. Романенко, вместо традиционных трех ветвей власти, современное конституционное правление характеризуются пятью ветвями власти: правящая власть, законодательная власть, административная власть, судебная власть, судебная конституционная власть [6, с. 44].

Таким образом, сущность принципа разделения властей должна достигаться при помощи координации всех ветвей власти. Достижение общественных и государственных интересов должно реализовываться не противостоянием, а взаимной кооперацией, исполнением каждой из ветвей власти, возложенных на нее задач и функций. Самостоятельные (но не разобщенные) ветви государственной власти образуют некую целостность, представляющую собой государственную власть, выступая при этом в качестве отдельных элементов единой системы [1, с. 175].

Самостоятельность и независимость судебной власти, в концепции разделения властей, не препятствует ее координации с остальными ветвями власти. В взаимоотношениях с исполнитель-

ной и законодательной ветвями власти, значение судебной власти заключается в удержании деятельности государственной власти в правовом поле.

Библиографический список

1. Ковалевская, О. В. Судебная власть в системе разделения властей / О. В. Ковалевская // Вестник АГТУ. – 2008. – № 4 (45). – С. 175–177.
2. Кочетова, А. В. О понятии «судебная власть» / А. В. Кочетова // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. – 2015. – Т. 15, № 4. – С. 27–32.
3. Лигарова, В. А. Судебная власть в системе разделения властей: концептуальные положения классической теории и современное российское государство / В. А. Лигарова // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2006. – № 5. – С. 27–29.
4. Редченко, В. Г. Содержание и признаки судебной власти / В. Г. Редченко // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 4. – С. 187–190.
5. Ресянская, О. С. Законодательная, исполнительная и судебная ветви власти в системе разделения властей / О. С. Ресянская // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4-1. – С. 280–283.
6. Романенко, В. Б. Новая модель разделения властей в социальном государстве / В. Б. Романенко // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 1. – С. 42–46.
7. Цыганаш, В. Н. Социально-правовое определение феномена судебной власти / В. Н. Цыганаш, Н. В. Бровко // Философия права. – 2016. – № 1 (74). – С. 98–101.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЕКТОВ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

А. Ю. Дикарева

*магистрант юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А. Л. Гусева),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Рассматриваются проблемы формирования федерального законодательства о средствах массовой информации, принцип запрета цензуры. Раскрываются основные принципы деятельности СМИ.

Ключевые слова: средства массовой информации, гражданское общество, информация, государственно-информационная политика, информационная индустрия, законотворчество.

Перспективы построения гражданского общества в России подкреплены такими основными федеральными законами, как ФЗ «Об общественных объединениях», «О профессиональных союзах», «О свободе совести и религиозных объединениях», «О политических партиях». Очевидно, что в этом перечне не хватает нового закона о СМИ, поскольку действующий закон 1991 г., т.е. принятый еще до принятия Конституции РФ, воспринимается больше как постперестроечный архаизм, нежели как органичная часть современной системы правовых гарантий гражданского общества.

Обстоятельства, в которых происходит работа над законопроектом, вызывает сомнения в благополучном исходе дела. Под ним мы подразумеваем принятие закона, действительно отражающего базовые основы и современные тенденции правового регулирования деятельности СМИ в экономически развитых государствах, рассматривающих СМИ в роли важнейшего института гражданского общества, основного проводника свободного политического дискурса в обществе [5, с. 170].

Вызывает некоторые опасения обстановка, в которой началась и проходит работа над проектом закона о СМИ. Известно, что долгое время журналистское сообщество сопротивлялось попыткам, в большинстве случаев, надо признать, недостаточно обоснованным, ввести новые регулятивные механизмы в действующий Закон о СМИ [4, с. 359]. Общий тон замечаний и комментариев в прессе по поводу таких попыток, если только они не касались не существенных положений, был резко негативным. В нынешней политической ситуации с точки зрения организационной стороны вопроса федеральным структурам исполнительной власти не представляет большого труда провести через Государственную Думу собственный новый закон о СМИ.

На знаковой встрече Президента с представителями Индустриального комитета в Кремле вопрос об отклоненных поправках и о новом законе о СМИ увязывается в один вопрос. В результате Индустриальный комитет как лидер профессиональной общественности берёт на себя ответственность подготовки проекта нового закона о СМИ [2, с. 89].

Однако главные опасения связаны не с особенностями инициирования работы над законопроектом, а с обусловленным этими

обстоятельствами невысоким качеством проекта и спешкой в его продвижении. Министр по делам печати выступает с заявлением, что законопроект может быть принят в первом чтении уже в конце декабря 2002 г. Но первые варианты законопроекта Индустриального комитета отчетливо показывали, что текст практически лишен какой-либо теоретической основы, концептуальной связи институтов и механизмов регулирования. Создавалось впечатление, что законопроект формировался лишь на основе отрывочных пожеланий и предложений, сформулированных на текущих заседаниях рабочей группы.

Между тем, начало работы над законопроектом должно быть ознаменовано установлением и согласованием общей концепции регулирования деятельности СМИ в России, которая сегодня окончательно не ясна. Действительно, концепция может полностью сложиться только по результатам работы над обобщениями практики деятельности СМИ [7, с. 61]. Но проводить эти обобщения, корректируя первые редакции законопроекта, весьма неrationally. Текст законопроекта должен появляться на заключительном, а не на начальном этапе работы.

Принцип запрета цензуры в новом законе должен быть сформулирован таким образом и подкреплён такими гарантиями, которые исключают всякое прямое или косвенное вмешательство в профессиональную деятельность СМИ со стороны любого иного субъекта (при этом владелец СМИ во внутрикорпоративных отношениях с редакцией, разумеется, не может рассматриваться как «иной» субъект). Игнорирование правовых гарантий запрета цензуры или нивелирование этого принципа в практической деятельности СМИ и их взаимоотношениях с властями противоречит задачам концепции эффективной демократии, как и идее демократии вообще. Слабость или зависимое положение СМИ, как института гражданского общества является серьезным провалом в выстраивании демократической инфраструктуры [8, с. 34].

Деятельность СМИ регулируется принципами, отношение к которым в различных странах различно и может со временем изменяться. Эти принципы напрямую не связаны с обеспечением самого базового статуса СМИ как института гражданского общества, а имеют целью оптимизировать их работу в качестве предприятий, создающих и распространяющих информацию для массового потребления. Среди них можно обозначить принцип ограничения концентрации СМИ, прозрачности деятельности СМИ, доступа к

информации органов власти, распространения в СМИ достоверной и проверенной информации и др.

Концептуальные особенности нового российского закона о СМИ не могут быть связаны с первой группой принципов, которые безусловны и неизменны. Иное будет свидетельствовать об игнорировании основной аксиомы отношений в этой области, что заранее предопределил некорректность результатов работы над законопроектом [3, с. 36]. Иными словами, отражение и гарантирование данных принципов является вопросом не концептуальных подходов, а простой юридической грамотности при создании законопроекта о СМИ.

Главные особенности нового закона могут складываться вокруг следующих вопросов: конструкция корпоративных отношений в организациях СМИ; возможности и степень административного контроля и надзора за деятельностью СМИ; организация процедур регистрации и лицензирования в сфере СМИ; организационная структура управления и самоуправления в сфере массовой информации; меры государственного стимулирования экономики СМИ как отрасли хозяйства; стандарты концентрации СМИ, связанные с оценкой приемлемого уровня экономического и информационного веса среднестатистического СМИ; место государственных СМИ в системе массового информационного обмена и позиция по отношению к публично-правовым СМИ; механизмы ответственности СМИ перед гражданами; существование дополнительных гарантий доступа журналистов к информации органов власти в сравнении с гарантиями такого доступа для граждан, и др. [6, с. 463]. Ответы, прежде всего, на эти вопросы в законопроекте покажут, какая концепция в действительности лежит в основе законопроекта, какие ожидания от СМИ разделяют нынешние инициаторы и разработчики нового закона о СМИ.

Библиографический список

1. О средствах массовой информации : Закон Российской Федерации № 2124-1 от 27.12.1991 : [в ред. от 25.11.2017] // Российская газета. – 2007. – 27 ноября. – № 4528.

2. Ветрова, Е. Н. Современное состояние и перспективы развития средств массовой информации в условиях реализации эффективной государственной информационной политики: региональный аспект / Е. Н. Ветрова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2011. – № 2. – С. 89–92.

3. Воскресенский, Ю. В. Понятие «средства массовой информации». Роль коммуникации и СМИ в политической системе общества / Ю. В. Воскресенский // Юрист. – 2005. – № 6. – С. 36–39.
4. Ковалева, Н. Н. Информационное право России : учеб. пособие / Н. Н. Ковалева. – М. : Дашков и К°, 2007. – 545 с.
5. Микулина, И. В. Медиаправо в России: предпосылки возникновения и современное состояние / И. В. Микулина, Л. С. Шаталова // Научные ведомости. – 2013. – № 27. – С. 170–173.
6. Попов, В. Д. Информационная политика : учебник / В. Д. Попов ; под общ. ред. В. Д. Попова. – М. : Изд-во РАГС, 2003. – 485 с.
7. Тетдоева, А. С. Политическая коммуникация и роль СМИ в ее осуществлении / А. С. Тетдоева // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 190. – С. 61–67.
8. Шевердяев, С. Н. Основные проблемы проектов Федерального закона о средствах массовой информации / С. Н. Шевердяев // Обсуждение проектов Закона о СМИ. – М., 2003. – С. 117–121.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В. С. Игошина

*студентка юридического факультета
(научный руководитель: ассистент А. А. Рыжова),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Анализируются дискуссионные вопросы института представительства в административном судопроизводстве, появившиеся в связи с вступлением в силу 8 марта 2015 г. Кодекса административного судопроизводства РФ. Рассматриваются вопросы круга лиц, имеющих право поручать представлять свои интересы в суде представителям, целесообразность обязательного представительства и требования к представителям о наличии у них высшего юридического образования, а также вопрос о том, может ли юридическое лицо быть представителем в суде.

Ключевые слова: процессуальная деятельность, административное судопроизводство, судебное представительство, требования к представителю, Кодекс административного судопроизводства.

Судебное представительство представляет собой важнейший институт процессуального права, статус которого закреплен как международным, так и российским законодательством. В первую очередь, оно обеспечивает гражданам право на справедливое рассмотрение дела в соответствии с положением п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав и свобод, к которой Россия присоединилась 30 марта 1998 года. Кроме того, данный правовой институт путем закрепления соответствующих положений в ст. 46 и ст. 48 Конституции РФ гарантирует гражданам реализацию прав на получение квалифицированной юридической помощи и на судебную защиту их прав и свобод.

Дискуссионным в юридической литературе остается вопрос об определении представительства. Сформировалось два основных направления по данному вопросу: одни ученые под представительством понимают правоотношение, другие - соответствующую деятельность. Так, А. Ф. Козлов определяет представительство как процессуальную деятельность право-дееспособных субъектов от имени и в защиту прав и охраняемых законом интересов сторон, третьих лиц, заявителей и иных заинтересованных по делу лиц [2, с. 134]. На наш взгляд, невозможно придерживаться только одной концепции, отвергая при этом другую. Сущность представительства заключается в совершении определенных юридически значимых процессуальных действий лица (представителя) от имени представляемого им лица. Следовательно, вне рамок правоотношений данная деятельность не представляет смысла.

Единого закрепления процессуального представительства нет. Данный правовой институт урегулирован в отдельных процессуальных отраслях права: уголовном, гражданском, арбитражном, административном. Состав представителей в соответствующих процессуальных законах различается в зависимости от состава сторон. Тем не менее, Н. С. Гречкин выделил признаки, характерные для любого вида судебного представительства. Так, целью любого вида процессуального представительства выступает защита прав и законных интересов граждан, оказание им квалифицированной юридической помощи. Кроме того, оно возникает на основе юридического факта, которым может быть доверенность, ордер, акт государственного или судебного органа, подтвержденные документами родственные отношения. Очевидно, что любой вид процессуального представительства регулируется исключительно процессуальными нормами законодательства. Представитель при

этом наделяется только ограниченным кругом полномочий, указанных в доверенности или предусмотренных законом [1, с. 207].

Особый интерес вызывает административное представительство в суде, регламентированное вступившим в силу 8 марта 2015 г. Кодексом административного судопроизводства РФ (КАС РФ). Он определил к процессуальному представительству совершенно новый подход, который вызывает большое количество дискуссий.

В ч. 2 ст. 5 КАС РФ закрепляется определенный круг субъектов, имеющих право поручать ведение административного дела представителю. При этом не было учтено положение ч. 5 ст. 54 КАС РФ, согласно которому организации могут поручать ведение административного дела наряду с единоличным органом управления этой организации, уполномоченными ею лицам, действующими в пределах полномочий, предоставленных им федеральными законами, иными нормативными актами или учредительными документами организации, также и представителю данной организации. Тем самым, на наш взгляд, целесообразно дополнить перечень лиц, указанных в ч. 2 ст. 5 КАС РФ, и включить в него организации.

Одним из нововведений, вызвавших определенную критику, явилось и дополнительное требование для представителей о наличии у них высшего юридического образования. Вместе с тем по некоторым вопросам установлена обязанность граждан вести дела исключительно через своих представителей. Примером может послужить положение ч. 9 ст. 208 КАС РФ, регулирующее предъявление административного искового заявления о признании нормативного правового акта недействующим.

Пешкова Т.В. аргументирует необходимость указанного нововведения сложностью категорий дел, рассматриваемых путем применения КАС РФ [4, с. 15]. Так, ставя вопрос о признании нормативного правового акта недействующим, необходимо предоставить суду грамотно обоснованную позицию, что эффективно можно достичь с помощью профессионального представителя. Участие же неквалифицированного представителя может нанести вред представляемой стороне при разрешении спора.

Однако многие ученые усматривают недостатки данного положения. Так, С. С. Казиханова справедливо отметила, что законодатель поставил граждан и организации в неравное положение, не обязав последние вести дела о признании нормативного правового акта через представителя. Также по ее мнению, обязательное пред-

ставительство препятствует реализации конституционного права граждан на судебную защиту их прав: ограничивает доступ к правосудия для лиц, не имеющих денежные средства на оплату услуг представителя [3, с. 22]. С указанными аргументами нельзя не согласиться, однако именно наличие у представителя высшего юридического образования способствует наиболее эффективной защите прав и свобод граждан.

По вышеуказанной проблеме свою позицию высказала Федеральная палата адвокатов РФ. Она признает необходимостью обеспечить гражданам юридическую помощь представителей, независимо от их материальных возможностей [6].

Стоит отметить, что в настоящее время ограничение личного представительства и наличие требования профессионального представительства распространено во многих странах. Так, законодательством Королевства Испания закреплено отсутствие возможности свободно представлять себя в суде лично. При этом представитель должен обязательно иметь высшее образование и профессиональные навыки.

Важное значение имеет разрешение вопроса о том, может ли в качестве представителя в суде быть юридическое лицо. Д. А. Туманов, отмечая доверительный характер представительства, исключает поручение представительства юридическому лицу. Он полагает, что гражданин, наделяя юридическое лицо соответствующими полномочиями, зачастую не знает, кто будет осуществлять от его имени процессуальные действия.

По вышеуказанному вопросу свою позицию изложил Верховный суд РФ. Он отметил, что согласно ч. 1 ст. 55 КАС РФ представитель должен обладать полной дееспособностью. При этом юридические лица, как и физические, обладают гражданской процессуальной дееспособностью и могут действовать в процессе как от своего имени, так и от чужого [5]. Следовательно, Верховный суд РФ закрепляет за юридическим лицом право быть представителем в суде.

Исходя из анализа вышеуказанных нормативных правовых актов, необходимо сделать вывод о том, что изменения в законодательстве, касающиеся сферы представительства в административном судопроизводстве на сегодняшний момент имеет ряд проблемных вопросов. В связи с этим, предлагаем внести ряд поправок и изменений в отдельные положения Кодекса административного судопроизводства РФ.

Библиографический список

1. Гречкин, Н. С. Правовая категория представительства в судопроизводстве Российской Федерации / Н. С. Гречкин // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 4. – С. 205–207.
2. Ивакин, Н. В. Представительство в административном судопроизводстве / Н. В. Ивакин // Lex Russica. – 2017. – № 6. – С. 129–140.
3. Казиханова, С. С. Опасные новеллы института представительства по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации / С. С. Казиханова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 5. – С. 21–25.
4. Пешкова, Т. В. Принятие Кодекса административного судопроизводства РФ: значение, проблемы, дальнейшие перспективы / Т. В. Пешкова // Российский судья. – 2015. – № 9. – С. 15–16.
5. Определение Верховного Суда РФ № 36-КГ16-10 от 27.09.2016. – URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=1477734 (дата обращения: 19.03.2018).
6. Правовая позиция Федеральной палаты адвокатов по жалобе граждан А. В. Галиничева, Е. Л. Корольковой, А. В. Островского и Ю. Н. Миронова на нарушение их конституционных прав частью 9 статьи 208 Кодекса административного судопроизводства РФ. – URL: http://fparf.ru/documents/legal_positions/20451/ (дата обращения: 19.03.2018).

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В. А. Катомина

*кандидат юридических наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Затрагиваются проблемы исполнения лишения права управления транспортным средством и административного ареста за совершение административных правонарушений в области дорожного движения. Отмечается, что для эффективности и достижения целей административных наказаний требуется незамедлительное устранение пробелов в законодательстве РФ, в частности в КоАП РФ.

Ключевые слова: административное наказание, лишение права управления транспортным средством, административный арест, исполнение.

В настоящее время правоприменительная практика выявляет ряд проблем, существующих в отечественной правовой системе. Не является исключением и институт административных наказаний. В связи с чем представляется целесообразным проанализировать существующие проблемы исполнения отдельных видов административных наказаний, назначаемых судами за совершение административных правонарушений в области дорожного движения.

Анализируя особенности приведения в исполнение такого вида административного наказания, как лишение специального права в виде лишения права управления транспортным средством, следует подчеркнуть, что в судебной практике существует достаточно много примеров проблемных ситуаций при исполнении постановлений о лишении права управления транспортным средством.

Так, гражданин М. был задержан за управление трактором в состоянии алкогольного опьянения. Задержанный работал трактористом у индивидуального предпринимателя П., имея удостоверение тракториста-машиниста. В ходе рассмотрения дела об административном правонарушении в судебном порядке М. был лишен права управления транспортным средством. Судья направил постановление для исполнения в подразделение Госавтоинспекции, однако не направил постановление в орган Ростехнадзора. Лишенный права управления транспортным средством гражданин М. сдал в ГИБДД свое водительское удостоверение и с этого момента начал течь срок лишения специального права. Спустя 9 месяцев по результатам сверки между органом ГИБДД и Ростехнадзором, было выявлен факт наличия у гражданина М. удостоверения тракториста-машиниста, в связи с чем копия постановления была передана сотрудникам Ростехнадзора. По прошествии половины срока лишения специального права гражданин М. сдал удостоверение тракториста-машиниста в Ростехнадзор, а еще через 9 месяцев прошел проверку знания ПДД, представил медицинское заключение об отсутствии медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством, в связи с чем получил водительское удостоверение в ГИБДД и удостоверение тракториста-

машиниста в Гостехнадзоре. Получается, что в течение 9 месяцев, в период срока лишения специального права, гражданин М. мог работать и работал у индивидуального предпринимателя П. трактористом. Тем самым ежедневно допуская административное правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ. А сам индивидуальный предприниматель П., выпускающий гражданина М. на тракторе в линию, должен быть привлечен к административной ответственности по ст. 12.32 КоАП РФ [1, с. 115–123].

Из приведенного примера, видно, что как правило, проблемы с исполнением постановлений о лишении права управления транспортным средством заключаются в следующем:

а) отсутствуют необходимые нормативные правовые акты, регламентирующие порядок взаимодействия органов Гостехнадзора с органами Госавтоинспекции, судами (судьями), а также регламент порядка выдачи удостоверения тракториста-машиниста после окончания срока лишения;

б) не выполняются судьями положения ч. 2 ст. 32.5 КоАП РФ касательно необходимости направить в органы Гостехнадзора постановления о лишении права управления трактором, самоходной машиной или другими видами техники для исполнения.

Актуальность отмеченных проблем заключается в том, что в настоящее время продолжает увеличиваться количество самоходной техники у граждан, например, снегоходов, квадроциклов и т.д., а значит увеличивается количество выданных удостоверений, дающих право управления этой техникой. Кроме того, при отсутствии информации в Гостехнадзоре и ГИБДД о лишении права управления, стадии исполнения постановления о лишении указанного права, наличии водительского удостоверения, может возникнуть ситуация, при которых не соблюдается принцип неотвратимости наказания в части непривлечения водителя или тракториста (тракториста-машиниста) к уголовной ответственности при наличии объективной стороны уголовно-наказуемого деяния.

Поэтому в целях разрешения возникших проблем представляется целесообразным проведение трехсторонних рабочих встреч с участием судей, сотрудников Госавтоинспекции и Гостехнадзора в целях разработки единого алгоритма взаимодействия по таким вопросам, как получение копий постановлений судов, вступление постановлений в законную силу, изъятие удостоверений, опреде-

ление начала исчисления срока лишения специального права и т. п.). Причем такие встречи необходимо проводить не реже 1 раза в месяц. Именно такая периодичность позволит установить наличие постановлений в отношении конкретных водителей самоходных машин.

Кроме того, иногда на практике встречаются случаи, когда неотбытое наказание в виде лишения права управления транспортным средством незаконно заменяется штрафом. В качестве примера может выступать постановление заместителя председателя Московского городского суда от 13 февраля 20012 г., которым было изменено постановление Нагатинского районного суда г. Москвы от 16 сентября 2012 г. и решение Московского городского суда от 18 октября 2012 г., которыми гражданину П. за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.24 КоАП РФ было назначено наказание в виде лишения права управления транспортным средством на срок 1 год и 6 месяцев. Постановлением заместителя председателя Московского городского суда от 13 февраля 20012 г. наказание гражданина П. было изменено и назначен административный штраф в размере 2500 руб. Однако Верховный Суд РФ не согласился с данным решением и признал его незаконным по следующим причинам.

Ввиду того, что решение Московского городского суда от 18 октября 2012 г. оставил в силе решение мирового судьи, постановление мирового судьи было направлено для исполнения в отдельный батальон ДПС ГИБДД УВД по ЮАО ГУ МВД России по г. Москве. Поэтому на момент изменения административного наказания заместителем председателя Московского городского суда на административный штраф наказание в виде лишения права управления транспортным средством было частично отбыто. Поэтому в соответствии с ч. 5 ст. 4.5 КоАП РФ, согласно которой никто не может дважды нести административную ответственность, постановление заместителя председателя Московского городского суда от 13 февраля 20012 г. было отменено [6].

Теперь перейдем к рассмотрению особенностей исполнения постановления об административном аресте. Согласно с ч. 1 ст. 32.8 КоАП РФ постановление судьи о назначении данного вида административного наказания исполняется органами внутренних дел немедленно после его вынесения. Однако это расходится с положениями ч. 2 ст. 31.2 КоАП РФ, в которой звучит, что постанов-

ление по делу об административном правонарушении подлежит исполнению с момента его вступления в законную силу, т.е. после истечения срока обжалования, если постановление не было обжаловано или опротестовано, либо в момент вынесения решения по жалобе, протесту на постановление, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление (статьи 30.2-30.9, пункты 1 и 3 статьи 31.1 КоАП РФ).

Данные положения не раз были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации [4; 5]. Между тем указанная судебная инстанция отстаивает конституционность исследуемой нормы права и обосновывает это тем, что правило о немедленном исполнении постановления об административном аресте уравновешено гарантией скорейшего рассмотрения жалобы лица, подвергнутого этому наказанию.

Необходимо отметить, что КоАП РФ закрепляет правило о том, что при передаче в суд протокола об административном правонарушении, влекущем административный арест, должна обеспечиваться явка лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Это автоматически подразумевает обязанность органов внутренних дел обеспечить явку лица, в отношении которого возможно будет применен административный арест. Несоблюдение данного положения исходя из анализа судебной практики влечет возврат административных материалов судьями в органы внутренних дел на доработку, в целях недопущения нарушения сроков их рассмотрения. Явка лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, как правило, осуществляется за счет доставления и административного задержания.

На наш взгляд, такая судебная практика не является верной, поскольку в соответствии со ст. 29.4 КоАП РФ при подготовке к рассмотрению дела об административном правонарушении судья разрешает вопрос о вызове лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, по которому в случае необходимости выносится определение. В виду того, что присутствие лица, в отношении которого возможно будет применен административный арест, обязательно, вполне достаточным будет применения доставления в случае его административного задержания, а если таковое не применялось, например, по причине наличия обстоятельств, не позволяющих определить возможный вид наказания, достаточно вынести определение о его приводе.

Поэтому не применение мер по доставлению лица, в отношении которого по делу об административном правонарушении может быть применен административный арест, является основанием для признания материалов дел неполными только в случае обязательности административного задержания данного лица. В случаях должного уведомления лица об обязательном присутствии на судебном заседании вывод о неполном представлении материалов не имеет оснований.

Из всего вышеизложенного следует сделать вывод о том, что существуют определенные проблемы применения и исполнения административных наказаний, которые выявляются в судебной практике. Для эффективности и достижения целей административных наказаний требуется незамедлительное устранение пробелов в законодательстве РФ, в частности в КоАП РФ.

Библиографический список

1. Бекетов, О. И. Проблемы исполнения постановлений о лишении права управления транспортными средствами / О. И. Бекетов, С. И. Корыц // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 115–123.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ : [в ред. от 29.07.2017] // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
3. Котова, Ю. Как у должников права отбирают? / Ю. Котова // Арсенал предпринимателя. – 2016. – № 1. – С. 74–78.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Зотова Максима Павловича на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 19.3 и ч. 1 ст. 32.8 КоАП РФ: определение Конституционного Суда РФ № 2224-О от 22.11.2012 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.07.2018).
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хаймина Романа Сергеевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 25.1, 29.5, 29.6, 30.6 и 32.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда РФ от № 2097-О 25.09.2014 (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.07.2018).
6. Постановление Верховного Суда РФ № 5-АД12-14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 10.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Д. В. Кемяшов

*магистрант юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент В. А. Катомина),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Анализируются проблемы конституционно-правового регулирования деятельности законодательных органов государственной власти на региональном уровне. Для решения проблем выдвинуты предложения, которые помогут повысить качество и эффективность работы законодательных органов государственной власти на региональном уровне.

Ключевые слова: органы государственной власти, конституционно-правовое регулирование, проблемы, вопросы, субъекты РФ, регионы, законодательные органы.

Федеративное устройство нашего государства и необходимость развития субъектов России исходят из специфики, национальных, исторических и других традиций с учётом стратегической и экономической значимости для Российской Федерации (далее – РФ) при активном принятии участия в конституционно-правовом регулировании деятельности законодательных органов государственной власти, региональных органов и населения. В связи с этим рассматриваемая тема является актуальной в настоящее время.

Существенный вклад в развитие регионов России, формирование благоприятных условий жизни на территории субъектов РФ может внести эффективная работа региональных властных институтов, которые учитывают специфику определённого субъекта России, его потребности, национальные, исторические и другие традиции. Решение таких вопросов и проблем невозможно без упрочения позиций региональных представительных (законодательных) органов государственной власти, которые являются выразителями заинтересованностей населения и представителями соответствующих субъектов Российской Федерации. В силу этого они обладают правом принятия законов и проверки их исполнения.

Анализ законодательства субъектов и федерального законодательства России подтверждает то, что правовое состояние региональных представительных (законодательных) органов государственной власти остаётся предметом для дискуссий, касающихся поиска оптимального шаблона их формирования, деятельности и организации. Во вторую главу Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации исполнительных и законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ» [1], являющегося основным актом в этой сфере, ежегодно вносятся дополнения и изменения, что свидетельствует о нестабильности и несовершенстве правового регулирования таких вопросов именно на федеральном уровне. Поэтому становится несомненной актуальность, необходимость совершенствования и развития юридических механизмов, которые направлены на регламентацию конституционно-правового статуса региональных законодательных органов государственной власти.

Под конституционно-правовым статусом законодательных органов государственной власти регионов или субъектов РФ следует понимать утверждённое конституционно-правовыми актами (федеральными законами, Конституцией РФ, уставами (конституциями), законами и другими нормативно-правовыми актами субъектов России) состояние указанных органов, которое характеризует принципы, порядок их формирования, внутренней деятельности и организации [2, с. 193].

При этом конституционно-правовое регулирование деятельности региональных законодательных органов государственной власти включает в себя:

1) элементы, которые связаны с формированием законодательных органов государственной власти регионов РФ (принципы и порядок их избрания);

2) элементы, которые связаны с внутренним созданием региональных законодательных органов государственной власти (структура обозначенных органов, отношения среди их структурных элементов, принципы внутренней организации этих органов);

3) элементы, которые связаны с деятельностью законодательных органов государственной власти регионов или России (компетенция и функции обозначенных органов, их правовые акты, формы и принципы их деятельности, конституционно-правовая ответственность обозначенных органов, экономические основания функционирования).

Порядок развития региональных законодательных органов государственной власти регулируется с помощью правил первой и второй групп элементов при преобладании предписаний первой группы. Это говорит об отсутствии у регионов РФ возможности независимого правового регулирования в этой сфере. Но особенности, которые связаны с формированием выше указанных органов, имеются на региональном уровне. Так, для регионов России присущи отдельные особенности при формировании избирательных участков и избирательных округов, влияющие на их величину средней нормы и количество представительства избирателей [3, с. 1186].

Законодательные органы государственной власти субъектов России, в составе которых содержатся депутаты, исполняющие свои обязанности не на профессиональном основании, парламентами в точно научном понимании этого термина не являются. Можно их считать только региональными законодательными органами парламентского типа. В связи с чем термин «парламент» предлагаем убрать из характеристики законодательных органов государственной власти регионов РФ пока все депутаты определённого регионального законодательного органа государственной власти не будут осуществлять собственные полномочия на устойчивой профессиональной основе [4, с. 21].

Кроме того, необходимо различать понятия «избиратели, зарегистрированные на территории субъекта Российской Федерации» и «население субъекта Российской Федерации». Так как в развитии региональных законодательных органов государственной власти принимает участие не всё население определённого субъекта России, а лишь зарегистрированные там избиратели – это российские граждане, которые обладают активным избирательным правом.

В целях усиления контрольных полномочий региональных законодательных органов представляется целесообразным дополнить статью 24 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ пунктом 3 следующего содержания: «Законодательный орган государственной власти субъекта РФ вправе выразить недоверие высшему исполнительному органу государственной власти субъекта РФ. Принятие решения о недоверии высшему исполнительному органу государственной власти субъекта РФ влечёт отставку указанного органа или другие последствия, установленные конституцией (уставом) и (или) законом субъекта РФ».

Подытоживая вышесказанное, отметим, что улучшение конституционно-правового законодательства, которое регулирует вопросы организации, деятельности и формирования законодатель-

ных органов государственной власти регионов или субъектов России, является актуальной задачей, которая стоит перед наукой конституционного права на данном этапе государственного строительства Российской Федерации.

Решение проблем конституционно-правового регулирования деятельности законодательных органов государственной власти повышает качество и эффективность работы указанных органов государственной власти и напрямую от их работы зависит развитие регионов, формирование благоприятных условий для граждан России, которые проживают на её территории.

Библиографический список

1. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон № 184-ФЗ от 06.10.1999 : [в ред. от 05.02.2018] // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

2. Конституционализация России: проблемы теории и современной практики : сб. науч. ст., посвящ. памяти проф. Н. В. Витрука. – Белгород, 2016. – 198 с.

3. Заболотских, Е. М. Ответственность законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации / Е. М. Заболотских // Lex Russica. – 2013. – № 11. – С. 1184–1190.

4. Бутко, Л. В. Типологические особенности элементов системы права на примере конституционного права / Л. В. Бутко // Очерки новейшей камералистики. – 2016. – № 2. – С. 18–22.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Л. В. Лазарева

*кандидат педагогических наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Рассматривается деятельность органов государственной власти, в частности, Законодательного Собрания Пензенской обла-

сти по обеспечению социальных прав и свобод населения. Анализируется правовое регулирование отношений в сфере социального обслуживания в Пензенской области за 2014–2018 гг.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, социальное право, социальное обслуживание, социальная защита.

Социальное законодательство Пензенской области за период 2014–2018 гг. представлено целым рядом законов и подзаконных актов. В настоящей статье его развитие будет рассмотрено на примере изменения регионального закона о социальном обслуживании.

В 2014 году состоялось принятие Закона Пензенской области № 2645-ЗПО «О социальном обслуживании граждан в Пензенской области» [2]. В апреле 2018 года Законодательным Собранием Пензенской области был принят Закон Пензенской области № 3181-ЗПО «О внесении изменения в статью 5 Закона Пензенской области «О социальном обслуживании граждан в Пензенской области» [3].

Прежний закон № 2645-ЗПО «О социальном обслуживании граждан в Пензенской области» был принят Законодательным Собранием Пензенской области 18 ноября 2014 года и подписан губернатором В.К. Бочкаревым [2]. Он включал в себя 9 статей.

Статья 1 Закона № 2645-ЗПО обозначала предмет его регулирования: «Настоящий Закон устанавливает правовое регулирование и организацию социального обслуживания в Пензенской области в пределах полномочий, установленных федеральным законодательством для органов государственной власти субъекта Российской Федерации в сфере социального обслуживания». Эти полномочия определяет статья 8 ФЗ от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [1].

Статья 2 Закона № 2645-ЗПО указывает на источники правового регулирования отношений в сфере социального обслуживания в Пензенской области: «Отношения в сфере социального обслуживания регулируются Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», а также другими федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, настоящим Законом и иными нормативными правовыми актами Пензенской области, содержащими нормы, регулирующие отношения в сфере социального обслуживания» [2].

Статья 5, в которую собственно и были внесены изменения в апреле 2018 г., перечисляет полномочия Правительства и Законодательного Собрания Пензенской области в сфере социального обслуживания. К полномочиям Правительства по ст.5 Закона № 2645-ЗПО относится правовое регулирование и организация социального обслуживания в Пензенской области в пределах полномочий, установленных Федеральным законом «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» и Законом № 2645 [2].

В ст. 5 Закона № 2645-ЗПО предусмотрено установление порядка утверждения тарифов на социальные услуги на основании подушевых нормативов финансирования социальных услуг, утверждение размера платы за предоставление социальных услуг и порядка ее взимания при предоставлении социальных услуг и социального сопровождения.

На основании Закона № 2645-ЗПО должно происходить утверждение размера и порядка выплаты поставщику или поставщикам социальных услуг компенсации, если гражданин получает социальные услуги, предусмотренные индивидуальной программой [2].

Ст.5 Закона № 2645-ЗПО рассматривает установление порядка реализации программ в сфере социального обслуживания, в том числе инвестиционных программ, предусматривает организацию поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, благотворителей и добровольцев, осуществляющих деятельность в сфере социального обслуживания граждан в Пензенской области в соответствии с федеральными законами и законами Пензенской области [2].

Именно в последний пункт ст. 5 Закона № 2645-ЗПО было внесено изменение (уточнение): после слова «добровольцев» появилась его расшифровка «волонтеров», что подчеркивает некоммерческий характер деятельности [3].

К полномочиям уполномоченного органа в сфере социального обслуживания согласно статье 6 Закона № 2645-ЗПО относятся признание граждан нуждающимися в социальном обслуживании, составление индивидуальной программы предоставления социальных услуг, осуществление регионального государственного контроля (надзора) в сфере социального обслуживания. Также сюда отнесена разработка и апробация методик и технологий в сфере социального обслуживания [2].

Данная информация в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации должна быть размещена на официальных сайтах в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и в средствах массовой информации. Там же размещается реестр поставщиков социальных услуг в Пензенской области.

В статье 6 предусматривается разработка и реализация мероприятий по формированию и развитию рынка социальных услуг, в том числе по развитию негосударственных организаций социального обслуживания в Пензенской области; разработка и реализация региональной программы социального обслуживания, утверждаемой Правительством Пензенской области.

Перечень социальных услуг, предоставляемых поставщиками социальных услуг, перечислен в приложении к Закону № 2645-ЗПО (ст. 7).

В приложении говорится, что получателям социальных услуг с учетом их индивидуальных потребностей предоставляются следующие виды различных социальных услуг:

- 1) Социально-бытовые услуги;
- 2) Социально-медицинские услуги;
- 3) Социально-психологические услуги;
- 4) Социально-педагогические услуги;
- 5) Социально-трудовые услуги;
- 6) Социально-правовые услуги;
- 7) Срочные социальные услуги [2].

В статье 8 зафиксировано следующее: размер предельной величины среднедушевого дохода для предоставления социальных услуг бесплатно равен полуторной величине прожиточного минимума, установленного в Пензенской области нормативным правовым актом Правительства Пензенской области для основных социально-демографических групп населения.

Постановлением Правительства Пензенской области от 07.05.2018 №257-пП прожиточный минимум в Пензенской области за 1 квартал 2018 установлен: на душу населения 8754 рубля, для трудоспособного населения 9414 рубля, для пенсионеров 7201 рубль, для детей 9313 рублей. По сравнению с 4-м кварталом 2017 прожиточный минимум увеличился:

- на душу населения на 428 руб. (4.89 %);
- для трудоспособных на 453 руб. (4.81 %);
- для пенсионеров на 325 руб. (4.51 %);
- для детей на 698 руб. (7.49 %);

25 апреля 2018 года состоялась очередная восьмая сессия Законодательного Собрания Пензенской области шестого созыва. Одним из вопросов повестки дня был доклад Е.А. Трошина - Министра труда, социальной защиты и демографии Пензенской области «О проекте закона Пензенской области «О внесении изменения в статью 5 Закона Пензенской области «О социальном обслуживании граждан в Пензенской области». Было предложено внести в пункт 15 статьи 5 Закона Пензенской области от 26 ноября 2014 года № 2645-ЗПО «О социальном обслуживании граждан в Пензенской области» изменение, дополнив его после слова «добровольцев» словом «(волонтеров)» [3] . По итогам голосования новый закон Пензенской области был принят.

Представляется, что внесённые изменения будут способствовать совершенствованию и развитию социального обслуживания граждан, проживающих в Пензе и области.

Библиографический список

1. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : федер. закон № 442-ФЗ от 28.12.2013 : [в ред. от 07.03.2018]. – URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-28122013-n-442-fz-ob/> (дата обращения: 15.03.2018).
2. О социальном обслуживании граждан в Пензенской области : Закон Пензенской области № 2645-ЗПО от 26.11.2014 // Пензенские губернские ведомости. – 2014. – № 68.
3. О внесении изменения в статью 5 Закона Пензенской области «О социальном обслуживании граждан в Пензенской области» : Закон Пензенской области № 3181-ЗПО от 28.04.2018. – URL: <http://www.zspo.ru/legislative/acts/46250/> (дата обращения: 15.03.2018).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Е. Ю. Савочкина

*магистрант юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А. Л. Гусева),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Рассматривается взаимодействие органов прокуратуры Российской Федерации с институтами гражданского общества.

Выделены основные формы взаимодействия. В статье отмечена важная роль сотрудничества органов прокуратуры и институтов гражданского общества.

Ключевые слова: прокуратура, институты гражданского общества, взаимодействие, права, свободы, правопорядок, законность, просвещение.

Российская Федерация – демократическое правовое государство [3]. Демократическое государство невозможно без гражданского общества между этими понятиями существует неразрывная связь. Она проявляется через права и свободы личности, которые провозглашены и гарантированы в правовом государстве. Права и свободы являются главным звеном, которое соединяет гражданское общество и государство.

Органы прокуратуры занимают особое место в системе органов государственной власти Российской Федерации, они призваны осуществлять надзор за соблюдением права и свободы человека и гражданина.

Словарь русского языка С. И. Ожегова определяет взаимодействие как взаимную связь явлений либо взаимную поддержку. Взаимодействие органов прокуратуры с институтами гражданского общества – это совместная деятельность субъектов, каждый из которых, имея свои собственные цели, к которым он стремится (являясь при этом частью общей организованной системы), одновременно достигает общих для них целей – защиты прав и свобод человека и гражданина, устойчивого состояния законности и правопорядка [1, с. 29]. Улизко К. А. пишет, что без взаимодействия органов прокуратуры с институтами гражданского общества деятельность первых была бы минимизирована [8, с. 231].

Взаимодействие как процесс, в котором одной стороной выступает государство в лице органов прокуратуры и ее должностных лиц строится на принципах. К ним относится принцип законности, т.е. деятельность осуществляется в соответствии требований закона и подзаконных. Согласованности усилий субъектов процесса, которые совершают своевременно все необходимые действия, направленные на достижение результата. Принцип невмешательства в деятельность друг друга.

Приказа Генпрокуратуры РФ от 10 сентября 2008 г. № 182 «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению» регла-

ментирует деятельность органов прокуратуры и из должностных лиц по сотрудничеству с общественными организациями и средствами массовой информации. Галкин А. И. и Каинов А. С. провели системный анализ указанного нормативного акта и выделили следующие формы взаимодействия:

1) Совместное проведение научно-практических конференций, «круглых столов» по вопросам укрепления правопорядка и законности. В 2016 году прокуратурой Пензенской области был реализован проект «Диалог с прокурором», в рамках данного проекта были проведены встречи, в которых участвовали представители общественной организации «Союз пенсионеров России» [6].

2) Информирования населения о роли прокуратуры и институтов гражданского общества в защите прав и свобод человека и гражданина, о состоянии законности в стране, в том числе в сети интернет.

3) Правовое просвещение населения России, проведение лекций, консультаций. В 2013 г. с участием представителей Общественной палаты Республики Марий Эл, прокуратуры Республики Марий Эл, УФСИН России по Республике Марий Эл были проведены праворазъяснительные мероприятия с осужденными во всех исправительных учреждениях, расположенных на территории республики.

Приведенные три формы взаимодействия можно объединить в одну форму – *правовое просвещение*, поскольку их сложно разграничить между собой. Проводя научно-практических конференций, «круглых столов», лекции органы прокуратуры преследуют цель правового просвещения, повышения уровня правовой культуры населения и осуществляют информирование населения о своей деятельности.

4) Привлечение институтов гражданского общества к правотворческой деятельности. Институты гражданского общества наряду с органами прокуратуры могут проводить антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов в целях обеспечения, охраны и защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Такое право закреплено в статье 5 Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

5) Совместное расследование нарушений прав человека институтами гражданского общества и прокуратуры. Общественные организации в России очень часто поднимают злободневные темы, в том числе и нарушения прав человека, привлекают внимание органов государственной власти. Правозащитные организации обладают первичной информацией о нарушениях прав человека. Они информируют прокуратуру о факте нарушений прав и свобод человека. В регионах существует практика заключения соглашений о сотрудничестве между органами прокуратуры субъектов РФ и общественными организациями. Договор о совместной деятельности был заключен между Прокуратурой Республики Татарстан и общественной организацией «Правозащитный Центр» в 2002 году. В 2014 году было подписано соглашение о сотрудничестве и взаимодействии между прокуратурой Калининградской области и Калининградская региональная общественная организация по поддержке в формировании полноценной среды жизнедеятельности человека «СОЮЗ МАТЕРЕЙ» [2, с. 247]. Однако соглашения о взаимодействии и сотрудничестве заключены не во всех регионах России. На федеральном уровне между Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Общественной палатой Российской Федерации подписано Соглашение о межведомственном взаимодействии в 2013 году, оно предусматривает обмен информацией о нарушениях законодательства, прав, свобод и охраняемых законом интересах граждан, совместные рабочие выезды в субъекты Российской Федерации.

6) Участие в судебных разбирательствах по уголовным и гражданским делам. Участие общественных организаций по уголовным делам существенно ограничено, поскольку УПК РФ не содержит такого понятие как общественный защитник. Однако правозащитные организации привлекают к участию в процессе адвокатов, являющихся членами общественной организации, либо сотрудничающих с ними на возмездной основе. В гражданских делах взаимодействие органов прокуратуры и общественных организаций можно рассматривать в двух случаях. В первом и сотрудники прокуратуры и представители общественной организации выступают на одной стороне и представляя интересы одного и того же участника процесса. Во втором представляют интересы спорящих сторон.

Следует сказать, что встречаются случаи, когда институты гражданского общества злоупотребляют своими правами. Например, в 2015 г. прокуратурой Саратовского района проведена проверка соблюдения законодательства о защите прав предпринимателей. В ходе проверки выявлены многочисленные факты незаконных проверок, проводимых Саратовским региональным общественным учреждением «Комитет по общественной безопасности в сфере защиты прав потребителей» в отношении предпринимателей.

Таким образом, можно говорить о тесном контакте органов прокуратуры и институтов гражданского общества. Их совместная работа, вызывает у общества повышенный интерес, способствует повышению уровня правовой культуры, правосознания, обеспечения законности и правопорядка.

Библиографический список

1. Будаи, С. Н. Взаимодействие органов прокуратуры Российской Федерации с институтами гражданского общества / С. Н. Будаи, Т. Е. Чернышова, В. В. Артемов // Академия Генпрокуратуры РФ, 2010. – С. 29.
2. Галкин, А. Г. Взаимодействие институтов гражданского общества и прокуратуры / А. Г. Галкин, А. С. Каинов // Вестник КГУ им. А. Н. Некрасова. – 2011. – № 5. – С. 246–249.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
4. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Российская газета. – 2017. – 20 декабря. – № 7454.
5. Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению: приказ Генпрокуратуры РФ № 182 от 10.09.2008 : [в ред. от 22.04.2011] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2018).
6. Официальный сайт прокуратуры Пензенской области. – URL: http://www.proscpenza.ru/public_news/2017/01/9/11455455 (дата обращения: 10.03.2018).
7. Толковый словарь Ожегова. – URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%> (дата обращения: 10.03.2018).
8. Улизко, К. А. Взаимодействие институтов гражданского общества и органов прокуратуры как фактор обеспечения законности в системе государственного управления / К. А. Улизко // Вестник ТОГУ. – 2011. – № 1. – С. 231–236.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

И. Я. Саутиев

студент факультета

политико-правового управления

(научный руководитель: к.ю.н., доцент А. С. Алихаджиева),

Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина,

г. Саратов

Аннотация. Исследуется проблема эффективности правового регулирования охраны окружающей среды в России. Конституция Российской Федерации регулирует сферу взаимодействия общества и природы. Однако, несмотря на принятые государством решения по переходу Российской Федерации к устойчивому развитию, с обязательной разработкой региональных концепций, стратегий и программ устойчивого развития, во многом, конституционные нормы остаются декларативными.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, экологический порядок, экологическая безопасность, конституционно-правовые основы.

Устойчивое развитие Российской Федерации, высокое качество жизни и здоровья её населения, а также национальная безопасность могут быть обеспечены только при условии сохранения природных систем и поддержания соответствующего качества окружающей среды. Поэтому в стратегию национальной безопасности Российской Федерации одним из пунктов включена экологическая безопасность как гарантия стабильного развития общества и благоприятных условий жизни населения. Однако, на современном этапе Российская Федерация имеет ряд проблем в сфере экологии. Так, в докладе международного энергетического агентства указывается, что ежегодно 6,5 млн человек во всем мире преждевременно умирают от загрязненного воздуха, и только за один день население планеты в силу этого фактора сокращается на 18 тыс. Россия оказалась в первой пятерке: выяснилось, что 140 тыс. россиян ежегодно погибают от загрязненного воздуха [1].

Нормативно-правовое регулирование экологической безопасности регулируется Конституцией Российской Федерации, определяющей посредством федерального законодательства и нормативных правовых актов субъектов Федерации систему институциональных мер, обеспечивающих экологическую безопасность Российского государства. Категория «экологическая безопасность» находит свое отражение в пункте «д» ч. 1. ст. 72 Основного закона Российской Федерации [2]. Экологическая безопасность – составная часть экологического правопорядка Российского государства. В современной юридической науке экологический правопорядок понимается как сфера взаимодействия общества и природы, основывается на правовых нормах, обеспечивающих экологическую безопасность граждан. «В свою очередь, экологическая безопасность распространяется на структурные уровни экологического правопорядка, выраженные в конституционных предписаниях, и является организационным, правовым и информационным ядром экологического правопорядка» [3, с. 10]. Экологическая безопасность (безопасность в экологической сфере) – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от потенциальных или реальных угроз, создаваемых последствиями антропогенного воздействия на окружающую среду, а также от стихийных бедствий и катастроф [4].

Глава 2 Основного закона государства предусматривает права и свободы человека и гражданина и в качестве основополагающего права личности выступает признаваемое и гарантируемое государством право на благоприятную окружающую среду. Конституция РФ заложила основу для формирования правовых норм, регулирующих вопросы экологической системы на уровне федерального и регионального законодательства. Однако, необходимо отметить, что на конституционном уровне вопросы экологического правопорядка и экологической безопасности регулируются и определяются в общем порядке. Экологический правопорядок и безопасность государства раскрываются в ряде иных нормативных правовых актов.

На данный момент относительно экологической системы общества приняты различные нормативные акты, а именно Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 N 52-ФЗ, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 года № 7-ФЗ Указ Президента

РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года», Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 N 1225-р <Об Экологической доктрине Российской Федерации> и т.д. Так, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 года № 7-ФЗ определяет правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды, обеспечивающие сбалансированное решение социально-экономических задач, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

Несмотря на имеющуюся нормативную базу в области обеспечения экологической безопасности и правопорядка, состояние окружающей среды оставляет желать лучшего, поскольку 40 % территории России фактически представляют собой зону экологического бедствия. Это цифра говорит о том, что более 60 % всего населения России – жители центральной и южной Европейской части Российской Федерации, среднего и южного Урала, Западной Сибири и Поволжья – проживают в экологически неблагоприятных районах. Интенсивная хозяйственная деятельность, продолжающаяся уже более ста лет, как обратная сторона научно-технической революции и привела Россию к экологическому кризису, который сопровождается сегодня экономическими проблемами, ухудшением качества жизни населения, увеличением заболеваемости населения, снижением рождаемости, сокращением продолжительности жизни [5]. Конституционное право на жизнь каждого (ст. 20), по мнению А. С. Алихаджиевой, «это не просто прописная норма, скорее серьезная демографическая проблема, нерешенная на государственном уровне. Природа названного нематериального блага сродни праву на жизнь в здоровой среде, а это означает, что его охрана становится приоритетом для России. Загрязнение окружающей среды в глобальном масштабе достигло такого уровня, что медики официально признали некачественную экологию главным фактором, влияющим на человеческую смертность» [6, с. 8].

Необходимо отметить, что анализ Конституции РФ даёт основание полагать, что конституционные положения, указанные в статье 42 служат отправным началом для формирования правовой базы, направленной для создания системы экологической безопас-

ности. Необходимо отметить, что Основной закон не обеспечивает экологическую безопасность и экологический правопорядок. В данной связи видится необходимым принятие на уровне Федерации закона «Об экологической безопасности», а также разработать и создать административно-правовой механизм реализации «Стратегии экологической безопасности Российской Федерации»

Обеспечение экологической безопасности является важнейшей составляющей государственной национальной безопасности, что обуславливает необходимость в направлении вектора государственной политики на обеспечение экологического правопорядка и безопасности. На данный момент времени конституционно-правовая основа не позволяет установить в рамках России ни экологического правопорядка, ни экологической безопасности, что обуславливает необходимость в создании системы действенных мер, посредством которых государство решит имеющиеся в данной сфере проблемы.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 1 ; 2009. – № 1. – Ст. 2 ; 2014. – № 6. – Ст. 548 ; 2014. – № 30. – Ст. 4202.

2. Алихаджиева, А. С. Конституционно-экологическое развитие современного российского государства / А. С. Алихаджиева // Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и Европейского союза: состояние и эффективность : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского). – Саратов, 2017. – С. 7–12.

3. Грешневиков, А. Н. Проблемы экологической безопасности России / А. Н. Грешневиков // Право и безопасность. – URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_16_21.htm/ (дата обращения: 14.04.2018).

4. Россияне задыхаются как азиаты. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2016/06/28_a_8338619.shtml (дата обращения: 14.04.2018).

5. Устьянцева, О. В. Конституционно-правовые основы обеспечения экологической безопасности в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Устьянцева О. В. – Саратов, 2012.

6. Экологические проблемы безопасности. – URL: <https://knowledge.allbest.ru/ecology/2c0a65625b> (дата обращения: 14.04.2018).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М. Я. Саутиев

*студент факультета экономики и управления
(научный руководитель А. С. Айрапетян, к.ю.н., доцент),
Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина,
г. Саратов*

Аннотация. Уделено внимание изучению перспектив развития электронного голосования в России, в частности, возможности внедрения электронного голосования на выборах, а также на референдумах. Актуальность избранной темы обусловлена постоянными изменениями в действующем избирательном законодательстве, затрагивающими права граждан на информацию о выборах; использованием новых информационных технологий на выборах в Российской Федерации.

Ключевые слова: электронное (дистанционное) голосование, принцип тайного голосования, электронная подпись, референдум.

В современное время развитие электронного голосования на выборах в России обусловлено постепенной необходимостью модернизации избирательного процесса, повышение его подотчётности, прозрачности, а также технологичности. Согласно Федеральному закону от 12.06.2003 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [2] Центральная избирательная комиссия (далее-ЦИК России) в России является органом, ответственным за реализацию электронного голосования на выборах и референдумах. Первые эксперименты по электронному голосованию были проведены в 2006 году. В это же время были разработаны первые инструкции ЦИК России «О порядке электронного голосования, подсчёта голосов избирателей, участников референдума, установления итогов голосования на избирательном участке, участке референдума, установления итогов голосования и определения результатов выборов, референдума вышестоящими комиссиями» [7] и «О порядке использования комплексов для электронного голосования на выборах и референдумах, проводимых на территории Российской Федерации» [4]. Благодаря этим инструкциям сформировались определённые основы использования и применения комплексов электронного голосования в избирательном процессе Российской Федерации. В 2007 году в данные инструкции были вне-

сены некоторые изменения, а в 25 сентября этого года была принята Инструкция ЦИК России по тем вопросам, которая имела непосредственное отношение к организации и проведению электронных выборов в России. В феврале 2010 года Постановлением ЦИК [3] России была утверждена Временная инструкция о порядке использования комплексов электронного голосования на выборах депутатов Рязанской областной Думы пятого созыва. Этот документ устанавливал основные принципы проведения на одном из избирательного участка Рязанской области эксперимента по применению электронного голосования. Однако данный документ имел только целевое региональное значение и являлся своего рода только «пробой пера». Данная экспериментальная практика по внедрению электронных выборов на территории Российской Федерации в целом соответствует общепринятым европейским стандартам, поскольку для того, чтобы обеспечить качественное внедрение электронного голосования в избирательную практику нашей страны необходимо сначала провести апробацию на уровне местного и регионального значения.

В 2011 году ЦИК России утвердила своим постановлением временный порядок электронного дистанционного голосования, а также порядок использования комплексов электронного голосования на выборах и референдумах, которые проводятся на территории Российской. Через полгода данное постановление утратило и свою юридическую силу и было заменено «Порядком электронного голосования с использованием комплексов для электронного голосования на выборах, проводимых в Российской Федерации» (утв. Постановлением ЦИК России от 7 сентября 2011 г. №31/276-6, действует по настоящее время) [5]. Также нужно отметить, что данное постановление стало наиболее специализированным и в этом смысле ограниченным, так как он регулирует использование электронного голосования на референдумах. В настоящее время в Российской Федерации отсутствуют нормативно-правовые акты, регулирующие порядок применения электронного голосования на референдумах. Это свидетельствует о том, что необходимо соответствующим органам доработать существующую систему электронного голосования для наиболее широкого применения данной системы. Важно учесть то, что благодаря широкому внедрению данного вида голосования на референдумах и выборах, электронное голосование внесёт неоценимый вклад в развитие современной демократии, станет толчком к значительному расширению приме-

нения референдумов всех уровней в демократической практике Российской Федерации. Необходимо также заметить, что ЦИК России, как орган, который является ответственным за развитие и применение электронного голосования на выборах, пытается в силу своих юридических полномочий находить наиболее организационные решения для более безопасного, качественного и прозрачного внедрения электронного голосования в избирательную практику нашей страны, учитывая ее специфику избирательной системы. Но видится целесообразным обратить в первую очередь своё внимание на соблюдение главных принципов избирательного процесса, которые формулируют самые важные требования к участникам данного процесса и являются основой правового регулирования избирательных отношений. Одним из таких принципов, закрепленный в ч. 1 ст. 81 Конституции РФ [1] является принцип тайного голосования. Любые реформы, носящие в себе несоответствие принципам всеобщего, равного, прямого избирательного права, отрицательно сказываются на развитие общества, что в свою очередь вызывают появление проблем и кризисов. Так, А. Белкин отмечал, что «принципы субъективного избирательного права должны быть положены в основу концепции правового регулирования выборов, так как без них содержательное наполнение методов и способов юридического воздействия на участников общественных отношений, опосредующих организацию и проведение выборов, будет лишено социально значимых ориентиров и координат» [8].

В связи с этим видится целесообразным принятие комплекса мер, которые бы способствовали выходу из сложившейся ситуации. Необходимо, на наш взгляд, создание и внедрения мер технического и правового характера, посредством которых можно будет развить систему дистанционного электронного голосования. Технические меры выражаются в необходимости разработки программного обеспечения, исключающего возможность идентификации личности без ее согласия или результатов голосования на любом его этапе. Правовое регулирование дистанционного электронного голосования подразумевает необходимость во внесении изменений в ряд нормативных правовых актов. Так, основные изменения должны касаться корректировки определения «электронное голосование», данного в п. 62 ст. 2 Федерального закона Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», и дополнить его

фразой «и средств дистанционного голосования». Также видится целесообразным разработка компетентным органом в области избирательного процесса, а именно Центральным избирательным комитетом России соответствующего Постановления, определяющего порядок проведения дистанционного электронного голосования. Данный комплекс мер выступает лишь начальным этапом в становлении системы электронного голосования. В перспективе видится целесообразным создание Избирательного кодекса Российской Федерации с отдельной главой «О дистанционном электронном голосовании в Российской Федерации». В связи с этим видится необходимым в ближайшей перспективе создания данной системы и на территории Российской Федерации, что позволят модернизировать и вывести на новый уровень избирательный процесс.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон № 67-ФЗ от 12.06.2002 : [в ред. от 01.06.2017 г. № 104-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253 ; 2017. – № 23. – Ст. 3227.

3. О временной инструкции «О порядке использования комплексов для электронного голосования при обработке технологии применения отдельных перспективных программно-технических средств на выборах депутатов Рязанской Областной пятого созыва» : постановление № 193/1347-5 от 19.02.2010. – URL: <http://lawru.info/dok/2010/02/19/n226166.htm> (дата обращения: 22.03.2018).

4. О Порядке электронного голосования с использованием комплексов для электронного голосования на выборах, проводимых в Российской Федерации : постановление ЦИК России № 31/276-6 от 07.09.2011 : [в ред. от 12.08.2015]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119607/ (дата обращения: 22.03.2018).

5. О временной инструкции «О порядке использования комплексов для электронного голосования при обработке технологии применения отдельных перспективных программно-технических средств на выборах депутатов Рязанской Областной пятого созыва» : постановление № 193/1347-5 от 19.02.2010. – URL: <http://lawru.info/dok/2010/02/19/n226166.htm> (дата обращения: 22.03.2018).

6. О внесении изменений в Инструкцию о порядке электронного голосования, подсчета голосов избирателей, участников референдума, установления итогов голосования на избирательном участке, участке : постановление ЦИК России № 199/1245-4 от 21.02.2007. – URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-tsik-rossii-ot-21022007-n-1991245-4> (дата обращения: 22.03.2018).

7. Обеспечение конституционного принципа тайного голосования при проведении электронного голосования в Российской Федерации. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-konstitutsionnogo-principa-taynogo-golosovaniya-pri-provedenii-elektronnogo-golosovaniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 22.03.2018).

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ

Р. М. Тюгаев

*магистрант юридического факультета
(научный руководитель: д.ю.н., д.и.н., профессор В. В. Гошуляк),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Рассматриваются особенности правового статуса Президента Российской Федерации, в основе которого лежат конституционные нормы. Исследуются вопросы верховенства власти, в том числе превалирующее положение Президента России над иными структурами государственного механизма, а также особенности участия главы государства в процессе законотворчества.

Ключевые слова: верховная власть, Конституция РФ, правовой статус, Президент России.

Глава государства олицетворяет символ единства государства и преемственности, выступает арбитром (посредником) в повседневной деятельности органов государственного аппарата, как представитель единства нации, осуществляющий гарантированное обеспечение деятельности государственного механизма.

В. В. Гончаров полагает, что глава государства является неотъемлемой составляющей административной (исполнительной) ветви власти: «На федеральном уровне исполнительная власть представлена Президентом РФ; Правительством РФ» [4, с. 23].

Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин высказываются о наличии вновь введенной Конституцией РФ категории статуса Президента РФ, которая показывает, что глава государства России занимает обособленную позицию в структуре механизма государственного аппарата, так как не включен в состав ни одной из трех ее ветвей [5, с. 354].

А. Н. Кокотов и М. И. Кукушкин утверждают, что «правомочия верховного управления» – это президентское право [7, с. 408].

Проанализировав это утверждение, отметим следующее.

Во-первых, сложно представить «верховную власть» в лице исключительно Президента РФ, так как он, совместно с органами исполнительной власти осуществляет исполнение норм Конституции РФ, законодательства федерального уровня, в том числе указов Президента РФ (ст. 114 Конституции Российской Федерации) [1].

Во-вторых, форма правления, которая регламентирована Конституцией РФ, исключает Правительство РФ из рамок непосредственного подчинения Президенту РФ, что противоречит категории «верховного управления».

Характеризуя составляющие верховенства правового статуса Президента РФ, отметим следующее.

В странах с разными формами правления верховенство главы государства определяются в Основных законах страны как верховные властные полномочия, при обеспечении принципа единства власти.

В отечественной Конституции закреплён принцип разделения властей, а также определено место Президента РФ в механизме государственного аппарата.

Президент России наделяется правомочиями власти непосредственно от носителя суверенитета и единственного источника власти в нашей стране - ее многонационального народа [10, с. 164].

Глава российского государства осуществляет указанную власть непосредственно, а также через структурные элементы государственного аппарата и органы местного самоуправления (ст. 3 Конституции РФ).

Указанные характеристики и критерии определяют верховенство статуса Президента РФ и его место в структуре государственных органов управления России.

Также подтверждение этому можно увидеть в том, что именно с Президента РФ в статье 11 Конституции РФ начинается пере-

числение органов государственной власти. Причем иерархия расположения Главы 4 Конституции РФ о Президенте России среди иных глав, посвященных закреплению правового статуса органов государственной власти страны (главы 4–7), также подтверждает первенство статуса главы государства.

Отметим, что дополнительно верховенство статуса Президента РФ прослеживается в том, что он, в отличие от органов законодательной, исполнительной и судебной власти, как глава государства наделен полномочиями в отношении Федерального Собрания РФ, Правительства РФ и в отношении органов судебной власти (в частности, он принимает участие в формировании других органов государственной власти, координации их деятельности и т.д.).

Президент РФ по сравнению с другими органами государственной власти (но не по отношению к таким источникам права, как Конституция РФ и федеральные законы) обладает некоторыми другими признаками верховенства.

В сфере нормотворчества его указы по юридической силе уступают только Конституции РФ и федеральным законам, а в отношении самих федеральных законов он наделен правом вето и правом законодательной инициативы; он вправе отменять постановления Правительства РФ и приостанавливать действие нормативных правовых актов органов исполнительной власти субъектов Федерации (ст. 90, 85, 115 Конституции) [8, с. 97].

Реально верховенство Президента РФ в сфере нормотворчества благодаря государственному режиму может как осуществляться в более широких пределах, так и сужаться.

Под государственным режимом мы понимаем основанный на юридических признаках формы правления реальный порядок функционирования и взаимодействия высших органов государственной власти и других элементов политической системы, складывающийся под влиянием различных политических сил (существующей партийной системы, избирательной системы, итогов и очередности выборов и др.) в указанных структурах.

Расширение возможностей верховенства Президента РФ в нормотворческой сфере реально может иметь место и в тех случаях, когда речь идет о выполнении им функций гаранта Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина (ст. 80 Конституции). А также в выполнении обязательств присяги, которую Президент России приносит народу при вступлении в должность (ст. 82 Конституции) [3, с. 117].

Даже главы государств с парламентской формой правления, которые по конституции являются всего лишь «символами единства», когда речь идет о выполнении данной ими присяги, отказываются быть нейтральными. Если президенту дается со стороны правительства совет, заставляющий его действовать в явном противоречии с Конституцией, он ни в коей мере не может иметь обязательного для главы государства характера из-за того, что при вступлении в должность он принимает присягу защищать и охранять Конституцию, которой обязан руководствоваться в критический момент.

Подобное расширение возможностей верховенства Президента РФ в связи с выполнением им указанных функций многократно являлось предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ и получило его поддержку в соответствующих решениях. Например, Конституционный Суд РФ высказал свою правовую позицию в указанном смысле в Постановлении от 30 апреля 1996 г. № 11-П [2].

Постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 1998 г. № 11-П, по существу, лишило Президента РФ возможности оспорить действия палат парламента в законодательном процессе – в порядке разрешения дела о конституционности федерального закона. В этом вопросе мы солидарны с особым мнением судьи Конституционного Суда Э.М. Аметистовым, который ссылается на абз. 4 п. 5 мотивировочной части Постановления от 22 апреля 1996 г., где указывается, что Президент в силу ч. 2 ст. 80 и ч. 1 ст. 107 Конституции РФ (предусматривающей, что Президенту для подписания и обнародования направляется лишь принятый федеральный закон) вправе вернуть федеральный закон в соответствующую палату в случае нарушения установленного Конституцией порядка принятия федерального закона, если эти нарушения ставят под сомнение результаты волеизъявления палат Федерального Собрания и само принятие закона.

Такой закон, указывается далее в том же Постановлении, не может считаться «принятым федеральным законом» в смысле ч. 1 ст. 107 Конституции, а его возвращение в палаты Федерального Собрания – отклонением в смысле ч. 3 ст. 107 Конституции, поскольку установленные Конституцией требования к принятию федерального закона и предусмотренные ею условия и процедуры носят безусловный характер и не могут меняться по усмотрению участников законодательного процесса [9, с. 42].

Признак верховенства в конституционно-правовом статусе Президента РФ дает ему право, в соответствии с Конституцией РФ, с той или иной степенью самостоятельности участвовать в формировании других органов государственной власти (назначать дату выборов и распускать Государственную Думу, назначать с согласия Государственной Думы Председателя Правительства РФ, а по представлению последнего - назначать (и отстранять от должности) заместителей Председателя Правительства и федеральных министров; отправлять в отставку Правительство РФ, представлять Совету Федерации кандидатуры для назначения на должности судей Конституционного, Верховного Суда Российской Федерации и др.).

Президент РФ наделен ст. 89 Конституции правом помилования, которое в определенном смысле является надправовым и надзаконным [6, с. 205].

Следовательно, Президент России, в соответствии с конституционными положениями о нем, наделен определенными признаками верховенства власти, которые позволяют ему доминировать как по отношению к другим органам государственной власти, так и в сфере нормотворчества, принимать участие в формировании других органов государственной власти, в обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти и в других вопросах.

Библиографический список

1. Конституция Российской (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом : постановление Конституционного Суда РФ № 11-П от 30.04.1996 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 19. – Ст. 2320.

3. Авакьян, С. А. Конституционное право Российской Федерации : учеб. курс : в 2 т. / С. А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп. – М., 2014. – Т. 2. – 658 с.

4. Гончаров, В. В. Место и роль Президента Российской Федерации в системе исполнительной власти в стране / В. В. Гончаров // Юридический мир. – 2015. – № 3. – С. 21–27.

5. Козлова, Е. И. Конституционное право России : учебник / Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2015. – 905 с.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. – 3-е изд., пересмотр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 726 с.
7. Конституционное право России : учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов, М. И. Кукушкин. – 4-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. – 549 с.
8. Кутафин, О. Е. Глава государства : монография / О. Е. Кутафин. – М. : Проспект, 2013. – 157 с.
9. Осавелюк, А. М. Президент в конституционном механизме власти в Российской Федерации / А. М. Осавелюк, Е. А. Осавелюк // Гражданин. Выборы. Власть. – 2013. – № 2. – С. 40–49.
10. Эбзеев, Б. С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования / Б. С. Эбзеев. – М. : Проспект, 2014. – 443 с.

ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С ДРУГИМИ ТЕРМИНАМИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

С. С. Шамшин

*магистрант юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент В. А. Катомина),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Исследуются юридические аспекты понятия информационной безопасности, а также взаимосвязь информационной безопасности и защиты информации с обеспечением закрепленных конституцией прав и свобод граждан в информационной сфере.

Ключевые слова: информационная безопасность, защита информации, информационное право, информационная сфера, угроза информационной безопасности.

Информационная сфера является системообразующим фактором жизни современного общества. Под информационной сферой понимается совокупность информации, информационной инфраструктуры, субъектов, осуществляющих сбор, формирование,

распространение и использование информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных отношений.

Информационная сфера активно влияет на состояние экономической, политической, оборонной и иных составляющих безопасности Российской Федерации. Именно в ней при выполнении информационных процессов возникают общественные отношения, подлежащие правовому регулированию. Эти общественные отношения являются основным предметом информационного права [1, с. 32].

В условиях возрастающей роли информации как объекта правоотношений обеспечение информационной безопасности является залогом как национальной безопасности Российской Федерации, так и благополучия её граждан.

Само понятие «информация» в контексте информационной сферы рассматривается как сведения (об объекте, процессе, явлении и т.д.), вне зависимости от формы их представления.

Термин «информационная безопасность» был впервые закреплён в утратившем ныне силу федеральном законе «Об участии в международном информационном обмене». В соответствии с ним, под этим понятием понималось состояние защищённости информационной среды общества, обеспечивающее её формирование, использование и развитие в интересах граждан, организаций, государства.

Хотя различные нормативно-правовые акты трактуют термин «информационная безопасность» исходя из своей специфики, наиболее близким по значению будет определение из действующего государственного стандарта «ГОСТ Р 53114-2008 Защита информации. Обеспечение Информационной Безопасности в Организации. Основные термины и определения», которое определяет информационную безопасность как состояние защищённости информации (данных), при котором обеспечены её (их) конфиденциальность, доступность и целостность.

Конфиденциальность, доступность и целостность, в свою очередь, являются основными свойствами защищаемой информации.

Конфиденциальность – состояние информации, при котором доступ к ней осуществляют только субъекты, имеющие на неё право.

Целостность – избежание несанкционированной модификации (изменения) информации.

Доступность – избежание временного или постоянного сокрытия информации от субъектов, имеющих права доступа к данной информации.

Основными направлениями обеспечения информационной безопасности Российской Федерации являются:

- защита информационных прав и свобод человека и гражданина;
- защита информационных ресурсов, в том числе конфиденциальной информации (информации, доступ к которой ограничен), от неправомерного доступа;
- защита общества от деструктивной или недоброкачественной информации.

Важнейшими объектами правоотношений в сфере обеспечения информационной безопасности являются права и свободы личности в информационной сфере, в частности, право на доступ к информации, право на образование, право на доступ к культурным ценностям, право интеллектуальной собственности, а также нравственные и культурные ценности общества, конституционный строй, демократия и территориальная целостность государства.

Субъектами правоотношений в сфере обеспечения информационной безопасности являются граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства, должностные лица органов государственной власти и органов местного самоуправления и государство в целом. Стоит отметить, что для всех субъектов, действующих в информационной сфере, устанавливается гражданско-правовая, административно-правовая и уголовная ответственность за неправомерное поведение в сфере обеспечения информационной безопасности.

В информационной сфере особое внимание уделяется реализации конституционных прав, свобод и интересов личности, таких как права на доступ к информации (в полном объеме) и свободное использование информации при осуществлении не запрещенной законом деятельности; использование информации в целях интеллектуального и культурного развития личности; защиту персональных данных, личной и семейной тайны [2, с. 47].

Интересы общества в информационной сфере заключаются в обеспечении интересов личности в этой сфере, достижении и поддержании общественного согласия, упрочении демократии, создании правового социального государства [4, ст. 1, 2, 7, 45].

Интересы общества в информационной сфере тесно взаимосвязаны с интересами личности, главным интересом общества в данной сфере является поддержание общественного согласия и добрососедских отношений между членами общества, недопущение каких бы то ни было форм дискриминации.

Интересы государства в информационной сфере заключаются в обеспечении условий для гармоничного развития информационной инфраструктуры, реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею в целях обеспечения незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и правопорядка, развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества.

Так как речь идет об обеспечении информационной безопасности, необходимо уделить внимание такому термину, как угроза информационной безопасности. Под угрозой информационной безопасности понимается совокупность условий, явлений, факторов, действий и т.д., создающих опасность нарушения информационной безопасности, т.е. способных вызвать потенциально опасное событие, которое может привести к нанесению ущерба интересам личности, общества, государства в информационной сфере.

Исходя из интересов в информационной сфере личности, общества и государства [5, с. 135] к угрозам информационной безопасности Российской Федерации относятся:

- угрозы информационным правам и свободам человека и гражданина;
- угрозы общественному сознанию граждан Российской Федерации;
- угрозы информационному обеспечению государственной политики Российской Федерации;
- угрозы информационному развитию России, включая угрозы развитию информационных технологий;
- угрозы безопасности средств связи и коммуникации [3, п. III].

В систему защиты информационной безопасности личности, общества и государства входят различные общегосударственные организационно-правовые средства, к числу которых относятся

Как и от любых других угроз, от угроз информационной безопасности можно и нужно защищаться. Алгоритм обеспечения комплексной защиты информации представляет собой следующую последовательность действий[5, с. 140]:

- Анализ потенциальных и реальных ситуаций, представляющих угрозу безопасности информации предприятия;
- Оценка характера угроз безопасности информации;
- Принятие и комплексное распределение мер для определения угрозы;

– Реализация принятых мер по предотвращению угрозы.

Средства, направленные на обеспечение информационной безопасности различаются, исходя из выбранных методов защиты информации. Методы бывают организационными, техническими и программными. Практически всегда используется совокупность вышеуказанных методов.

Организационные методы, исходя из своего названия, охватывают область организации обеспечения информационной безопасности. В частности, к организационным методам обеспечения информационной безопасности относятся такие средства, как разработка комплекса мероприятий по обеспечению информационной безопасности: правил поведения сотрудников (организации), собственников информации и субъектов правоотношений в области информационного обмена, разработка системы разграничения доступа к информации, контроль за действенностью используемых средств обеспечения информационной безопасности и иные организационные средства.

Программным методом обеспечения информации является установка различных программных продуктов на электронно-вычислительные машины (персональные компьютеры, ноутбуки) субъектов, имеющих доступ к конфиденциальной информации. Например, средством защиты информации при использовании программного метода будет установка антивируса, установка специальных средств защиты информации и подобных программных продуктов.

Инженерно-технические методы обеспечения информационной безопасности включают в себя установку физических барьеров, инженерно-технических сооружений и иных систем, препятствующих непосредственному физическому доступу субъекта, которому эта информации не предназначена (несанкционированный доступ). Инженерно-технические методы включают в себя установку заборов, замков (в т.ч. и электронных), контрольно-пропускных пунктов и т.д.

Стоит отметить, что данные методы масштабируются в зависимости от ценности защищаемой информации.

В заключении, следует отметить, что важнейшей задачей обеспечения информационной безопасности являются защита интересов личности, общества и государства, их гармоничное слияние в рамках глобального информационного пространства, сохранение баланса между государственной политикой в области

глобального информационного взаимодействия и защита национальных интересов в информационной сфере.

В условиях международного сотрудничества анализ изменений во внешней и внутренней политике других государств, а также изменения их законодательства и правоприменительной практики необходимы для обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

Библиографический список

1. Амелин, Р. В. Правовые отношения в сфере создания и использования государственных информационных систем / Р. В. Амелин // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 9. – С. 32–49.

2. Безруков, А. В. Конституционное право России : учеб. пособие / А. В. Безруков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юстицинформ, 2015. – 155 с.

3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации № 646 от 05.12.2016 // Российская газета. – 2016. – 6 декабря. – № 7144.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

5. Годованный, А. В. Информационное право : учеб. пособие / А. В. Годованный. – Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2010. – 247 с.

Раздел III

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

НАЦИОНАЛЬНАЯ УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ БОЛИВАРИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЕНЕСУЭЛА 2017 г.

А. П. Варюхина

*студентка юридического факультета,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Т. С. Львова

*студентка юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А. В. Александрова),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Рассматриваются цель, ход и итоги выборов Национальной Учредительной Ассамблеи Венесуэлы 2017 г. Описываются первые шаги Ассамблеи по реформированию государства и изменению Основного закона страны. Особое внимание уделяется вопросу оценки легитимности данного органа мировым сообществом.

Ключевые слова: Национальная Учредительная Ассамблея, Конституционная Ассамблея, Конституция, Основной закон страны, Венесуэла.

Данная статья – взгляд на роль Национальной учредительной ассамблеи Венесуэлы 2017 года и ее влияние на политический кризис в стране.

Основу правовой системы большинства государств представляет Конституция, нормы которой обладают верховенством и имеют высшую юридическую силу в отношении всех иных правовых актов.

Конституция Боливарианской республики Венесуэла 1999 г. в ст. 2 провозгласила, что Венесуэла представляет собой демократическое, социальное государство с приоритетом прав человека. Из этого положения следует, что отмена и принятие новой Конституции возможна только законодательным органом, формируемым избранными народом, при поддержке населения.

Любая корректировка конституции, а тем более ее замена новой конституцией, оказывает большое воздействие, как на политическое развитие государства, так и на жизнь всех слоев населения [4, с. 28].

На протяжении последних четырех десятилетий Венесуэла демонстрировала достоинства режима представительной демократии, что характеризовалось стабильным проведением очередных парламентских и президентских выборов. Однако системный кризис 80-х годов привел к стихийным выступлениям жителей крупных городов, двум неудавшимся попыткам государственного переворота в феврале и ноябре 1992 г., отстранению в мае 1993 г. президента страны А. Переса, избранию в 1998 г. Уго Чавеса Президентом страны.

Новый президент провозгласил идею создания «Пятой Республики» – «подлинно демократического общества социальной справедливости, основанного на идеалах Симона Боливара, идеалах национально-освободительной борьбы латиноамериканских народов и формирование режима социальной и партисипативной демократии (участия) в стране [9, с. 97].

Первоначально Уго Чавес добился от Национального конгресса особых полномочий для издания декретов социально-экономического характера, затем выиграл референдум 1999 г. по вопросу о созыве Национальной учредительной ассамблеи, для разработки и принятия новой Конституции.

В декабре 1999 года Национальная учредительная ассамблея Венесуэлы приняла новую Конституцию, подведя тем самым итог 40-летнему периоду развития данной латиноамериканской страны.

В основу Конституции Венесуэлы 1999 г. были положены идеи взаимной ответственности государства, личности и гражданского общества. В Конституции провозглашено намерение создать демократическое, справедливое общество, а также социальное правовое государство, государство федеральное и децентрализованное [9, с. 98].

После смерти Уго Чавеса в 2013 году новым президентом был избран его соратник Николас Мадуро, продолживший политику своего предшественника. К началу 2014 года в стране обострились экономические проблемы, что привело к острой критике правящего режима и к политическому кризису.

Для реформирования государства и изменения Основного закона страны 1 мая 2017 г. президент Николас Мадуро подписал указ о созыве Национальной учредительной ассамблеи. Глава гос-

ударства сослался на 347, 348 и 349 статьи Конституции Венесуэлы 1999 г., которые дают ему соответствующие полномочия.

16 июля 2017 года на неофициальном референдуме организованном оппозицией более 7 млн избирателей проголосовали против выборов в Национальную учредительную ассамблею.

По итогам выборов в Ассамблею вошли 545 депутатов, 200–250 из них выбраны из рабочего класса, остальные – по территориальному признаку на основе «прямого тайного голосования». Данный орган наделен правом менять Конституцию страны.

По первоначальному замыслу выборы в Ассамблею должны были поставить точку в споре главы государства с оппозицией, однако результат оказался противоположным. По мнению президента Мадуро, Национальная учредительная ассамблея, является истинной конституционной властью, необходимой для установления мира, в котором так нуждается республика [5].

Противоположное мнение высказывает оппозиция, считая, что создание Конституционной ассамблеи это шаг к установлению диктатуры Мадуро.

Национальный избирательный совет (НИС) по подготовке к выборам в Конституционную Ассамблею сообщил, что к участию в них были приглашены порядка 19,4 млн избирателей. По завершению голосования глава НИС Тибисай Лусена сообщила, что явка составила 41,53 %, на участки пришли 8 млн избирателей. «Баланс очень положительный, потому что выиграл мир, а когда выигрывает мир, выигрывает Венесуэла» – отметила Лусена. Однако по неофициальным данным явка составила около 3,7 млн человек [10].

Существует мнение, что многие члены Ассамблеи избирались не на открытых выборах, а были выбраны от общественных организаций, подконтрольных Президенту. Граждане, недовольные действиями властей протестовали на улицах, в результате погибло более 110 человек, в том числе кандидат в Конституционную Ассамблею юрист Хосе Феликс Пинеда.

30 июля 2017 года состоялись выборы в Ассамблею. 4 августа 2017 г. Конституционная ассамблея Венесуэлы начала свою работу.

Перспективы участия Ассамблеи в развитии государства Мадуро определил в интервью RT: «Национальная учредительная ассамблея – это единственный путь, который остается у Венесуэлы, чтобы реализовать процесс воссоединения, процесс мирного урегулирования конфликта. И этот путь очень успешен, я бы не ска-

зал, что это разделило страну. Я думаю, что он дал стране надежду и продолжает давать надежду на воссоединение страны, на примирение враждующих сторон в Венесуэле» [1].

По мнению экс-министра иностранных дел Дельси Родригес в число главных задач Конституционной ассамблеи войдут защита и обновление основного закона Венесуэлы, «мы пришли сюда не для того, чтобы уничтожить конституцию, мы пришли, чтобы убрать с пути все диктаторские препятствия, устроенные буржуазией, которые не позволяли в полной мере исполнять нашу конституцию» [3].

За период работы Национальной учредительной ассамблеи был совершен ряд действий, направленных на достижение поставленных перед Ассамблеей задач: реформирования государства и изменения Основного закона страны:

- на первом заседании Ассамблея уволила Луису Ортегу Диас с поста генерального прокурора. Новым прокурором был назначен Тарек Сааб – лидер движения за «Пятую республику»;

- 19 августа 2017 года Конституционная ассамблея единогласно проголосовала за принятие на себя полномочий парламента. Однако Парламент (большинство которого составляет оппозиция) решительно отверг это решение;

- 27 сентября 2017 г. Ассамблея проголосовала за начало суда над лидерами оппозиции, по обвинению в государственной измене, которые поддержали экономические санкции со стороны США;

- Ассамблея объявила о президентских выборах, которые состоятся во второй половине мая 2018 года, – крупнейшие партии, входящие в оппозиционную коалицию «Блок демократического единства», отказались участвовать в голосовании. Однако Мадуро заявил, что выборы пройдут в любом случае, с оппозицией или без нее, и страна получит «легитимно избранного президента».

В мировом сообществе существуют разные точки зрения на Национальную учредительную ассамблею Боливарской республики Венесуэла. Большинство стран осуждают ее, не признавая легитимность Ассамблеи.

Страны Латинской Америки (Бразилия, Чили, Колумбия, Аргентина, Мексика, Панама, Коста-Рика, Парагвай, Перу) считают, что Венесуэла станет страной-изгоем, если не откажется от своих планов. Страны блока Mercosur приостановили членство Венесуэлы до тех пор, пока Конституционная ассамблея не будет распущена.

США заморозили личные активы Мадуро и запретили ему въезд в страну. 11 августа 2017 года президент США Дональд Трамп заявил, «это наш сосед, у нас солдаты по всему миру, в местах, которые очень, очень далеко. Венесуэла находится не далеко, люди страдают, и они умирают. У нас есть много вариантов для Венесуэлы, включая возможный военный вариант в случае необходимости» [7].

Таким образом, на данном этапе Венесуэла находится в глубоком политическом кризисе. По мнению правительственных сил Венесуэлы Национальная Учредительная Ассамблея – это орган, который должен заменить контролируемый оппозицией парламент, защитить и обновить Конституцию. Создание Национальной ассамблеи было встречено неодобрением, как оппозицией Венесуэлы, так и международным сообществом. По прежнему нет четкого ответа на вопрос о легитимности Конституционной Ассамблеи.

Выборы в Ассамблею поддерживают постоянные союзники президента Мадуро: Боливия, Куба, Эквадор и Никарагуа, а также Россия и Сирия.

Российский лидер выражает надежду на то, что ситуация в Венесуэле продолжит оставаться стабильной, а так же желает удачи Мадуро и народу страны на предстоящих президентских выборах 2018 г.

Библиографический список

1. «Я недооценивал оппозицию»: президент Венесуэлы Мадуро дал интервью RT // Автономная некоммерческая организация «ТВ-Новости». – URL: <http://ru.rt.com/8uid> (дата обращения: 27.03.2018).
2. В Венесуэле начала работу Конституционная ассамблея // Информационное агентство России «ТАСС». – URL: <http://tass.ru/> (дата обращения: 27.03.2018).
3. Егоров, С. Ю. Конституционная ассамблея и референдум 15 декабря 1999 г. в Венесуэле как пример народовластия / С. Ю. Егоров // Вестник МИЭП. – 2016. – № 1 (22). – С. 27–35.
4. Когалов, Ю. Мадуро меняет основной закон. Президент Венесуэлы созывает учредительное собрание / Ю. Когалов // Российская газета. – 2017. – 2 мая. – № 7260 (94).
5. Конституция Боливарианской Республики Венесуэла 1999. – М. : Международные отношения, 2015. – 312 с.
6. Трамп не исключил «военного варианта» действий в отношении Венесуэлы // Информационное агентство России «ТАСС». – URL: <http://tass.ru/> (дата обращения: 27.03.2018).

7. Штатина, М. А. Разделение властей по Конституции Венесуэлы 1999 г. Федеральная власть и власть штатов, законодательная и исполнительная власть / М. А. Штатина // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. – 2000. – № 2. – С. 97–102.

8. Явка на выборах в Конституционную ассамблею Венесуэлы составила 41,53 % // Информационное агентство России «ТАСС». – URL: <http://tass.ru/> (дата обращения: 27.03.2018).

КОНСТИТУЦИИ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: РОССИЯ, БЕЛОРУССИЯ, УКРАИНА

Е. Н. Дуданова

*студентка юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А.В. Александрова),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Предпринята попытка сравнительно-правового анализа содержания конституций (основных законов) трех постсоветских государств – Российской Федерации, Белоруссии и Украины. Формулируются выводы относительно общих и особенных черт названных государств Восточной Европы.

Ключевые слова: конституция, право, форма правления, форма государственного устройства, поправки.

В переводе с латинского слово «*constitutio*» означает «учреждаю», «устанавливаю». Соответственно в юридическом смысле конституция это – нормативный акт учредительного характера.

Определяя сущность современной Конституции, необходимо выделить ее надклассовый характер. Она, как правило, является результатом взаимодействия множества политических сил.

Конституция Российской Федерации состоит из введения, двух разделов, девяти глав. Введение представляет собой нравственно-политические воззрения российского народа, которые обусловили принятие Конституции. В Конституции РФ закреплено, что Россия является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления [4]. 15 октября 1993 года президент Борис Ельцин подписал указ о всенародном голосовании по проекту конституции России и утвердил «Положение о всенародном голосовании по проекту Конституции Россий-

ской Федерации 12 декабря 1993 года». Согласно Положению, Конституция считалась одобренной, если за её принятие проголосовало большинство избирателей, принявших участие в голосовании, при том условии, что участие в голосовании приняло более половины числа зарегистрированных избирателей. Термин «всенародное голосование» (а не «референдум») был использован для того, чтобы обойти положение действовавшего Закона о референдуме РСФСР, согласно статье 9 которого референдум мог быть назначен лишь Съездом народных депутатов или Верховным Советом РФ, но в статье 1 данного закона оба эти термина являются равнозначными.

Голосование состоялось 12 декабря 1993 года. За принятие конституции проголосовало 58,43 %, против – 41,57 %. Новая конституция была принята и вступила в действие со дня её опубликования в «Российской газете» – 25 декабря 1993 года.

Предложения о поправках и пересмотре положений Конституции Российской Федерации могут вносить только: Президент Российской Федерации; Совет Федерации; Государственная Дума; Правительство Российской Федерации; Законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации; Группа численностью не менее одной пятой членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы. До 2008 года в Конституцию поправки не вносились (за исключением положений о новых наименованиях субъектов РФ, вносившихся указами Президента РФ). Однако с 2008 года и по настоящее время приняты поправки, увеличивающие срок полномочий Президента, депутатов Государственной Думы, упраздняющие Высший Арбитражный Суд, меняющие порядок формирования Совета Федерации.

Конституция Республики Беларусь была принята квалифицированным большинством депутатов Верховного Совета страны 15 марта 1994 года и вступила в силу 30 марта 1994 года (со дня опубликования). Состояла из 8 разделов и 149 статей.

Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство [2, с. 69].

Конституция, законы о внесении в нее изменений и дополнений, о введении в действие указанных законов, акты о толковании Конституции считаются принятыми, если за них проголосовало не менее двух третей от полного состава каждой из палат Парламента.

Изменения и дополнения Конституции могут быть проведены через референдум. Решение об изменении и дополнении Кон-

ституции путем референдума считается принятым, если за него проголосовало большинство граждан, внесенных в списки для голосования. Отличительными признаками действующего Основного Закона Беларуси являются: 1) деидеологизированный характер; 2) закрепление в качестве экономической основы многообразия форм собственности; 3) установление равенства государства и гражданина, наличие у них взаимных обязательств; 4) закрепление в качестве вектора для развития текущего законодательства приоритета общепризнанных принципов международного права; 5) разделение и взаимодействие властей; 6) прямой характер действия норм Конституции.

Начало новейшего конституционного процесса в Украине связывается с принятием Декларации о государственном суверенитете Украины от 16 июля 1990 г., где утверждалось осуществление украинским народом его неотъемлемого права на самоопределение и провозглашались новые принципы организации публичных властей и правового статуса человека и гражданина. Украина является суверенным и независимым, демократическим, социальным, правовым государством [3, с. 150]. Украина является республикой [3, с. 151]. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Украине является народ. Народ осуществляет власть непосредственно и через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Право определять и изменять конституционный строй в Украине принадлежит исключительно народу и не может быть узурпировано государством, его органами или должностными лицами. Никто не может узурпировать государственную власть. В разделе XIII Конституции Украины определяется порядок внесения изменений в Конституцию, пересмотра ее отдельных положений. Конституция может быть изменена только в особом, закреплённом ею порядке, что значительно отличается от внесения изменений в текущее законодательство. Вместе с тем он направлен и на сочетание стабильности и гибкости Конституции, дает возможность своевременного реагирования на конституционном уровне объективных потребностей развития общества и совершенствования государственного управления. Именно устойчивый процессуальный порядок внесения изменений в Конституции обеспечивает стабильность правового содержания и возможность частичной изменений отдельных конституционных положений в случае необходимости.

Можно сказать, что в каждой Конституции закреплён принцип, который говорит о том, что человек в государстве считается

высшей ценностью, а его права и свободы являются определяющими в содержании и функционировании государства. В Конституциях России, Украины, Беларуси правам и свободам уделено более 20 статей. Их внешняя схожесть обусловлена следованием положениям Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) и иным договорам по правам человека Совета Европы. Личные права являются главной составляющей правового статуса. Такие права принадлежат человеку с момента рождения и не зависят от его отношения к тому или иному государству. Личными считаются права гражданина, относящиеся к сфере личной безопасности. Эти права охватывают фундаментальные аспекты свободы личности, выражают гуманистические основы жизни общества, защищают пространство личной жизни человека, индивидуальную свободу от вмешательства извне. В Конституциях России, Белоруссии личные права изложены в девяти статьях, а в Конституции Украины в восьми. Политические права имеют тесную связь с гражданством того или иного государства. Граждане могут свободно принимать участие в политической деятельности страны и управлять государством. Они осуществляют государственную власть посредством выборов и референдумов. Именно политические права и свободы считаются основной составляющей, которая говорит о демократическом становлении общества. Посмотрев в Конституцию России можно увидеть, что к этим правам относится и право на отправление правосудия. В Конституциях остальных стран этому праву не было уделено должное внимание. Социально-экономические права имеют отношение к тем сферам жизни, которые связаны с собственностью, трудовыми правоотношениями, здоровьем и отдыхом. Благодаря их выполнению государство может считаться социальным. Количество социально-экономических прав различно. Так, например, в Конституциях России и Беларуси отсутствует упоминание о праве на достаточный жизненный уровень, в то время как в Основном Законе Украины этому уделяется целая статья. Проведя сравнительный анализ можно с уверенностью сказать, что лидером по количеству закрепленных прав и свобод является Конституция России, она содержит в общей сложности 27 прав и свобод. Немного отстают Конституции Украины, Беларуси, где общее количество составляет 25. Однако, несомненно, важным является не количество статей, а возможность каждого человека в полной мере воспользоваться декларируемыми правами и свободами.

Библиографический список

1. Василевич Г. А. Избирательная система, референдум, органы государственной власти: научно-практический комментарий Конституции Республики Беларусь / Г. А. Василевич. – Минск : Право и экономика, 2004. – 365 с.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 г. // Сборник современных конституций восточнославянских государств : учеб. пособие / А. В. Серегин, И. А. Сизько, П. Г. Шуайпова. – М., 2017. – 405 с.
3. Конституция Украины 1996 г. // Сборник современных конституций восточнославянских государств : учеб. пособие / А. В. Серегин, И. А. Сизько, П. Г. Шуайпова. – М., 2017. – 405 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ЖИЗНЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ И РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

А. А. Рыжова

*ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Д. Д. Искоских

*студентка юридического факультета,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Е. Ю. Козлова

*студентка юридического факультета,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Определяются конституционные способы защиты права на жизнь в российском законодательстве. Проведен анализ законодательства зарубежных государств. Раскрываются международно-правовые стандарты обеспечения и защиты права на жизнь, на дости-

жение которых непосредственно должна быть направлена деятельность государства.

Ключевые слова: право на жизнь, механизм обеспечения и защиты, международные акты, российское законодательство

Конституция Российской Федерации провозглашает право на жизнь первым в числе личных прав и свобод. Признание высшей ценностью данного права обусловлено тем, что государство исходит из уважения достоинства личности каждого человека.

Под конституционной защитой прав и свобод человека и гражданина понимается процесс реализации конституционных гарантий, их признания, соблюдения и обеспечения. Именно реализация, признание, соблюдение и обеспечение являются основными стадиями конституционной защиты прав человека и гражданина. [3, с 295.]

Первой стадией является признание прав и свобод человека и гражданина. В нее входит нормотворческая деятельность органов государственной власти и местного самоуправления в виде принятия нормативных правовых актов, в которых закрепляется право на жизнь, фактической реализации международных обязательств на внутригосударственном уровне и ратификации международных договоров.

Вторая стадия процесса защиты заключается в соблюдении прав и свобод человека и гражданина. Данная стадия раскрывается в результате деятельности всех субъектов власти, а также физических и юридических лиц в соответствии с принципами невмешательства, лояльности, согласия и уважения.

Третья стадия данного процесса – организационное, юридическое, а также материальное обеспечение прав, которые в последующем перейдут в систему государственного обеспечения права на жизнь. Ее элементами являются обязанность государства в осуществлении активных действий, включая и принудительные, в отношении физических и юридических лиц по соблюдению ими прав и свобод других лиц (ч. 3 ст. 17 Конституции) и др. [7, с. 25].

Система способов защиты прав на жизнь рассматривается с различных точек зрения, и ее элементы характеризуются по различным критериям. Однако большинство исследователей сходится на том, что в системе защиты права на жизнь в Российской Федерации выделяются: государственные институты несудебной защи-

ты, органы местного самоуправления, судебную систему, неправительственные правозащитные организации [8, с. 39].

Судебный способ защиты прав и свобод человека и гражданина в России является основным. В соответствии с частью 1 статьи 46 Конституции РФ каждому гражданину гарантируется судебная защита его прав и свобод. Эта гарантия указывает на право каждого человека, интересы которого были нарушены, обратиться за защитой в соответствующий судебный орган, и обязанность данного органа состоит в рассмотрении обращения и принятия по нему решения, соответствующего законодательству, так как государство обязано обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции) [9, с. 12]. Судебная защита права может осуществляться только в предусмотренной законом процессуальной форме. В основном право на жизнь в случае посягательств на него защищается судами общей юрисдикции. Основной нормой, защищающей право на жизнь, является норма статьи 105 УК РФ, устанавливающей ответственность за убийство – тягчайшее преступление по мысли законодателя [6, с. 114].

Национальная система несудебных государственных институтов, призванных защищать права человека и гражданина в Российской Федерации состоит из нескольких звеньев. Так, Президент Российской Федерации призван быть гарантом прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ). Эта функция главы государства осуществляется через участие в законотворческой деятельности. Комиссия по правам человека при Президенте Российской Федерации содействует реализации главой государства его конституционных полномочий гаранта прав и свобод человека и гражданина. Управление Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан, рассматривает жалобы, адресованные Президенту и Администрации Президента. Также в национальную систему несудебных государственных институтов, призванных защищать права человека и гражданина в Российской Федерации, входят: депутаты Федерального собрания Российской Федерации, министерства и ведомства Правительства Российской Федерации, Прокуратура Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека Российской Федерации.

Институтами, непосредственно создаваемыми гражданским обществом в целях самореализации личности и защиты ее прав,

принято считать общественные объединения, которые действуют независимо от государства в рамках демократического общества. С их помощью люди могут совместно решать общие проблемы, удовлетворять и защищать свои потребности и интересы во всех областях общественной жизни. Наиболее значимым институтом общественной защиты конституционного права на жизнь в России является институт неправительственных правозащитных организаций: адвокатура, общество защиты прав потребителей, профсоюзы, для которых такая деятельность является важной, а также средства массовой информации, партии, религиозные объединения, добровольные общества и т.п. [4, с. 59].

Защита права на жизнь определяет также и деятельность местного самоуправления (ст. 18 Конституции Российской Федерации). Реализация данного конституционного принципа для органов местного самоуправления означает обязанность подчинить свою деятельность обеспечению данного права, проживающего на данной территории.

Право человека на жизнь и его защита в современном праве регулируется не только национальным правом, но и международным. Право каждого на обращение в межгосударственные органы возникает только тогда, когда исчерпаны все внутригосударственные средства правовой защиты. Международная защита прав и основных свобод человека осуществляется на универсальном, региональном, специализированном уровне. Несмотря на это, все уровни защиты прав человека тесно связаны между собой, взаимозависимы и взаимообусловлены. Универсальные стандарты, выступают в форме рекомендаций для применения мировым сообществом. Региональные стандарты (к примеру, принятые Советом Европы) имеют свои особенности, нередко определяемые традициями и уровнем развития конкретного государства, могут быть более обширными конкретными, в отличие от универсальных. Специализированные стандарты, принятые специально созданной в этих целях организационной структурой для формирования общеприменимых стандартов качества, контролирования и координации деятельности государств-партнеров [5, с. 2].

Таким образом, право человека на жизнь является высшей ценностью и подлежит защите со стороны государства. Процесс защиты состоит из трех стадий: признание, соблюдение и обеспечение прав и свобод человека и гражданина. В Конституции Рос-

сийской Федерации защита прав, включая право на жизнь, закрепляется в ст. 45, однако в ней не указаны конкретные способы и методы защиты прав человека и гражданина. В отличие от внутригосударственного законодательства, международное не только выделяет основные способы защиты, но и дифференцирует их на три уровня: универсальный, региональный и специализированный. Но все же защита права человека на жизнь является проблемой не только внутригосударственной, но и международной. Современный уровень мирового развития требует согласованного регулирования права человека на жизнь, в результате которого будет формироваться однозначный правовой режим личности во всех государствах планеты независимо от национальной принадлежности, религиозных вероисповеданий и гендерного различия.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Права человека. Основные международные документы – М., 1989. – С. 134–142.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237.
3. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. – 8-е изд., изм. и доп. – М. : Норма, 2009.
4. Балашов, А. В. Общественная защита конституционного права на жизнь / А. В. Балашов // Вестник экономики, права и социологии. – 2009. – № 4.
5. Белобрагина, Н. А. Международно-правовые стандарты обеспечения и защиты права на жизнь / Н. А. Белобрагина, А. Н. Морозова // Известия Тульского государственного университета. – 2013. – № 2.
6. Гусаченко, Е. К. К вопросу о судебной защите права на жизнь в Российской Федерации / Е. К. Гусаченко // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2017. – Т. 2, № 3. – С. 112–115.
7. Красовская, Л. П. Конституционное регулирование защиты основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации / Л. П. Красовская // Криминалист. – 2013. – № 2 (13).
8. Курскова, Г. Ю. Система защиты прав и свобод человека в Российской Федерации / Г. Ю. Курскова // Вестник РГГУ. Сер.: Юридические науки. – № 11. – С. 38–49.
9. Чеботарева, В. П. Право на жизнь и его обеспечение в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Чеботарева В. П. – М., 2008.

ИНСТИТУТ ИМПИЧМЕНТА В РОССИИ И США

Е. А. Ишханова

*студентка юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А. В. Александрова),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Проанализированы конституционно-правовые аспекты отрешения от должности глав государства в России и в США. Также рассмотрена практика привлечения к ответственности глав государства в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки.

Ключевые слова: импичмент, президент, отрешение от должности, выдвижение обвинения.

Процедура импичмента (отрешения от должности) закреплена конституциями подавляющего большинства государств, за исключением некоторых конституционно-монархических или откровенно авторитарных режимов. В конституциях ряда стран институту президентской ответственности посвящены отдельные главы. Конституции других стран предусматривают принятие специальных законов, регламентирующих вопросы президентской ответственности.

Слово «impeachment» в английском языке [1, с. 355] означает сомнение, недоверие, обвинение, порицание. Но сейчас данное понятие используется именно в правовом контексте как определённая правовая процедура привлечения к ответственности высших должностных лиц государства за совершение ими тяжких преступлений [2, с. 113], как особый порядок реализации ответственности высших должностных лиц в ряде стран.

Отрешение от занимаемой должности – это мера юридической ответственности, которая применяется к должностным лицам государственного и муниципального аппарата. Субъектами этой ответственности выступают обычно лица, наделённые властно-распорядительными полномочиями, выполняющие руководящие функции, но также импичменту могут быть подвержены и рядовые служащие. Их ответственность является неотъемлемым элементом правового статуса должностного лица наряду с правами и обязанностями. В действительности к импичменту привлекались президенты, министры и судьи разных стран. Отрешение от должности не следует смешивать с иными, схожими или смежными мерами

юридической ответственности, например, отставкой правительства, его отдельных членов по решению главы государства или же с институтом недоверия органам и должностным лицам. В данной статье будут рассматриваться конституционно-правовые аспекты отрешения от должности глав государства в России и в США.

В России согласно Конституции, принятой в 1993 г., отрешение Президента Российской Федерации от должности производит Совет Федерации 2/3 голосов по представлению Государственной Думы.

Согласно статье 93 Конституции Российской Федерации Совет Федерации рассматривает возможность отрешения Президента от занимаемой должности в случае его обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления [3, ст. 93]. Обвинение может быть выдвинуто депутатами Государственной Думы, причем в количестве, не менее 1/3 состава парламента. При выдвижении такого обвинения создается специальная комиссия, которая рассматривает обоснованность выдвинутого обвинения, затем вопрос обсуждается на заседании Государственной Думы, которая, в случае ее согласия с обвинением, должна не менее чем тремястами голосов выдвинуть обвинение против Президента. С этого момента обвинение считается, практически, действительным. Если такое решение в Государственной Думе состоится, то после этого дело рассматривается Верховным Судом, который должен дать заключение о том, действительно ли в действиях Президента имеются признаки государственной измены или иных особо тяжких преступлений, а затем в Конституционном Суде, который должен дать заключение о том, соблюдена ли предусмотренная Конституцией процедура выдвижения обвинения. После рассмотрения в Верховном и в Конституционном судах, вопрос рассматривается в Совете Федерации, который также должен не менее чем 2/3 голосов принять постановление по этому вопросу. Только в этом случае Президент считается отрешенным от должности. Кроме того, необходимо добавить, что с момента выдвижения обвинения Государственной Думой, т.е. с момента принятия ее решения по этому вопросу до рассмотрения этого вопроса в Совете Федерации согласно ст. 93 Конституции должно пройти не более трех месяцев [4]. Если в установленный Конституцией трехмесячный срок решение Совета Федерации не будет принято, обвинение против Президента считается отклоненным.

Отмечаются прежде всего два основных недостатка статьи. Во-первых, слишком узко определены основания отрешения Президента от должности – только государственная измена либо тяжкое преступление. Составы тяжких и особо тяжких преступлений определяются Уголовным Кодексом Российской Федерации. Таким образом допускается, что Президент, совершающий не тяжкое преступление, может оставаться в своей должности. И, во-вторых, трехмесячный срок необоснованно сковывает сроки рассмотрения вопроса.

На сегодняшний день история знает три случая попытки применения импичмента президенту, один из них имел место быть при действующей Конституции России, и все они были направлены против первого президента России Б. Н. Ельцина.

Президент Ельцин обвинялся Государственной думой по четырём пунктам: развал СССР, развязывание войны в Чечне, ослабление обороноспособности и безопасности России, роспуск Верховного Совета в 1993 году. Факультативно рассматривался вопрос о «геноциде российского народа». В Государственной Думе была создана специальная парламентская комиссия по рассмотрению вопроса об импичменте во главе с членом фракции КПРФ Вадимом Филимоновым (председатель), Виктором Илюхиным и Еленой Мизулиной (заместители председателя). Но это действие не нашло поддержки депутатов ни в одном из предъявленных обвинений и процедура была прекращена. Возможно если бы в 1999 г. эта инициатива нашла поддержку, история нашего государства сильно бы изменилась [5, с. 23].

В Соединенных Штатах Америки процедура импичмента была заимствована у Великобритании, и ее механизм выглядит следующим образом: обвинение должна вынести Палата представителей, а осуждающий приговор – Сенат 2/3 голосов. Если обвинение серьезно, то за импичментом может последовать привлечение к обычному суду.

Суть процедуры импичмента заключается в том, что Президент, в силу особого должностного положения, не может привлекаться к ответственности на общих с гражданами своей страны основаниях, в связи с чем и разработан особый порядок возбуждения дел об ответственности Президента.

Необходимо отметить, что если порядок процедуры импичмента включает в себя несколько стадий и детально разработан на

законодательном уровне, то основания импичмента, наоборот, не отличаются своей определенностью.

Так, одним из наиболее распространенных оснований привлечения Президента к ответственности является государственная измена.

В США признаки состава такого преступления, как государственная измена, сформулированы непосредственно в самой Конституции.

Ограничительное толкование государственной измены привело к тому, что в отношении высших должностных лиц практика возбуждения дел по этому основанию практически отсутствует.

Многие исследователи полагают, что конституционные основания импичмента нельзя считать исчерпывающими, поскольку ими на практике неоднократно являлись не только уголовно наказуемые деяния, но и такие действия должностного лица, которые по своему характеру не являются нарушениями уголовного закона: серьезные упущения при исполнении должностных обязанностей, нарушения норм морали и иные проступки, подрывающие авторитет правительства [6, с. 62]. Таким образом, в США не исключается возможность возбуждения импичмента (в том числе, и в отношении Президента) по моральным основаниям [7].

При определении «важных преступлений» и «мисдиминоров» возникает ряд вопросов, поскольку, с одной стороны понятие «мисдиминор» в уголовном праве США четко определено как менее тяжкое преступление, караемое лишением свободы на срок до одного года, а понятие «важные преступления», наоборот, не имеет закрепленной законом интерпретации.

Два президента США были представлены к импичменту Палатой представителей, но оправданы потом Сенатом, не набравшим необходимых 2/3 голосов. Первый такой случай произошёл в 1868 году в отношении Президента Эндрю Джонсона. Основным обвинением было принятое Джонсоном решение об отставке министра обороны Эдвина Стэнтона в нарушение Закона о продолжительности пребывания в должности. Всего в отношении Президента было принято 11 статей импичмента. При голосовании по основному пункту обвинения Сенату не хватило одного голоса для отрешения Президента от должности [15, с. 152].

Также процедура импичмента была инициирована в 1998 году против Президента Билла Клинтона. Из четырёх статей импичмента, сформулированных юридическим комитетом Палаты пред-

ставителей, две статьи были одобрены требующимся большинством голосов на голосовании нижней палаты. Это обвинение в даче ложных показаний под присягой и в попытках воспрепятствовать осуществлению правосудия. Однако в Сенате статьи импичмента были поддержаны примерно половиной сенаторов (вместо требуемых Конституцией США двух третей присутствующих сенаторов), что означало оправдание Президента [15, с.155]. Одной из самых известных попыток импичмента в отношении Президента США стал широко известный «Уотергейтский скандал» с Президентом Ричардом Никсоном. Не дожидаясь процедуры голосования в Палате представителей за статьи импичмента, узнав об отсутствии необходимой поддержки и в Сенате, Ричард Никсон 8 августа 1973 года заявил в телевизионном обращении о своей отставке со следующего дня в связи с «потерей им политической базы».

Таким образом, хотя сама процедура импичмента в отношении Никсона и не была доведена до конца, но результат был достигнут - отставка Президента США со своего поста.

Назначение импичмента в США (применительно к главе государства) и отрешения от должности Президента России, в принципе, одинаково. Данный институт является важнейшим признаком демократического и правового государства, поскольку наличие подобной процедуры, закреплённой законодательно, является своего рода сдерживающей силой против произвола правителя. Сложность процедуры импичмента обусловила также и то, что как в России, так и в США ни один глава государства не был отрешён от должности в порядке импичмента.

Библиографический список

1. Мюллер, В. К. Англо-русский словарь / В. К. Мюллер. – М. : Русский язык, 1992. – 848 с.
2. Словарь по политологии / под ред. проф. В. Н. Коновалова. – Ростов н/Д : Изд-во РГУ, 2001. – 285 с.
3. Румянцев, О. Г. Отрешение президента России от должности: конституционно-правовые проблемы / О. Г. Румянцев. – 2006. – URL: <http://rumiantsev.ru/a465/>
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

5. Якубов, А. Е. Еще раз об отрешении Президента РФ от должности и уголовном праве / А. Е. Якубов // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 7. – С. 20–24.

6. Егоров, С. А. Конституционализм в США: политико-правовые аспекты / С. А. Егоров. – М., 1993. – 198 с.

7. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учеб. для вузов / А. А. Мишин. – М. : Статут, 2013. – 520 с.

8. Домрин, А. Н. Конституционная процедура импичмента в США / А. Н. Домрин // Журнал российского права. – 2004. – № 7. – С. 146–156.

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МОНАРХИЙ

П. В. Кочеткова

*студентка юридического факультета,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

К. В. Крылова

*студентка юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А. В. Александрова),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. В качестве ярких представителей современных государств с монархическими формами правления в статье рассматривается Саудовская Аравия как абсолютная монархия, Япония как конституционная, Ватикан как теократическая и Объединенные Арабские Эмираты как смешанная монархия.

Ключевые слова: монархия, конституция, глава государства, парламент, власть.

Монархия – форма правления, насчитывающая многовековую историю. Сегодня треть государств мира имеет монархическую форму правления, в частности в Азии 14 монархических государств, в Европе – 12, в Африке – 3.

Многие современные монархии представляют собой политически и экономически развитые страны, которые ничуть не уступают по своему уровню государствам с республиканской формой

правления. В некоторых странах монархический режим был отменён, но затем снова восстановлен через некоторое время, например, в Англии и Испании, а это говорит о том, что монархия – во все не пережиток истории. Современные страны – монархии не собираются изменять тип правления. Они дорожат традициями и институтами, которые сложились исторически [11, с. 166].

Абсолютизм является одним из самых ранних типов монархической формы правления, который сохранился и в наши дни в некоторых странах мира, например, в Саудовской Аравии. Согласно Основам системы власти, эта страна является абсолютной теократической монархией, управляемой сыновьями и внуками короля-основателя Абдель Азиза ибн Абдель Рахмана аль-Фейсала Аль Сауда. В ст. 1 Основного низама (положения) 1992 г. королевства Саудовская Аравия сказано, что «Конституция – Книга Всевышнего Аллаха и сунна Его Пророка».

Король правит, опираясь на советы ведущих представителей семейства Аль Сауд, в частности своих братьев. На такой же основе строятся его отношения с религиозными лидерами. Ещё при жизни королём назначается наследник престола с последующим одобрением религиозных лидеров. Власть традиционно переходит к старшему в роду, наиболее соответствующему для роли правителя, по мнению Королевского семейного совета.

Глава государства и религиозный лидер страны является служителем двух Священных мечетей и одновременно премьер-министром, главнокомандующим вооруженными силами и верховным судьей. Он обладает всей полнотой исполнительной, законодательной и судебной власти. Его полномочия теоретически ограничены только нормами шариата и саудовскими традициями. Король призван поддерживать единство королевской семьи, религиозных лидеров и прочих элементов саудовского общества [10, с. 108].

В соответствии с конституцией король возглавляет правительство и определяет основные направления его деятельности. Совет министров объединяет в себе как исполнительные, так и законодательные функции. Представители королевской семьи обычно стоят во главе важнейших министерств. Министры оказывают королю помощь в выполнении его полномочий в соответствии с конституцией и другими законами. Законодательного органа в стране нет – король управляет страной посредством указов. Сохранение в Саудовской Аравии, казалось бы, устаревшей формы абсолютной монархии позволяет ей поддерживать стабильность и

единство страны, и успешно взаимодействовать с другими, в том числе и республиканскими странами.

Одним из видов ограниченной монархии является конституционная, которая имеет место в государственном строе современных стран, например, таких как Великобритания и Япония.

Остановимся подробнее на японской монархии. Императорская династия этой страны считается самой древней из всех сохранившихся наследственных монархий в мире. Долгое время власть суверена в ней являлась исключительно сакрально-символической в рамках существующей религии. По форме правления Япония представляет собой уникальное сочетание слабой монархической оболочки и вполне реального республиканского содержания.

Страна стала конституционной монархией в 1889 г., но ныне действующей является Конституция 1946 г., которая кардинально изменила статус японского суверена, сформировав образ «народного монарха». В ст. 1 Конституции Японии есть положение о том, что «император является символом государственного единства народа» [6, с. 189]. Заметим, что Конституция не содержит положений о главе государства, тогда встаёт вопрос о том, кто же является главой Японии. Существует две теории: главой государства является император, и главой государства является премьер-министр.

Согласно конституции император, «от имени народа» [1, гл. 1 ст. 7] осуществляет: промульгацию поправок к Конституции, законов, правительственных указов и договоров; созыв Парламента; роспуск Палаты представителей; объявление всеобщих парламентских выборов; подтверждение назначений и отставок государственных министров и других должностных лиц в соответствии с законом и др. Император не обладает полномочиями, связанными с осуществлением государственной власти, так как в Конституции сказано: «Все действия Императора, относящиеся к делам государства, могут быть предприняты не иначе как с совета и одобрения Кабинета, и Кабинет несет за них ответственность.» [1, гл. 1 ст. 3]. При этом Премьер-министру в стране предоставлены широкие права, что делает его важнейшей фигурой в государственном аппарате страны.

В целом в японском обществе превалирует мнение, что институт императора ныне «гармонично сочетается с принципом народного суверенитета» [8, с. 183]. Сакральность власти, полное

подчинение и преклонение перед ней является причиной удивительной жизнеспособности японской монархии.

Теократическую монархию в чистом виде представляет собой Ватикан. В таких странах глава государства – суверен – в то же время является и высшим духовным лицом в стране. Так, глава Римской католической церкви (Папа Римский) является главой государства Ватикан. Главными источниками права являются апостолические постановления и кодекс канонического права.

Папа Римский избирается коллегией кардиналов пожизненно. При этом в Конституции Ватикана, состоящей из 6 актов, о том, что понтифик является монархом, нет никаких упоминаний. Ст. 1 основного государственного закона гласит, что «Папа, как глава государства Ватикан, обладает всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти» [2, ст. 1].

Папой Римским на пятилетний срок формируется Понтификальная Комиссия во главе с губернатором, которой он делегирует часть своих полномочий. Исполнительная власть находится в ведении председателя или, в особых случаях, Генерального Секретаря. От имени понтифика формируются судебные органы. Таким образом, судебная власть находится в полном распоряжении Папы Римского. Только он может подписывать документы об амнистии и освобождать от наказания. Вселенский собор, коллегия кардиналов и епископский синод являются высшими консультативными органами государства [12, с. 184].

Ватикан создавался специально для государственной поддержки системы духовной власти. Это и стало его основной функцией, что представляется необычным для государственного устройства современных стран.

Особую организацию формы правления как смешанной монархии представляют собой ОАЭ. Они являются монархическим государством, которое имеет наименьшее количество демократических элементов в своём конституционном строе. Согласно конституции ОАЭ, верховная власть в них принадлежит правительству, состоящему из Высшего Совета, Президента, Совета Министров, Национального совета Союза и Верховного суда [4, с. 83].

Высший совет Эмиратов состоит из эмиров – правителей пяти эмиратов, являющихся одновременно административно-территориальными единицами единого государства, и де-факто самостоятельными государственными образованиями с отдельным монархом во главе. Особый интерес представляет тот факт, что

каждый из эмиратов представляет собой абсолютную монархию [3, с. 56]. Но, при этом, Президент ОАЭ, избираемый в соответствии с конституцией на 5 лет Высшим советом из своего состава, обладает объемом федеральных полномочий, характерных скорее для парламентской республики, нежели для абсолютной монархии. Однако эмиры Абу-Даби и Дубая имеют право полного вето на любое действие Президента. Обычно Президентом избирается эмир Абу-Даби, как глава наиболее экономически мощного субъекта федерации, поэтому, фактически, только эмир Дубая обладает возможностями повлиять на Президента, в случае конфликта интересов.

Таким образом, ОАЭ являют собой уникальный пример объединения нескольких абсолютно-монархических авторитарных государств в одно псевдореспубликанское авторитарное государство. При этом, как утверждает Е. Б. Лебедева, только ОАЭ можно назвать единственной полноценной авторитарной федерацией монархий в современном мире [5, с. 14].

Подводя общий итог, мы можем сказать, что и по сей день существуют все основные виды монархий от абсолютной и теократической до конституционной. Сочетание монархических и республиканских черт благоприятно влияет на взаимодействие органов государственной власти, приводит к стабильности управления страной, способствует более функциональному развитию государств, помогает обеспечить достойную жизнь их граждан, позволяет оперативно реагировать на внутривнутриполитические вызовы и возникающие сложности. Как бы соглашаясь с преимуществом монархического правления, Б. Н. Чичерин отмечал: «Часто один человек ближе к истине, нежели целый народ» [13, с.36] Современный монарх является символом стабильности и единства государства.

Библиографический список

1. Конституция Японии 1947 г. – URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=37> (дата обращения: 28.03.2018).
2. Основной закон Ватикана 2001 г. – URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=102> (дата обращения: 28.03.2018).
3. Бойчук, В. С. Гибридная монархия в Объединенных Арабских Эмиратах и Малайзии и причины ее возникновения / В. С. Бойчук // Академическая публицистика. – 2017. – № 6. – С. 55–57.

4. Золотовская, Е. А. Особенности формы государственного правления ОАЭ / Е. А. Золотовская // Право и государство: теория и практика. – 2015. – № 9 (129). – С. 82–84.
5. Лебедева, Е. Б. Влияние политического режима на трансформацию административно-территориального деления в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Лебедева Е. Б. – М. : 2012. – 203 с.
6. Маклаков, В. В. Конституции зарубежных стран : учеб. пособие / В. В. Маклаков. – М. : БЕК, 1999. – 584 с.
7. Малько, А. В. Теория государства и права / А. В. Малько, А. Ю. Саломатин. – СПб. : Юридический центр, 2016. – 427 с.
8. Панов, А. Н. Институт императора и его место в государственной системе современной Японии / А. Н. Панов // Япония. Ежегодник. – 2012. – № 41. – С. 172–185.
9. Пронькин, С. В. Государственное управление зарубежных стран / С. В. Пронькин. – М. : КДУ, 2011. – 496 с.
10. Румянцев, Н. В. Государственное устройство и административная реформа в королевстве Саудовская Аравия / Н. В. Румянцев, М. В. Саудаханов // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 2. – С. 107–116.
11. Фурсов, В. В. Институт монархии в Великобритании / В. В. Фурсов // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 166–170.
12. Чепилко, Е. С. Теократические монархии / Е. С. Чепилко, Н. Ю. Ембулаева // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки. – 2017. – № 4. – С. 183–188.
13. Чичерин, Б. Н. О народном представительстве / Б. Н. Чичерин. – М., 1899. – 838 с.

ПРОЦЕСС ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Н. В. Логачева

*кандидат исторических наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Анализируются особенности осуществления процесса признания новых субъектов международного права в современных геополитических условиях. Рассматривается политическая обусловленность признания в ряде конкретных случаев. Характеризуются теории и

процесс признания. Анализируются условия и причины фрагментации международно-правовых положений института признания.

Ключевые слова: институт признания, фрагментация международного права, адаптация норм признания, теории признания, кодификация норм признания государств.

Современное международное право, основные положения которого сформулированы в Уставе ООН, постоянно эволюционирует, его нормы и правовые институты находятся в состоянии адаптации к мировым экономическим и политическим процессам. Выражается это «...в увеличении отраслей международного права; в возникновении автономных (специальных) режимов в рамках международного права; в усилении столкновений между нормами международного права при урегулировании различных вопросов» [1, с. 4]. В научном сообществе этот процесс получил название «фрагментация международного права» [2, с. 7].

В рамках фрагментации произошли серьезные изменения в международно-правовом институте признания, представляющем собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения, связанные с возникновением на международной арене новых субъектов (государств или правительств). Такие субъекты продолжают появляться, что связано с распадом уже существующих государств (СССР, Югославия и др.); их объединением (Восточная и Западная Германии); отделением территорий от государств и получении ими независимости (Абхазия, Южная Осетия и др.).

Процесс признания новых субъектов международного права сложный и противоречивый, что еще в большей степени усугубляется отсутствием кодификации международно-правовых норм о признании новых субъектов международного права, то есть основным источником права в вопросах признания до сих пор является международно-правовой обычай.

Как известно, в науке международного права существуют следующие теории признания: конститутивная – полноправными субъектами международного права вновь созданное образование, обладающее всеми признаками государства, становится только после полного его признания (де-юре) другими субъектами международного права, причем не определено количество этих субъектов. Сторонниками этой теории являются Д. Анцилотти, Г. Кельзен, П. Е. Казанский и др. По нашему мнению, более жизнеспособной является декларативная теория признания (Ф. Ф. Мартенс, А. Н. Стоянов, А. Касисе и др.), в соответствии с которой гос-

ударство приобретает международную правосубъектность в силу своего существования и не зависит от внешней воли. «Будучи облечено верховной властью государство не подчинено никому. Это тело державное. Отсюда его внешняя независимость.» [5, с. 9]. Существует еще и смешанная теория признания: «...в акте признания присутствуют и декларативные, и конститутивные элементы» [3, с. 363]. Примером практической реализации смешанной теории признания является относительно недавно возникшая государственность Абхазии и Южной Осетии. Они формально признаны всего шестью государствами, что не мешает существованию их международной правосубъектности.

Наука международного права определяет следующие этапы процесса признания государства: зачастую первоначально происходит признание *ad hoc* (разовое), затем *de facto* (установление сотрудничества в экономической, социальной и др. сферах) и завершается процесс признания установлением дипломатических отношений, что означает полное признание – *de iure*. Иногда фактическое и юридическое признание осуществляются одновременно, иногда длительно действует фактическое признание. То есть строго определенной процедуры признания, к сожалению, до сих пор не существует, все зависит от суверенных интересов признающего государства в отношении признаваемого. Как было уже отмечено, не существует универсальной конвенции, кодифицирующей нормы института признания, однако попытки кодификации предпринимались на региональном уровне. В частности, в 1991 году Совет министров ЕС принял Декларацию «Руководящие принципы признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе», которая определила критерии признания государствами-членами ЕС: 1) уважение положений Устава ООН и Заключительного акта СБСЕ; 2) гарантии прав этнических и национальных групп; 3) уважение неприкосновенности государственных границ; 4) принятие необходимых обязательств по ядерному разоружению и сохранению регионального мира и безопасности; 4) принятие обязательства решать все спорные вопросы мирными средствами [4, р. 72]. Государства – члены Евросоюза признали Декларацию, которая в рамках ЕС документально закрепила международно-правовые нормы признания.

Пример Декларации доказывает возможность создания универсального международно – правового акта, кодифицирующего нормы признания. Однако, трудность заключается в том, что кон-

кретные акты признания происходят в различных исторических и политических условиях, когда процесс признания новых субъектов международного права находится под влиянием экономических и политических интересов государств или групп государств.

Достаточно рассмотреть признание новых государств (бывших республик), образовавшихся после распада СССР и государств – бывших республик Югославии, чтобы увидеть как конъюнктурные политические интересы стран Запада повлияли на процесс признания. Распад Советского Союза был политически и экономически выгоден западному миру, поэтому международно-правовое признание Украины, Беларуси, Казахстана, Туркменистана, Армении, Узбекистана и др. произошло быстро и бесконфликтно – было признано, что критерии, изложенные в вышеназванной Декларации ЕС соблюдены, и большинство государств ЕС, Канада, США и ряд государств Восточной Европы в течение месяца после объявления результатов референдума 1 декабря 1991 г. сделали заявления о признании новых независимых государств.

С бывшими республиками Югославии все происходило не так просто и однозначно. Государствами ЕС были нарушены положения не только их собственной Декларации, но и общепринятые обычные нормы международные нормы, касающиеся вопросов признания. Первой была признана Хорватия, хотя она, находясь в состоянии войны с Сербией, не полностью контролировала треть своей территории. Боснию с Герцеговиной, которые тоже были поспешно признаны, с трудом можно было назвать сложившимися государствами. С другой стороны долго не признавалась Македония, полностью соответствовавшая всем признакам государственности: наличие постоянного населения, территории и действующего правительства. Еще более сомнительным с точки зрения норм международного права и здравого смысла представляется признание независимости бывшего сербского автономного края Косово. Провозглашение независимости Косово произошло 17 февраля 2008 года, на следующий день его признали США, Великобритания, Франция, Турция, Албания, Афганистан и Коста-Рика. К 2013 году Косово признали 98 государств-членов ООН. Половина государств, в том числе Россия, Китай, Индия, Бразилия и др. не признали Косово. Опасность здесь кроется не в самом факте признания, а том, что в данном случае оно угрожает основе современного международного права – его принципам, в частности противоречит принципу территориальной целостности государств.

Таким образом, в настоящее время признание новых субъектов международного права находится скорее в политической, чем в правовой плоскости. Международное право, основная миссия которого – сохранение мира и безопасности, стабильности на планете, используется в качестве инструмента для политического манипулирования, оправдания неблагоприятных политических акций. В существующих условиях представляется маловероятным принятие столь необходимой общепризнанной конвенции, кодифицирующей нормы института признания.

Библиографический список

1. Кислицина, Н. Ф. Развитие системы международного права на современном этапе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Кислицина Н. Ф. – М., 2010.
2. Савчук, К. А. Проблема международно-правового признания государств в контексте фрагментации международного права / К. А. Савчук // Российский юридический журнал. – 2013. – № 5. – С. 7–12.
3. Толстых, В. Л. Курс международного права / В. Л. Толстых. – М. : Юрайт, 2009. – 410 с.
4. Turk, D. Recognition of States / D. Turk // European Journal of International Law. – 1993. – Vol. 4. – P. 72–75.
5. Чичерин, Б. Н. Общее государственное право / Б. Н. Чичерин. – М. : Зерцало, 2006. – 505 с.

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

М. С. Мещерякова

*студентка юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А. В. Александрова),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Формулируется и раскрывается роль конституционного соглашения в системе источников права зарубежных стран. Место конституционных соглашений рассматривается в рамках современного подхода изучения источников права. Анализ проводится на примере зарубежных стран. Анализируется понятие «конституционное соглаше-

ние». Рассматриваются основные тенденции развития роли конституционных соглашений в системе источников права зарубежных стран.

Ключевые слова: конституционный обычай, конституционное соглашение, источники права, конституционное право.

Известный французский правовед Марк Ансель писал, что изучение зарубежного права «открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [3, с. 342].

Источники конституционного права зарубежных стран разнообразны по форме, назначению и содержанию. Система источников конституционного права зарубежных государств достаточно хорошо изучена, и результаты научных исследований содержатся в юридической литературе.

Так, например, выделяют следующее построение системы основных источников конституционного права зарубежных стран: во-первых, национальные нормативные правовые акты, во-вторых, обычай, в-третьих, судебный прецедент, в-четвертых, нормативные правовые акты наднационального характера и международные договоры, в-пятых, общие принципы права [3, с. 342].

Конституционный обычай имеет две разновидности: обычай, складывающийся в практической деятельности конституционного механизма, на основе конституционных (законодательных) положений (так называемые конституционные соглашения или конвенционные нормы), и обычай, складывающийся вне рамок конституционного механизма и лишь санкционируемый государством (традиционный правовой обычай) [4, с. 40].

Конституционные соглашения – правила политической практики, которые считаются обязательными и неукоснительно соблюдаются теми, кого они непосредственно касаются. Установленные конституционными соглашениями предписания не могут быть принудительно осуществлены через суд [2, с. 27].

Конституционные соглашения особенно большое значение приобрели в странах, не имеющих писаной конституции. Так, в Великобритании, где впервые сложилось понятие «конституционное соглашение», они составляют важнейшую часть ее неписаной конституции. Они регулируют широкий круг общественных отно-

шений, связанных с осуществлением государственной власти. Например, в Великобритании статуты устанавливают, что монарх:

- а) утверждает билли, принятые парламентом;
- б) распускает и созывает парламент;
- в) назначает и смещает министров, которые несут ответственность перед ним.

Однако на основе этих статутных норм сложились конституционные соглашения, в соответствии с которыми монарх должен:

- а) утверждать билли (законопроекты, принятые обеими палатами парламента Великобритании), т.е. монарх обязан согласиться с биллем и не использовать право вето;

- б) распускать и созывать парламент лишь по совету премьер-министра;

- в) назначать премьер-министром лицо, пользующееся поддержкой большинства членов палаты общин, а по его совету – других членов кабинета, которые несут коллективную и индивидуальную ответственность перед палатой общин [4, с. 40].

Что случится, если королева откажется одобрить билль, принятый Парламентом? Что произойдет, если Кабинет проигнорирует вотум недоверия, вынесенный Палатой общин? Эти и многие другие вопросы не являются предметами регулирования статутного или общего права. Ответы на них нужно искать в анализе конвенциональных соглашений.

По мнению А. Дайси, конституционные соглашения представляют «правила, регулирующие осуществление всех оставшихся еще у короны дискреционных полномочий – как тех, которыми пользуется сам король, так и тех, которые осуществляются министерством» [1, с. 104]. При этом А. Дайси неоднократно отмечал, что конституционные соглашения не пользуются правом на судебную защиту. Ни один суд не может признать действия члена Кабинета незаконными на том основании, что правительство не пользуется доверием палаты.

Главная проблема, с которой можно столкнуться при анализе конвенциональных соглашений, заключается в следующем: является ли деление законов и соглашений столь ясным и недвусмысленным, как считал А. Дайси. Сэр А. Дженнингс подвергал сомнению такую позицию А. Дайси, поскольку конституционные соглашения постепенно признаются судами. В известном деле 1942 г. *Liversidge v. Anderson*, рассмотренном Судебным комитетом Палаты лордов, указывалось, что государственный секретарь

ответствен перед Парламентом за выполнение своих обязанностей, самых важных и конфиденциальных по своей природе. Таким образом, соглашение, закрепляющее принцип министерской ответственности перед Парламентом, непосредственно было признано высшей судебной инстанцией.

Однако гораздо чаще конституционные соглашения иным образом проникают в ткань судебных решений. В тексте самого судебного решения может отсутствовать прямое упоминание о конкретном конституционном соглашении, но при внимательном изучении можно понять, что позиция суда основывается на нем или суд как минимум признает его существование. «Тот факт, что суды не применяют конституционные конвенции, не означает, что они подспудно не признают их существование», – отмечал Худ Филлипс [1, с. 104].

Наконец, некоторые конституционные соглашения получили свое признание в актах Парламента. Например, А. Дэйси в конце XIX столетия упоминал в качестве конституционного соглашения обязанность верхней палаты подчиниться воле Палаты общин. Данное соглашение фактически было реализовано в Актах о Парламенте 1911 и 1949 гг., которые давали преимущество нижней палате в законодательном процессе. Можно привести десятки других примеров признания конституционных соглашений таким путем.

Таким образом, конституционные соглашения составляют важнейшую часть британской неписаной Конституции. Так, вся система управления кабинета целиком основана на этих соглашениях. Фактическое бесправие парламентарного монарха, созыв парламента на ежегодные сессии и многое другое регулируется только конституционными соглашениями, которые не имеют никакой юридической силы [2, с. 27].

В настоящее время конституционные соглашения имеют значение как источник конституционного права в США, Австралии, Канаде, Индии, Малайзии, Ямайке, Багамских островах и других англоязычных странах. Особенно широкое признание конституционные соглашения получили в практике Верховных судов Австралии, Канады, Индии. Например, в целом ряде решений Верховным судом Индии были признаны конвенционные нормы, регулирующие правовой статус президента, отношения президента и правительства и др. [4, с. 45].

В Швейцарии конституционный обычай играет важную роль в процессе формирования правительства: места в федеральном исполнительном совете распределяются между основными четырьмя политическими партиями по «магической формуле» 2:2:2:1, установленной обычаем. Вместе с тем следует отметить, что в странах континентальной системы права или близкой к ней конституционные соглашения играют куда меньшую роль, чем в странах общего права. Более того, во многих из них конституционная доктрина отрицает само существование конституционного обычая как источника конституционного права. Так, по мнению ряда французских ученых, во Франции нет конституционного обычая. «Ни учредитель, ни законодатель, ни судья не осыяти существование конституционного обычая как неписаного, но обязывающего правила» [4, 42].

Не существует конституционных обычаев и в системе источников конституционного права социалистических стран, а также франкоязычных стран Африки. Правда, некоторые отечественные государствоведы придерживаются иной точки зрения в отношении бывших социалистических государств (и стран Африки с влиянием континентального права) [4, с. 43].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что рассматривая конституционные соглашения как один из важных видов источников конституционного права многих стран, необходимо иметь в виду, что вопрос об их юридической природе остается дискуссионным. В работах как зарубежных, так и отечественных авторов существует два подхода к его решению, основанных на различном понимании природы самого права. Одни конституционалисты отрицают правовой характер конвенционных норм, другие — признают. Обе позиции достаточно полно освещены в отечественной и зарубежной литературе [4, с. 43].

Библиографический список

1. Лузин, В. В. Место и роль конституционных соглашений в системе источников права Англии / В. В. Лузин // Правоведение. — 1999. — № 2. — С. 103–106.
2. Сизько, И. А. Конституционное право зарубежных стран : учеб.-практ. пособие / И. А. Сизько, Н. М. Чепурнова. — М. : Изд-во МЭСИ, 2007. — 184 с.
3. Хаткова, З. М. Судебные решения в иерархии источников конституционного права в зарубежных странах / З. М. Хаткова //

Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. – № 8. – С. 342–347.

4. Чиркин, В. Е. Сравнительное конституционное право / В. Е. Чиркин. – М. : Манускрипт, 1996. – 725 с.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БОЛГАРИЯ

Е. С. Наумова

*магистрант юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А. В. Серегин),
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону*

Аннотация. Раскрывается структура местного самоуправления в Республике Болгария. Анализируются особенности функционирования структурных единиц самоуправления. Рассматриваются проблемы местного самоуправления и местной власти.

Ключевые слова: местное самоуправление, Болгария, община, область, кмет, район.

Вопросы функционирования политической власти в государстве связаны с проблемами организации местного самоуправления в локально-первичных сообществах компактно проживающего населения [7, с. 179].

В юридической литературе традиционно различали три модели местного управления: англосаксонскую (английскую), континентальную (французскую) и социалистическую [8, с. 76].

В. Е. Чиркин, помимо вышеупомянутых, выделял еще две модели: иберийскую и систему советов [10, с. 69].

Современные реформы местного управления нацелены, в частности, на укрупнение административно-территориальных единиц, сокращение числа местных органов, создание различных региональных форм управления [9, с. 97].

Конституционная история Болгарии началась во второй половине XIX в. Конституций в современном понимании этого слова в истории Болгарии было четыре: 1879, 1947, 1971 и 1991 гг.

Первая из них, получившая название Тырновской, стала одним из самых прогрессивных европейских актов своего времени:

она устанавливала в Болгарии конституционную монархию, содержала обширный перечень прав и свобод граждан, гарантии правового статуса индивида [3, с. 403].

Современное конституционное право Болгарии является результатом перестроечных процессов 90-х годов XX века. Отказ от социалистического пути развития и стремление перейти к демократической государственности, обрести самостоятельность и найти свое место в современном мире привели к изменению политической системы этой страны и преобразованию конституционного права [5, с. 133].

Важным этапом преобразования конституционного права Болгарии стала новая Конституция, принятая 12.07.1991.

Возвращение к принципу разделения властей и отказ от социалистического принципа единства власти повлек реформу организации власти на местах. Конституционное оформление получила концепция местного самоуправления. Система власти на местах урегулирована в главе 7 (ст. 135–146) Конституции [4], а также Законом о местном самоуправлении и местной администрации 1991 г. и Законом об административно-территориальном устройстве Республики Болгарии 1995 г.

В соответствии со статьей 135 Конституции территория республики делится на общины и области; территориальное деление и полномочия столичной общины и других больших городов, а также создание других административно-территориальных единиц и органов самоуправления в них подлежат регулированию Законом 1995 г. [2]. Он предусматривает деление территории страны на административно-территориальные и территориальные единицы. Административно-территориальными единицами являются области и общины, а в составе общин – кметства и районы (последние – в больших городах). Территориальными же единицами являются населенные пункты (города и села) и населенные образования (дачные зоны, промышленные зоны, курортные комплексы и курортные местности, расположенные на землях населенных пунктов).

Статья 142 Конституции характеризует область как административно-территориальную единицу для проведения региональной политики, для осуществления государственного управления на местах и для обеспечения соответствия между национальными и местными интересами.

Управление в области осуществляет областной управляющий, которому помогает областная администрация, включающая его заместителей.

Община – это основная административно-территориальная единица, в которой осуществляется местное самоуправление, а граждане участвуют в управлении общиной как через избранные ими органы местного самоуправления, так и непосредственно через референдум и общее собрание населения.

Согласно Конституции, община является юридическим лицом, а ее границы определяются после опроса населения. Она имеет право на свою собственность, используемую в интересах соответствующей территориальной общности, самостоятельный бюджет, постоянные финансовые источники которого определяются законом. Государство средствами бюджета и иным образом содействует нормальной деятельности общин.

Представительным органом местного самоуправления в общине является общинный совет, который избирается населением соответствующей общины сроком на 4 года.

В законодательстве компетенция общинного совета определяется как остаточная: он решает вопросы местного значения, которые не являются исключительной компетенцией других органов.

Органом исполнительной власти в общине является кмет. В установленных законом случаях он выполняет также функции, возложенные на него центральными государственными органами.

Кметство может создаваться на территории общины решением ее совета по инициативе и с согласия жителей. Оно состоит из одного или более соседствующих населенных пунктов. Создание кметства допускается при наличии на соответствующей территории более 100 жителей и при возможности осуществления предоставленных общиной функций.

В соответствии с Конституцией самоуправляющиеся территориальные общности имеют право объединяться для решения общих вопросов; законодатель обязан создавать условия для объединения общин. Законом предусмотрено, что любые административно-территориальные единицы могут объединяться на добровольном принципе для решения проблем и задач, представляющих общий интерес.

В стране есть еще 6 так называемых регионов планирования – это условные объединения областей, которые имеют свои стратегии развития, советы по развитию, но не имеют органов управления. Возникли они в результате влияния Европейского Союза. При этом Болгария, избегая перестройки своего административно-территориального устройства под стандарты Евросоюза, выбрала

компромиссный вариант, объединив области в регионы планирования. Теперь региональные стратегии служат инструментом и условием получения финансовой помощи Евросоюза для регионального развития Болгарии [6, с. 3].

В юридической литературе часто затрагиваются проблемы местной власти, финансовые аспекты местного самоуправления, определения значения местного самоуправления и роли местной власти в гражданском обществе.

Так, по мнению проф. Ч. Кюранова, патриархальная община, которая сохранялась в Болгарии и в 20-е годы XX века, не может существовать в условиях новых капиталистических отношений, поэтому ее позитивный демократический потенциал не может быть использован. Сложен вопрос и о преобразовании системы, существовавшей в Болгарии до 1989 г., когда характерной чертой была централизация. Вопрос о централизации и децентрализации, по его мнению, напрямую связан с взаимоотношениями между двумя органами местного самоуправления: кметом и общинным советом.

Доктор Т. Попова считает, что для того, чтобы общины развивались не хаотично, необходимо, чтобы законы, подзаконные акты и управленческая практика отвечали определенным требованиям. Действующее же законодательство довольно схематично регулирует сложные вопросы местных финансов, что создает основу для неудачных управленческих решений [1, с. 118].

Библиографический список

1. Андреева, Г. Н. Проблемы местного самоуправления и местной власти / Г. Н. Андреева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. Реферативный журнал. – 2000. – № 3. – С. 117–120.
2. Закон об административно-территориальном устройстве Республики Болгария № 63 от 14.07.1995 (с изм. и доп.). – URL: <http://www.parliament.bg/bg/laws> (дата обращения: 22.03.2018).
3. Иностранное конституционное право / под редакцией проф. В. В. Маклакова. – М. : Юрист, 1996. – 512 с.
4. Конституция Республики Болгария от 12.07.1991. – URL: <http://www.parliament.bg/bg/const> (дата обращения: 22.03.2018).
5. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : в 4 т. / отв. ред. Б. А. Страшун. – М. : БЕК, 1997. – Т. 3. – 764 с.
6. Особенности местного самоуправления Болгарии // Муниципалитет. – 2015. – № 4 (41). – С. 3–4.

7. Серегин, А. В. Юридическая компаративистика / А. В. Серегин. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 248 с.

8. Черкасов, А. И. Местное управление в зарубежных странах : модели и тенденции эволюции / А. И. Черкасов // Государство и право. – 2011. – № 3. – С. 76–85.

9. Черкасов, А. И. Местное управление в зарубежных странах: реформы и тенденции развития / А. И. Черкасов // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1 (88). – С. 97–105.

10. Чиркин, В. Е. Модели местного самоуправления в современном мире / В. Е. Чиркин // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. Реферативный журнал. – 1995. – № 2. – С. 67–70.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

А. О. Субботина

*магистрант юридического факультета
(научный руководитель: к.ю.н., доцент А. В. Александрова),
Пензенский государственный университет,
г. Пенза*

Аннотация. Исследуются основные модели местного самоуправления. Выделяются основные типологические признаки моделей местного самоуправления с позиций современных подходов к изучению местного самоуправления. Рассматриваются основные тенденции развития и конвергенции основных систем местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, англо-американская модель, континентальная модель, смешанная модель.

В юридической науке под местным самоуправлением принято понимать управленческую деятельность в местной территориальной единице, осуществляемую специальными выборными и иными органами, непосредственно представляющими ее население, обладающую определенной административной самостоятельностью и не входящей в систему государственной власти. Местное самоуправление в его современном понимании стало формироваться на рубеже XVIII–XIX вв. За прошедшие с тех пор годы оно оформилось законодательно, отразив огромный опыт граждан в решении местных проблем и поисков разумного соединения инте-

ресов государства и его территориальных сообществ, принята Европейская хартия о местном самоуправлении [1]. В современных условиях наличие в стране эффективного местного самоуправления, отвечающего международным стандартам, рассматривается в качестве важнейшего показателя демократизма существующего государственного режима. Следовательно, исследование теоретических и практических аспектов сущности, принципов и типологии местного самоуправления не теряет своей актуальности.

Мировая практика знает огромное разнообразие организационных и экономических решений в области местного самоуправления, обусловленных спецификой отдельных государств, их административно-территориальных, исторических, демографических, религиозных особенностей, действующим политическим режимом, реализуемой правовой системой, местным муниципальным опытом. В литературе по местному самоуправлению выделяются несколько различных классификаций систем местного самоуправления, отличных порядком формирования органов местного самоуправления, предметами ведения местного самоуправления, характером и особенностями взаимоотношений органов местного самоуправления с органами государственной власти. Тем не менее, большинство авторов традиционно различают три его модели (системы), в целом соответствующие основным правовым системам (семьям) современности: классическая (английская), континентальная (романо-германская) и «советская» [3, с. 76].

Для англо-американской модели, имеющей место в Великобритании, США, Канаде, Индии, характерно наличие местного самоуправления на всех уровнях ниже уровня государства, субъекта федерации или автономии.

Выделяют следующие характерные особенности англо-американской модели местного самоуправления:

- значительный уровень автономности и политической самостоятельностью в пределах собственной компетенции местных властей;
- отсутствие прямого подчинения органов местного самоуправления органам государственной власти;
- отсутствие уполномоченного представителя, назначаемого центральным правительством для опеки и контроля деятельности органов местного самоуправления;
- осуществление правительственного контроля опосредованно, с посредством не административных, а судебных процедур;

– абсолютная выборность и срочность полномочий органов местного самоуправления и ряда должностных лиц;

– право органов местного самоуправления предпринимать только те действия, которые прямо предписаны им законом [2, с. 241–242].

Исходя из выделенных типологических черт, следует отметить, что англо-саксонская муниципальная модель применима в определенных условиях, в сложившихся традициях правового государства, при наличии достаточно высокого уровня политической и правовой культуры граждан. В странах с сильными местническими тенденциями, при наличии опасности сепаратизма, данная модель местного самоуправления оказаться неуместной.

Континентальная система в противоположность англо-американской предполагает сочетание местного самоуправления с местным и региональным управлением в различных формах. Данная модель в настоящее время имеет распространение в странах Европы (Франция, Италия, Испания и др.), большинстве стран Латинской Америки, Ближнего Востока.

Можно отметить следующие типологические особенности континентальной модели местного самоуправления:

– строгая иерархия в системе управления, где местное самоуправление является нижестоящим звеном по сравнению с государственной властью;

– четкое регламентирование функций органов местного самоуправления и местных администраций [2, с. 242].

Таким образом, основу континентальной системы образует сочетание представительных и исполнительных органов власти, формирующихся на местах, и назначаемых из центра представителей государственной администрации. Представителями государственной власти производится надзор за деятельностью местных органов, выполняются иные функции общегосударственного характера, например, обеспечение осуществления полномочий центральных государственных органов на местном уровне, информирование правительства о положении дел на местах и т.п.

На современном этапе общественного развития трудно найти государство, в котором реализуется конкретная модель местного самоуправления в “чистом” виде. В ряде государств (Германия, Австрия, Япония, Россия, Казахстан, Белоруссия и др.) успешно функционирует так называемая смешанная модель местного самоуправления, включающая элементы и англо-американской и кон-

тинентальной моделей. Особой спецификой отличается организация местного самоуправления в федеративных государствах. Там, как правило, представителем государства по отношению к местному самоуправлению выступает не федеральная власть, а власть провинции, штата, земли и т.д.

Кроме того, происходит определенная конвергенция англо-американской и континентальной моделей. Так, в странах англосаксонского права растет роль статута в правовом регулировании местного управления, модифицируется традиционное для этих государств «позитивное» регулирование полномочий местных властей, в то время как в странах континентального права уменьшается соподчиненность различных уровней управления, внедряются некоторые организационные формы, ранее в большей мере характерные для англо-американской модели.

Свою роль в процессе конвергенции играют изменения функций органов местного самоуправления. Это обуславливается рядом обстоятельств:

- появляются новые функции, потребности в осуществлении которых раньше не было (экологические и др.);
- часть функций, традиционно осуществляемых муниципалитетами, передается представителям общественных объединений или частных компаний (например, уборка и утилизация мусора и т.п.);
- урбанизация и демографические изменения приводят к фактическому сокращению сельских поселений и росту числа городских, что непосредственно отражается на характере функций, осуществляемых муниципалитетами.

Прослеживается общее стремление повысить интерес населения к вопросам местного управления и самоуправления, оживить политический процесс на местном уровне, сделать муниципальную систему более привлекательной для населения. В этих целях вносятся изменения в законодательство о местном управлении, направленные на расширение гласности в деятельности муниципальных властей, оптимизацию ее организационных форм. В отдельных государствах (в том числе и в России) не без успеха внедряется заимствованная из американского опыта система «совет – управляющий», в рамках которой основные управленческие функции поручаются специалисту в области городского управления, нанимаемому муниципальным советом по контракту [3, с. 85].

Изучение моделей муниципального управления, реализованных на современном этапе общественного развития, показывает, что на формирование муниципальной системы конкретного государства во многом определяется его правовой системой, государственным устройством и связанными с ним принципами территориального распределения властных полномочий, а также спецификой исторического развития местного самоуправления и государства в целом. Знание и обобщение зарубежного и национального опыта организации местного самоуправления объективно помогает выработать рекомендации по повышению эффективности организации и деятельности местного самоуправления в нашей стране. Местное самоуправление призвано приблизить власть к нуждам народа, стабилизировать политическую ситуацию в стране, реализовать повседневные потребности отдельных людей, искать компромисс между государственной властью и народом.

Библиографический список

1. Европейская хартия местного самоуправления: ETS № 122 от 15.10.1985 // Бюллетень международных договоров. – 1998. – № 11.
2. Теория и история политических институтов : учеб. пособие для вузов / под ред. проф. А. В. Макарина, проф. А. И. Стребкова – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. – 320 с.
3. Черкасов, А. И. Местное управление в зарубежных странах : модели и тенденции эволюции / А. И. Черкасов // Государство и право. – 2011. – № 3. – С. 76–85.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ И ИХ ЗАЩИТА

Андреева Ю. А.

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА
НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН 3

Безоян О. Н.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ
ЗАЩИТЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ИЗ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ 6

Бичинов Р. Н.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА СВОБОДУ
СОБРАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ..... 10

Бухминов И. И.

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВ
В СФЕРЕ ТРУДА..... 12

Володин С. М.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ
И СВОБОД ЛИЧНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ 16

Володина К. С.

МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
ГРАЖДАН НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ И ИНУЮ
НЕ ЗАПРЕЩЕННУЮ ЗАКОНОМ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ..... 19

Воротынов А. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 23

Герасимов А. Д.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО
ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ 27

Граф Р. В.

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ГОСУДАРСТВОМ
КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО 31

Гуськов Г. Д., Джумадурдыев Д. О.

ГАРАНТИИ И ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННЫХ
ПРАВ ЛИЧНОСТИ..... 36

Журавлева А. М.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ЖИЛИЩЕ
И ОХРАНА АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА 40

Илюхина Д. А. ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНСТИТУЦИОННОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРИНЦИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	44
Капустина М. А., Медведева И. И. ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА РАСПОРЯЖЕНИЕ ОРГАНАМИ И ТКАНЯМИ СВОЕГО ТЕЛА В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ	50
Кондратьева М. А. ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА, ПОСЯГАЮЩЕГО НА КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	55
Кузьминкина Е. В. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА.....	61
Лохина Е. С. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН	65
Портнова Е. В. ЛИЧНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	69
Сеидов Ф. М. ФОРМЫ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ	73
Уланова О. И. РОЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ	77
Усанкина П. Д. ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ	82
Чегина Н. С. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГРАЖДАН НА ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ	86
Щеглова Д. Д. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО НА ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ, ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, ПОЧТОВЫХ, ТЕЛЕГРАФНЫХ И ИНЫХ СООБЩЕНИЙ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛЕЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	89

Раздел II. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Алихаджиева А. С. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	94
Барановский Н. С. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НОВЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	98
Безруков А. В., Живодрова Н. А., Безрукова О. В. ГЕРАЛЬДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	102
Гусева А. Л., Данилова В. А. ФЕДЕРАЛЬНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: К ВОПРОСАМ ПРИМЕНЕНИЯ	108
Гусева А. Л., Павлова А. А. ТЕНДЕНЦИЯ РАСШИРЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.....	113
Гуськов Г. Д., Джумадурдыев Д. О. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ: РОЛЬ И МЕСТО В ТЕОРИИ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ.....	118
Дикарева А. Ю. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЕКТОВ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ	122
Игошина В. С. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	126
Катомина В. А. ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ	130
Кемяшов Д. В. ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.....	136
Лазарева Л. В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ	139

Савочкина Е. Ю. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.....	143
Саутиев И. Я. ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ	148
Саутиев М. Я. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	152
Тюгаев Р. М. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ.....	156
Шамшин С. С. ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С ДРУГИМИ ТЕРМИНАМИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА	161

Раздел III. СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Варюхина А. П., Львова Т. С. НАЦИОНАЛЬНАЯ УЧРЕДИТЕЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ БОЛИВАРИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЕНЕСУЭЛА 2017 г.	167
Дуданова Е. Н. КОНСТИТУЦИИ СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: РОССИЯ, БЕЛОРУССИЯ, УКРАИНА	172
Рыжова А. А., Искоских Д. Д., Козлова Е. Ю. МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ЖИЗНЬ В МЕЖДУНАРОДНОМ И РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	176
Ишханова Е. А. ИНСТИТУТ ИМПИЧМЕНТА В РОССИИ И США.....	181
Кочеткова П. В., Крылова К. В. ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МОНАРХИЙ	186
Логачева Н. В. ПРОЦЕСС ПРИЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ	191
Мещерякова М. С. РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	195

Наумова Е. С.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БОЛГАРИЯ 200

Субботина А. О.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ
МОДЕЛЕЙ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ 204

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА**

**Материалы III Всероссийской
научно-практической конференции**

(г. Пенза, 18 апреля 2018 г.)

**Под редакцией кандидата юридических наук,
доцента **Александровой** Анны Викторовны**

Материалы представлены в авторской редакции

*Компьютерная верстка Р. Б. Бердниковой
Дизайн обложки А. А. Стаценко*

**Подписано в печать 04.09.2018. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 12,44.
Заказ № 009353. Тираж 100.**

**440026, Пенза, Красная, 40, Издательство ПГУ.
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru**